Учредитель:
АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (54)
2019

Журнал включен

в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК

Тексты статей размещены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

12+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., *кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права;*

Ахамер Гилберт, *доктор наук, член Австрийской Академии наук (Институт экономической географии), профессор Университета Грац, профессор Университета Зальцбурга, профессор Австрийского института прикладных наук, профессор Университета Челло (Вена), Университета Кремс, эксперт Европейской комиссии по вопросам образования, науки и экологии, соредактор и член редакционных советов в международных научных журналах (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Вена, Австрия.*

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Ю.В., *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий;*

Салихов Б.В., *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха П.В., *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский С.В., *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.*

12.00.00 Юридические науки

Агапов П.В., *доктор юридических наук, доцент, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов С.В., *доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Гаврилов Б.Я., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации;*

Дорская А.А., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Кузнецов П.У., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев А.В., *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права, конституционное и административное право», заместитель директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университет;*

Нарутто С.В., *доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);*

Пашенцев Д.А., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета;*

Полякова Т.А., *доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором Информационного права Института государства и права Российской академии наук;*

Радько Т.Н., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации;*

Тарасов А.М., *доктор юридических наук, профессор, советник в отделе Главного территориального управления Администрации Президента РФ, заслуженный юрист Российской Федерации.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян А.Ю., *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Ю Синода, *доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Эксперты:

Меськов В.С., *доктор философских наук, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;*

Тихонов А.В., *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;*

Шеремет И.А., *доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационная безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.*

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Золотарев В.А., *доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетный профессор Военного университета Министерства обороны России, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны, действительный государственный советник РФ 1-го класса, заместитель Генерального директора Международного биографического центра от России (Великобритания, Кембридж), действительный член Итальянской академии экономики и социальных наук, почетный доктор Нью-Йоркского Университета; почетный член Западноевропейской академии науки и культуры*

Зам. главного редактора: Шкурко Н.М., *кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»*

Директор Научно-издательского центра: Чеботарев В.Е., *кандидат экономических наук, доцент*

Технический редактор: Савеличев М.Ю.

Корректор: Игнашина А.А.

© Коллектив авторов, 2019
© АНО ВО «МИГУП», 2019

Establisher:
ANO HE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201 Vestnik Akademii prava i upravleniâ

By decision of the Presidium of Academy for Natural Sciences of the Russian Federation from September 17, 2007 «The Bulletin of Academy of Law and Management» is awarded with V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy for Natural Sciences of the Russian Federation from March 17, 2010 «The Bulletin of Academy of Law and Management» is awarded with A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
OF ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 1 (54)
2019

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The magazine has been put on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions, where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«Bulletin of Academy of Law and Management» is included in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,*
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law
Ahamer Gilbert, *PhD, Member of the Austrian Academy of Sciences (the Institute of Economic Geography), professor of Graz University, professor of Salzburg University, professor of the Austrian Institute of Applied Sciences, professor of Cello University (Vienna), Krems University, expert of the European Commission for Education, Science and Environment, co-editor and member of editorial boards at the international scientific journals (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Vienna, Austria.*

Members of Editorial Board:

08.00.00 Economic sciences:

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the all-Russian Research Institute of Agricultural Economics of the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas;*

Salikhov B., *Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel;*
Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Chairholder, Dean of the Faculty of Economics of the Russian State Social University;*
Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow Region State University.*

12.00.00 Sciences of Law:

Agapov P., *Doctor of Law, Associate Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*
Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*
Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*
Gavrilov B., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Law Faculty of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen;*
Kuznetsov P., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Information Law of the Ural State Law University;*
Minbaleev A., *Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law", Deputy Director for Science of the Law Institute of the South-Ural State University;*
Narutto S., *Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);*
Pashentsev D., *Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City University;*
Polyakova T., *Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Information Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;*
Rad'ko T., *Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation;*
Tarasov A., *Doctor of Law, Professor, Advisor in the Department of the Main Territorial Administration of the Presidential Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation.*

Foreign Members of Editorial Board

Anil Sarwal, *PhD, professor of the Punjab University (Chandigarh, India);*
David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*
Mkrtumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*
Paul Smit, *PhD, professor of the University of Pretoria, South Africa (RSA);*
Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*
Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Expert members:

Mes'kov V., *Doctor of Philosophy, Professor of Chair of Pedagogy of the Higher School of Education, Professor of Chair of Theology of the Faculty of Philology, Director of Educational-Scientific Center of Interdisciplinary Issues of Education and Cognitive Science of the Moscow Pedagogical State University;*
Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Chair "Information safety" of Financial University under the Government of the Russian Federation, Full State Counselor of the Russian Federation of the 3rd Class;*
Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS.*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of the Military University of the Russian Ministry of Defense, President of the Association of the Second World War Historians, Full State Counselor of the Russian Federation of the 1st Class, Deputy Director General of the International Biographical Center from Russia (United Kingdom, Cambridge), Full Member of the Italian Academy of Economics and Social Sciences, Honorary Doctor of New York University, Honorary Member of the Western European Academy of Science and Culture*
Deputy Chief Editor: Shkurko N., *PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Autonomous Nonprofit Organization for Higher Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"*
Director of scientific-publishing center: Chebotarev V., *PhD in Economics, Associate Professor*
Make-up Editor: Savelichev M.
Proofreader: Ignashina A.

© Group of Authors, 2019
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Овечкин А.П.,
КАТЕГОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА **9**

Чернявский А.Г.,
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАРОДНОГО САМОДЕРЖАВИЯ **14**

Скребнева Н.А., Скребнев А.В.,
ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ПРАВОНАРУШЕНИЙ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ **20**

Духно Н.А.,
КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИИ **26**

Правкин С.А., Смирнова В.В.,
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ
ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И КОНКУРЕНЦИИ **33**

Филиппова М.Ю.,
ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ **39**

Климова А.О.,
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ
И ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА **46**

Лутовинова Н.В.,
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ **51**

Лаврова Ю.В.,
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ **56**

Борисов А.В., Орлов Ю.Ю.,
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДМЕТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА **60**

Осипян Б.А.,
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОДНОКОРНЕВЫХ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И «ПРЕСТУПНОСТЬ» **66**

Климкин В.Н.,
НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ:
АНАЛИЗ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА **75**

Чурилов С.Н.,
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ
СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ **80**

Краснопеев И.С.,
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ КОМПРОМИССА СО СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ **84**

Федоров Р.В.,
НЕКОТОРЫЕ ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ИДЕИ О НЕОБХОДИМОСТИ
ПРИЗНАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
ЗА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ **91**

Полякова Т.А.,
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СОВРЕМЕННОМ
ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РИСКИ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ **97**

Надхер Ахмед Мандиль, Аль Али Насер Абдель Рахим
ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРАВОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ТРАНСПОРТНОМ СЕКТОРЕ **104**

Вологдина Е.С.,
К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ **119**

Нарутто С.В.,
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА **124**

Вяткина Г.О.,
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ **131**

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Бондаренко Т.Г., Анненков А.Ю.,
FINTECH И LEGALTECH: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА **137**

Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.В.,
ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ **144**

Борзунова Т.И., Морозова Г.Ф.,
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ В ЭТИХ РЕГИОНАХ В 2012-2017 ГГ. **150**

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Ovechkin A.,
THE JUSTICE CATEGORY IN RUSSIAN MODERN LEGAL SYSTEM **9**

Chernyavskiy A.,
HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE THEORY OF PEOPLE'S SOVEREIGNTY **14**

Skrebneva N., Skrebnev A.,
FEATURES OF THE OBJECTS OF THE OFFENSES OF MEDICAL ORGANIZATIONS
AND MEDICAL WORKERS IN PUBLIC AND PRIVATE LAW **20**

Dukhno N.,
CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SECURE LEGAL SYSTEM IN RUSSIA **26**

Pravkin S., Smirnova V.,
CONSTITUTIONAL-LEGAL ASPECTS OF REGULATION AND PROTECTION
OF THE COMMON ECONOMIC SPACE AND COMPETITION **33**

Filippova M.,
THE EXPORT OF EDUCATION AS A LEGAL PHENOMENON **39**

Klimova A.,
THEORETICAL-LEGAL FRAMEWORK OF THE CONCESSION AGREEMENT
AND INVESTMENT AGREEMENT **46**

Lutovinova N.,
SOME ASPECTS OF PENSION MAINTENANCE IN RUSSIA **51**

Lavrova Yu.,
ISSUES OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL RIGHTS OF PERSONS
WITH DISABILITIES IN HEALTH **56**

Borisov A., Orlov Yu.,
CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE MATTER OF BRIBE TAKING **60**

Osipyan B.,
DEFINITION OF SINGLE-ROOT TERMS "CRIME" AND "CRIMINALITY" **66**

Klimkin V.,
VIOLENT CRIMINALITY IN THE PLACES OF DETENTION:
ANALYSIS OF CAUSAL COMPLEX **75**

Churilov S.,
GNOSEOLOGICAL ISSUES OF ORGANIZATION THEORY OF JUDICIAL INQUIRY OF OFFENCES **80**

Krasnopeev I.,
THE ESSENCE AND CONTENT OF FORENSIC SUPPORT FOR THE ACTIVITIES
OF THE INVESTIGATOR TO ACHIEVE A COMPROMISE WITH THE DEFENSE
IN CRIMINAL CASES OF TAX CRIMES **84**

Fedorov R.,
SOME ARGUMENTS IN SUPPORT OF THE IDEA ABOUT THE NEED
TO ADMIT INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY FOR TRANSNATIONAL CORPORATIONS **91**

Polyakova T.,
DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND RIGHT TO INFORMATION
IN MODERN DIGITAL SPACE: RISKS AND LEGAL FORECASTING **97**

Dr. Nadher Ahmed Mandeel, Al Ali Naser Abdel Rakheem
THE IMPACT OF ELECTRONIC DEVELOPMENT ON LEGAL ACTIVITIES IN THE TRANSPORT SECTOR **104**

Vologdina E.,
REVISITING THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MEMBER STATES
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LEGAL ASPECT **119**

Narutto S.,
DEMOCRATIC TENDENCIES IN THE NEW MODEL OF THE STATE SYSTEM
OF SCIENTIFIC PROMOTION AND ISSUES OF PRESERVING A UNIFIED LEGAL SPACE **124**

Vyatkina G.,
PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF RESEARCH ACTIVITIES
OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION **131**

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Bondarenko T., Annenkov A.,
FINTECH AND LEGALTECH: PROBLEMS AND CHALLENGES OF DIGITAL SPACE BULDING **137**

Kaufman N., Zelentsova S.,
THE FORMATION OF THE STRATEGY OF DIVERSIFICATION
OF ORGANIZATIONS IN THE INNOVATION ECONOMIC DEVELOPMENT **144**

Borzunova T., Morozova G.,
THE NORTHERN CAUCASUS, THE FAR EAST – BENCHMARKING ANALYSIS
OF FORMATION OF THE POPULATION IN THESE REGIONS IN 2012-2017 ..... **150**

УДК 342.7

Овечкин А.П.,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

КАТЕГОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Статья посвящена проблемам взаимосвязи и взаимодействия справедливости и права. В ней дается анализ современных теоретических подходов к пониманию соотношения между этической категорией справедливость и правом. Значительное внимание уделяется исследованию сущности и понятию справедливости как универсальной и многопрофильной категории этики. Справедливость рассматривается как этическая категория, в основе которой лежит оценка должных деяний и воздаяния. На основании действующего российского законодательства проводится анализ основных направлений взаимосвязи справедливости с правовой системой Российской Федерации.
Ключевые слова: справедливость, принцип справедливости, право, соотношение справедливости и права

Ovechkin A.,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

THE JUSTICE CATEGORY IN RUSSIAN MODERN LEGAL SYSTEM

The article is devoted to the issues of interrelation and interaction of justice and law. It provides an analysis of modern theoretical approaches to understanding the relationship between the ethical category of justice and law. Considerable attention is paid to the study of the essence and the concept of justice as a universal and a multidisciplinary category of ethics. Justice is viewed as an ethical category based on the assessment of due actions and retribution. An analysis of the main directions of the relationship of justice with the legal system of the Russian Federation is carried out on the basis of the current Russian legislation.
Keywords: justice, principle of justice, law, relationship of justice and law

В современных условиях особое значение приобретает проблема соотношения справедливости и права. В соответствии с Конституцией нашей страны – Российской Федерации – это одновременно и демократическое, и правовое государство [1 ст.1], и социальное государство [1 ст.7]. Вполне естественно, что такое государство не может не опираться на прочный базис принципа справедливости. Поэтому закономерно, что интерес к вопросу о соотношении справедливости и права не только не снижается, но и постоянно усиливается. В силу своей сложности и многоаспектности, данный вопрос является источником постоянных споров на бытовом уровне, предметом серьезных научных дискуссий.

На сегодняшний день в научных взглядах на соотношение справедливости и права сложились две диаметрально противоположенные точки зрения. Согласно первой из них справедливость в силу своего субъективного понимания не применима к праву. По мнению сторонников этой точки зрения, справедливость не способна объективно оценивать правовую систему, ибо, что для одних справедливо, для других, наоборот, несправедливо. Они полагают, что категория справедливости применима только к оценке моральных явлений, но не права [21]. Истоки такого подхода уходят своими корнями в правовой позитивизм.

Вторая точка зрения представлена учеными, признающими прочную диалектическую взаимосвязь справедливости и права. [14,16,18] Представляется, что данная позиция является более убедительной и предпочтительной. Ссылки на исключительно субъективный характер справедливости, на наш взгляд, не соответствуют действительности. Справедливость является универсальной категорией этики, имеющей

Как цитировать статью: Овечкин А.П. Категория справедливости в системе современного российского права // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 9–13

объективно установленный и общественно значимый смысл, а также общественно значимую правильность, которые позволяют давать нравственно-ценностную оценку различным явлениям и событиям общественной жизни, включая и право.

Данный взгляд на соотношение справедливости и права уходит своими корнями в далекое прошлое. Еще Аристотель писал: Все установленное законом в известном смысле справедливо, ибо все, что положено законодателем, законно, и каждое отдельное постановление его мы считаем справедливым [12 стр.83]. Римские юристы считали справедливость основным принципом создания и толкования права. «Судья всегда должен иметь перед глазами справедливость..., – подчеркивал Цицерон, – Если нельзя найти безупречное решение, надо избрать наименее несправедливое из решений» [22 стр. 315].

Однако и в рамках данного подхода нет единого устоявшегося взгляда на соотношение справедливости и права. Некоторые правоведы отрицают внеправовое существование справедливости, полагая, что она является исключительно правовой категорий, а не нравственной [20 стр.28]. Наряду с такой крайней, жесткой и однозначной позицией существуют более мягкие варианты, когда справедливость рассматривается одновременно и как категория этики, и как категория права.

Представляется, что традиционно справедливость является чисто этической категорией. Иное дело, что, по мнению значительного числа ученых, она является универсальной категорией, применимой для оценки явлений, событий, процессов из различных областей общественной жизни. Например, имеющиеся серьезные перекосы в распределении доходов между людьми – это, прежде всего, экономическая проблема, но она имеет и свою этическую оценку с точки зрения справедливости или несправедливости существующей в обществе системы распределения материальных и духовных благ.

В каждой из областей общественной жизни справедливость имеет свое конкретной проявление и воплощается в конкретных оценочных критериях и механизмах, устанавливаемых нравственных правилах и требованиях. В отношениях с правом, справедливость является своеобразным «мостиком», перекидывающим и вплетающим в правовую ткань нравственную составляющую, без которой не может существовать ни правосознание, ни правовая культура, ни право в целом. Она отражает всю палитру сложных и многосторонних связей и отношений морального и правового в их взаимодействии и единстве. «Все правовое» всегда стремится к справедливости. Справедливость – это отправная точка и основа для решения многих актуальных проблем в сфере юриспруденции. В то же время нельзя не учитывать, что все, что относится к праву не всегда бывает справедливым, а справедливость может выходить далеко за рамки правовой природы. Чрезвычайно важно иметь в виду, что смысл и содержание категории справедливость устанавливается обществом, в отличие от правовых норм, которые определяются государством. Поэтому все оценочные суждения о справедливом или несправедливом, требования, предъявляемые к личности, имеют негосударственное, а нравственно-общественное значение. Но при этом через воздействие общественного мнения органы государственной власти могут учитывать требование о справедливости в своей политике, формировании правовой системы.

Возникает вопрос: что же понимается под справедливостью? Следует отметить, что закон, достаточно активно эксплуатирует это понятие, но определения его не дает, а в научной литературе на него до сих пор нет единого взгляда. Более того, по мнению некоторых ученых-правоведов, в правовой науке нет общепризнанной, цельной концепции справедливости, применимой для исследования правовой действительности как в общетеоретическом, так и в отраслевом плане [14].

Можно выделить несколько предлагаемых подходов к понятию справедливость. Во-первых, ряд авторов полагают, что к проблеме определения понятия справедливость можно подходить только практическим путем [19]. Их исходный тезис состоит в том, что содержание указанного понятия подвержено постоянным изменениям и находится в прямой зависимости от уровня развития общества. Это делает невозможным теоретическое вычленение сущности и содержания справедливости. Действительно, данное понятие не является константой. Оно видоизменяется вместе с развитием общества. Но ведь и право не стоит на месте. В том-то и заключается задача теоретика-исследователя, чтобы отслеживать, происходящие изменения, вносить соответствующие коррективы в теоретическое осмысление понятия справедливость, иначе его станет невозможно применять на практике к оценке различных общественных, в том числе правовых, процессов и явлений.

Во-вторых, некоторые философы и правоведы рассматривают категорию справедливости как универсальный оценочный инструмент [17, 23,24]. Без сомнения оценочный компонент присущ справедливости, но справедливость это еще и набор требований к правам и обязанностям, личностным качествам индивида, в том числе связанных с особенностями его профессиональной деятельности.

В-третьих, в ряде случаев определение справедливости носит весьма расплывчатый и неконкретный характер. Так, Есикова М.М. определяет справедливость как «определенный порядок удовлетворения интересов взаимосвязанных индивидов и групп» [16

стр. 20]. Не вызывает сомнения, что справедливость, как и любая иная этическая категория (честь, достоинство, свобода и пр.), нацелена на удовлетворение человеческих интересов. Вопрос заключается в том, о каких конкретно интересах идет речь. Интересы справедливости, прежде всего, выражены в достижении равенства перед законом, соответствием деяния и вознаграждением (зло должно быть наказано, а добро поощрено), соответствием заслуг человека его реальным делам, достижением соразмерности действий людей требованиям правовых норм и юридических предписаний и пр.

Следовательно, справедливость – это универсальная многоаспектная этическая категория, выражающая требование соответствия деяния и воздаяния, позволяющая давать нравственную оценку общественным процессам, явлениям и событиям, а также предъявляющая определенный набор личностных и поведенческих качеств к индивидам и социальным общностям. В справедливости находит свое выражение представление о должном взаимодействии между людьми, их правах и обязанностях. С точки зрения справедливости или несправедливости может рассматриваться конкретный поступок индивида, принятый законодательный акт, любой государственный институт и т.д. Справедливость подразумевает соответствие прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания. Справедливым является не только не отвратимость наказания за совершенное преступление, но и соответствие наказания тяжести совершенного преступления.

В правовой сфере взаимодействие права и справедливости осуществляется по многим направлениям. Во-первых, правовая система в целом, конкретные правовые акты и отдельные правовые нормы всегда оцениваются обществом, социальными группами и отдельными индивидами с позиций их справедливости или несправедливости. Причем, как верно, утверждает Бозров В.М., разброс мнений в оценках может колебаться от полного отрицания справедливости правовой системы до утверждения о её полном соответствии основным постулатам справедливости [13]. Негативная нравственная оценка правовой системы, нередко становится источником предъявления претензий к государству, стремления придать гласности зафиксированные случаи несправедливости и восстановить нарушенное статус-кво.

Во-вторых, еще со времен Аристотеля, подметившего двойственную природу справедливости, считается, что справедливым может считаться и равенство, и неравенство. Справедливыми считаются положения Конституции Российской Федерации о равных обязанностях граждан [1 п.2 ст. 6], равенстве перед законом и судом [1 ст.19], равной защиты всех формы собственности [1 п.2 ст.8]. В то же время справедливым считается и законодательно заложенное неравенство в доступе к материальным и духовным благам. Такое неравенство вытекает из закрепленного в ст. 8 Конституции права на частную собственность, а ст. 21 Трудового кодекса устанавливает право работника на зарплату в зависимости его квалификации, сложности труда, количества и качества выполненной работы.

В-третьих, одним из фундаментальных общеправовых принципов является принцип справедливости, являющий собой исходные базовые начала, на которых строится правовая система. Этот принцип может быть детализирован в зависимости от различных правовых институтов и отраслей права. Он применяется в уголовном [5 ст. 6] и административном [6 ст. 6] судопроизводстве. В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ отмечается: Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Принцип справедливости действует и в уголовном праве. В ст. 6 Уголовного кодекса РФ выделяются конкретные критерии справедливости и несправедливости наказания. Наказание считается справедливым, если оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Не справедливым будет несение уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление.

В-четвертых, наряду с принципом справедливости, законодательство нередко обращается к предъявлению требования справедливости в правам и обязанностям, имущественным отношениям. В ст.6 Гражданского кодекса РФ говорится, что в случае невозможности применения аналогии закона, права и обязанности сторон определяются исходя из требований справедливости. Согласно ст. 1101 Гражданского кодекса РФ суд при установлении размера компенсации за причинение морального вреда должен исходить из требования разумности и справедливости.

В-пятых, в целях субъективной реализации принципа справедливости закон предъявляет соответствующие требования к индивидуально-личностным качествам и поведению представителей различных юридических профессий. Ст. 3. Закон РФ от 26.06.1992 №3132-1 требует от судьи избегать как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебных отношениях, ситуаций, способных вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. В присяге судьи, утвержденной указанным выше законом, от него требуется быть беспристрастным и справедливым.

Соблюдать объективность и справедливость при решении судеб людей требует присяга проку-

рора, утвержденная ст. 40.4 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 О прокуратуре Российской Федерация. А в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации содержится четкое указание на формирование у прокурорских работников справедливости как личностного качества.

Федеральный закон от 28.12.2010 №403-ФЗ в ст.19 обязывает сотрудников Следственного комитета соблюдать объективность и справедливость при решении судеб людей

Ст. 13 ФЗ РФ Федерального закона от 30.11.2011 №342-ФЗ предписывает сотрудникам органов внутренних дел не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности.

Таким образом, взаимосвязи справедливости и права имеют далекие исторические корни. Они носят диалектический и многоаспектный характер. Идея справедливости глубоко вплетены в ткань современного законодательства, придавая ему нравственную силу и устойчивость. Справедливость является основой правосудия. Она во многом обеспечивает стабильность правовой системы, отделяет порядок от хаоса, закон от беззакония.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014. №31. ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. №32. ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996. №5. ст. 410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. №25. ст. 2954.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. №52 (ч. I). ст. 4921.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002. №1 (ч. 1). ст. 1.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002. №1 (ч. 1). ст. 3.
8. Федеральный закон от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011. №49 (ч. 1). ст. 7020.
9. Федеральный закон от 28.12.2010 №403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011. №1. ст. 15.
10. Закон РФ от 26.06.1992 №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ, 30.07.1992. №30. ст. 1792.
11. Федеральный закон от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995. №47. ст. 4472.
12. *Аристотель*. Этика. СПб., 1908. 206 с.
13. *Бозров В.М.* О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. №4.
14. *Вайпан В.А.* Теория справедливости: Право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 226 с.
15. *Есикова М.М.* Основы этики. Учебное пособие. Тамбов, ТГТУ 2007. 80 с.
16. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России: Монография. М., Норма, 2016. 416 с.
17. *Кочкалова Л.И.* Соотношение свободы и справедливости: ценностно-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. №2. С. 13-17.
18. *Куренной А.М.* Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. №4. С. 5-9.
19. *Мухамадеева Г.* Принцип справедливости в решениях Конституционного Суда Российской Федерации в сфере таможенного права // Таможенное дело. 2009. №2 С. 28-34.
20. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., Норма – Инфра-М, 1998. 652 с.
21. Общая теория государства и права. Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко. М., Зерцало, 1998. Т. 2. 656 с.
22. *Цицерон*. Тускуланские беседы. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1975. 456 с.
23. *Чапанов Т.И.* Социально-ценностная и правовая природа принципа справедливости в гражданском и арбитражном процессуальном праве // Общество и право. 2009. №3. С. 85-90.
24. Юридический энциклопедический словарь / Ред. В.Н. Додонов, О.Г. Румянцев. М.: Инфра-М, 1997. 377 с.

Reference list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // Collection of the legislation of the Russian Federation, 04.08.2014. №31. Art. 4398.

2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 №51-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, 05.12.1994. №32. Art. 3301.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.11.1996 №14-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, 29.01.1996. №5. Art. 410.
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 №63-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, 17.06.1996. №25. Art. 2954.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 №174-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, December 24, 2001. №52 (part I). Art. 4921.
6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 №195-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, 07.01.2002. №1 (part 1). Art. 1.
7. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 №197-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation, 01.07.2002. №1 (part 1). Art. 3.
8. Federal Law of 30.11.2011 №342-FL "On the service in the internal affairs authorities of the Russian Federation and the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation, 05.12.2011. №49 (part 1). Art. 7020.
9. Federal Law of 28.12.2010 №403-FL "On the Investigative Committee of the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation, 03.01.2011. №1. Art. 15.
10. Russian Federation Law of 26.06.1992 №3132-1 "On the status of judges in the Russian Federation" // Vedomosti of Congress of Deputies and Supreme Council of Russia, 30.07.1992. №30. Art. 1792.
11. Federal Law of 17.01.1992 №2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation, 20.11.1995. №47. Art. 4472.
12. Aristotle. Ethics. SBR., 1908. 206 p.
13. *Bozrov V.* On the issue of justice in criminal proceedings // Russian judge. 2005. №4.
14. *Vaypan V.* Theory of justice: Law and economics: Monograph. M.: Yustitsinform, 2017. 226 p.
15. *Esikova M.* Basics of ethics. Tutorial. Tambov, TSTU 2007. 80 p.
16. *Zor'kin V.* Civilization of law and development of Russia: Monograph. M., Norma, 2016. 416 p.
17. *Kochkalova L.* The ratio of freedom and justice: The value-legal aspect // State power and local self-government. 2018. №2. P. 13-17.
18. *Kurennoy A.* Law and justice in the Russian System of Regulation of labor relations // Labor Law in Russia and Abroad. 2018. №4. P. 5-9.
19. *Mukhamadeeva G.* The principle of justice in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of customs law // Customs. 2009. №2. P. 28-34.
20. *Nersesyants S.* Philosophy of law. M., Norma - Infra-M, 1998. 652 p.
21. The general theory of state and law. Academic course / Under the editorship of M. Marchenko. M., Zertsalo, 1998. Vol. 2. 656 p.
22. *Cicero.* Tuskulan conversations. Selected Works. M .: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 456 p.
23. *Chapanov T.* The social value and legal nature of the principle of justice in civil and arbitration law of procedure // Society and Law. 2009. №3. P. 85-90.
24. Legal Encyclopedic Dictionary / Edition by V. Dodonov, O. Rumyantsev. M.: Infra-M, 1997. 377 p.

УДК 340.15

Чернявский А.Г.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАРОДНОГО САМОДЕРЖАВИЯ

В данной статье автор обосновывает положение, что все формальные теории о праве и государстве страдают тем существенным пороком, что они смотрят на государство, как на нечто деланное, механическое, тогда как оно есть, в сущности, тело народа, тесно связанное с его духом, с его цивилизацией, национальностью, отражая необходимо на себе все перипетии развития духовного мира. Автор утверждает, что государство неотделимо от духовного развития народа, а потому нельзя в государственной науке задаваться вопросом о наилучшей форме государственного вопроса. Также автор считает, что столь же глубоко ошибается школа формального права и государства, рассматривая право как какое-то рассудочное понятие, а не как идею, которая в нас существует лишь как регулятив, но бесконечное содержание, которой мы мало-помалу открываем вместе с развитием.
Ключевые слова: теория народного самодержавия, цивилизация народа, формальное право, воля масс, политическое тело, свобода индивида, суверен, границы государственной власти

Chernyavskiy A.,
Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE THEORY OF PEOPLE'S SOVEREIGNTY

In this article the author substantiates the position that all phenomenological theories about law and the state are impaired from significant blemish – they are regarding at the state as something being done, mechanical, whereas it is, in essence, the body of people associated closely with its spirit, with its civilization, nationality, reflecting all the vicissitudes of the development of the spiritual world on itself. The contributor argues that the state is inseparable from the spiritual development of the people, and therefore in the state science it is impossible to wonder about the best form of the state matter. The article author also believes that the school of formal law is just deeply mistaken when it is considering law as a national concept, and not as an idea that exists only as a regulator in us, but an infinite content, which we gradually discover with development.
Keywords: theory of people's sovereignty, civilization of people, formal law, intention of people masses, body politic, individual freedom, sovereign, limits of state power

Что такое народ и народная воля

Из всех формальных теорий права и государства теория народного самодержавия пользуется наибольшей популярностью, хотя она, в научном отношении, одна из самых слабых политических теорий. В самом деле, если нельзя считать волю одного лица правомерной, когда она является выражением лишь субъективных мнений лица или его личных страстей. То на каком основании можно считать волю массы более правомерной? Само понятие, соединяемое со словом народ, требует выяснения, ибо под этим можно понимать и простое множество индивидов, и особую сложную индивидуальность, особую духовную личность, отличающую известную массу индивидов от другой массы индивидов. Словом, с понятием народа неотделимо связано понятие национальности, а понятие национальности связано с понятием цивилизации, ибо народ без национальности, ибо народ без национальности и без цивилизации есть не представимое понятие союза человекообразных индивидов со способностью к цивилизации, однако ничем не проявившейся. Если же народ делается народом лишь как носитель известной национальности, представитель известной цивилизации. То воля народа есть лишь простой выразитель цивилизации, а потому весьма возможен вопрос о том, все ли члены народа и всегда способны быть лучшими выразителями представ-

Как цитировать статью: Чернявский А.Г. Историческое развитие теории народного самодержавия // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 14–19

ляемой народом цивилизации, или иногда все, иногда только некоторые, или один, в известные моменты развития национальности или цивилизации, ибо цивилизация есть ничто иное, как развитие национальности и национальность есть цивилизация народа.

Главная ошибка теоретиков народного самодержавия состояла в том, что они понятие народа отделяли от национальности и цивилизации, понимая под этим словом какое-то невозможное соединение человекообразных индивидов, обладающих разумом, способных к логическому мышлению, решающих самые сложные и запутанные вопросы государственного устройства и все это до образования национальности и цивилизации, даже не известно на каком языке!

Все учение о самодержавии народа построено на самых невозможных, самых невероятных отвлечениях, притом переход от одного отвлечения к другому совершается в следующем порядке:

Первое положение. По мнению всех писателей этой школы, до образования государства эти люди жили в естественном состоянии, хотя это состояние трактуется писателями этой школы не одинаково.

Все люди, говорит Алжерон Сидней, первоначально пользовались свободой, пока число их не сделалось столь великим, что они начали бояться друг друга и, не имея другого средства помешать беспорядкам, происходящим между ними, и предупредить таковые впоследствии, они решились соединить вместе несколько фамилий и образовать единое политическое тело для того, чтобы лучше обеспечить безопасность, удобство, и защиту себя и детей своих [1].

По мнению Локка, есть состояние «равенства, в котором права и силы обоюдны, никто не имеет более чем другой». «Но хотя, говорит далее Локк, это было состояние свободы, но не своеволия, причем хотя человек в этом состоянии имел бесконтрольную свободу распоряжаться своим лицом и имуществом, но он не имел свободы уничтожить себя самого или какое либо другое существо… Естественное состояние должно было поддерживаться естественным законом, обязывающим всякого; разум, наш естественный закон, учит всех, что между существами равными и свободными ни одно не имеет права касаться жизни здоровья или имущества другого, ибо все люди есть творение одного всемогущего и премудрого Создателя; все они есть собственность Того, Кто их создал, и должны исполнять Его волю» [2].

Руссо в своем известном сочинении "L'origined el'inegaliteparmileshomes", идеализировал естественное состояние в том смысле, что оно давало более самоудовлетворения человеку, чем цивилизация, хотя не скрывал его дикости и бескультурности.

Второе положение. Все ученые признают, что из естественного состояния люди выходят, образуя, путем договора, народ и государство.

«Те, говорит Сидней, которые полагают, что верховная власть находится в народе, полагают под эти словом множество свободных лиц, которые нашли для себя полезным соединиться и установить законы для самоуправления: эти законам они подчиняются все. Эти свободные лица, в каком бы они не были числе, имеют постоянно одно и тоже право, ибо десять лиц могут быть столь же свободны, как и десять миллионов лиц» [3].

По Локку государство образуется также путем договора. «Все люди, говорит Локк, по природе, равны и независимы; никто не может быть лишен этого состояния и подчинен политической власти другого без его согласия. Единственный путь, посредством которого лицо отказывается от своей индивидуальной свободы и подчиняется обществу, есть путь добровольного соглашения с другими людьми» [4].

По Руссо, народ и государство образуются также путем договора. Только один закон, говорит Руссо, по своей природе требует единодушного согласия, – это общественный договор, ибо образование гражданской ассоциации есть самый свободный акт воли. Всякий человек рожден свободным; никто не может, под каким бы то ни было предлогом, подчинить себе другого без его согласия [5].

Только один писатель этой школы глубоко понимал природу общества, это именно Пен. Большая часть порядков, говорит Пен, которые царствуют в человеческом обществе, не есть действие управления, а (следовательно они не могли явиться и путем договора). Эти порядки проистекают из естественной организации людей. Они были до правительства (государства) и будут продолжаться, если б оно уничтожилось. Обоюдная зависимость людей друг от друга, обоюдные выгоды, которые связывают всех членов общества друг с другом, создают из индивидов естественное целое [6].

Третье положение. Обе эти предшествовавшие теории, были в сущности, лесами для здания государства. Которые бы наибольше обеспечивали свободу лица. Обеспечить свободу лица в государстве – вот начало, двигавшее теоретиков народного самодержавия. Само народное самодержавие было создано лишь в виду того, что вышеозначенные писатели думали, что оно наиболее способно обеспечить свободу лица. По отношению к этому предмету почти всеми писателями этого направления, в особенности Локком, было высказано много глубоких мыслей, и вообще нужно сознаться, что этими своими выводами теория внесла много новых начал в европейскую цивилизацию, хотя, как мы видели выше, они были странным образом обоснованы.

Все дело клонилось к тому, чтобы из предполагаемого государственного договора вывести такие результаты, которые наилучшим образом обеспечи-

вали свободу индивида; чтобы из договора вывести такие права индивида, которые, по своей сущности, никогда не должны быть утрачены индивидом в государстве. Эти-то права в школе получили техническое название «естественных прав», или «прав человека».

Гениальный Локк был первым писателем, заговорившим о правах человека. Лицо, переходя в общество, говорит Локк, остается свободным, хотя свобода лица в обществе иная, чем в естественном состоянии: в естественном состоянии свобода лица состоит в не подчиненности какому-либо высшему авторитету, кроме авторитета нравственного закона; свобода лица в обществе состоит в том, чтобы не быть подчиненным никакой иной законодательной власти, кроме той, которая установлена с общего согласия; не быть подчиненным никакой власти, кроме воли законодателей, действующих сообразно их уполномочию [7].

Локк не останавливается только на одном признании политических прав; он идет дальше и глубже. Локк был первый писатель, высказавший глубокую плодотворную мысль, что верховная власть в государстве, даже если она принадлежит народу, должна иметь свои границы.

В главе о пространстве законодательной власти он пытается определить эти границы. Государство не должно иметь абсолютной и произвольной власти над жизнью и имуществом народа; оно не должно присваивать себе более власти, чем имел над собой власти индивид, прежде чем он вошел в общество, передав над собой власть государству, потому что никто не может передать более, чем он сам имеет, и никто не имеет права отнять жизнь у себя, как у кого-либо другого. Человек не должен подчинять себя произвольной власти другого. Человек не имеет абсолютной и произвольной власти над жизнью, свободой и имуществом другого даже в естественном состоянии, но имеет ее лишь настолько, насколько это необходимо для сохранения себя и человечества. Государственная власть в ее крайних пределах, иметь границы в общем благе целого общества. Это есть власть, не имеющая другой цели, кроме охранения. А потому не может обращать в рабство, истреблять или разорять своих подданных. Обязательство естественного права не прекращается в государстве; оно должно оставаться вечным руководящим началом всех [8]. Эта страница навсегда останется памятником гения Локка: в ней он опередил свой век почти на два столетия, ибо только в настоящее время мысль о границах государственной власти стала развиваться в трудах более поздних писателей, таких как, Токвиль, Этвош, Милль. Часть аргументов Локка, конечно утратила свое значение в последующем времени с падением теории естественного состояния, но сама идея о границах государственной власти есть заслуга Локка. Сам способ определения границ государственной власти, посредством определения его целей, есть наиболее верный, наиболее прямо ведущий к цели.

Из вышеприведенной страницы видно, что Локк подводит права человека под три категории: 1) право на жизнь; 2) право на свободу; 3) право на имущество.

Первые две категории он доказывает тем, что жизнь и свобода есть дар Бога, который человек не может передать государству. Из последователей Локка в XVIII-ом столетии примечательны: Руссо, Сиэс, Пен. Далеко нельзя сказать, чтобы эти писатели поняли вопрос глубже Локка. Руссо и Сиэс говорят, или исключительно, или преимущественно лишь о политических правах лица. Только Гумбольд понял и повял дальше мысль Локка о границах государственной власти и о необходимости расширения индивидуальной свободы и самодеятельности индивида.

Продолжатель Локка, Руссо, ведет его теорию, в некоторых отношениях, гораздо далее, но опускает из нее все, что в ней было глубокого, истинного. Локк ограничился защитой свободы в государстве и предполагал такую защиту возможной и в монархии. Руссо, исключительно считает свободу возможной лишь в демократической республике, причем он не делает никакого различия между свободой гражданской и политической. Руссо занят отысканием такого политического устройства, в котором индивид, соединяясь с обществом, оставался бы также свободным, как и до соединения. Такой идеал. По мнению Руссо, осуществляется, по самой природе вещей, в непосредственной демократии маленьких государств, где народ собирается в целом для проявления законодательной власти, выбора должностных лиц и контроля за управлением.

Для осуществления свободы в государстве совершенно достаточно, по мнению Руссо, чтобы каждый отдал себя, со всеми правами, на волю народа-суверена и получил эти права обратно, как участник в общем суверенитете народного самодержавия, «ибо когда каждый отдает себя, то условия становятся равными для всех, а когда они будут равными для всех, то никто не будет иметь интереса делать жизнь тяжелой для другого» [9]. Правда, Руссо не думает жертвовать благом индивида общему благу, как Платон в своей знаменитой «Республике», но он предполагает, что общие индивидуальные блага осуществятся сами собой в его «Республике». Что такое акт суверенной власти? – спрашивает Руссо. Это не есть договор высшего с низшим, но договор тела с каждым из своих членов, договор законный, потому что в основании его лежит общественный договор; справедливый, потому что он общий для всех; полезный, потому что не может иметь другой цели, кроме общего блага; прочный потому что он гарантируется общественной силой

и верховной властью народа [9]. Делая суверен-народ существом непогрешимым, он возлагает на него лишь нравственную обязанность – не обременять своих подданных никакими цепями, бесполезными для общего блага [9]. Он допускает лишь в одном случае возможность ошибки и несправедливости со стороны суверена-народа, – это тогда, «когда он принимает свое решение не о предмете вообще, но о лице или факте в частности» [10]. Веруя в непогрешимость суверена-народа Руссо объявляет его господином всей собственности своих подданных. Он бы хотел его сделать и господином совести своих подданных. Главнейший недостаток современных государств он видит в том, что в них религия существует независимо от государства; высшим благом было бы подчинение религии государству; без этого подчинения, по мнению Руссо, никогда государство не может быть хорошо организовано [10].

Ошибки и промахи теории Руссо, в настоящее время, сознаются всеми без исключения, – так наглядно их выставила политическая история Франции. «Руссо, говорит Шталь, впадает в очевидное заблуждение, когда он, стремясь к свободе и самоудовлетворению индивида, абстрактное единство собранных индивидов уравнивает с единством личностей, из которых оно состоит. Он отождествляет право и силу этого абстрактного единства, между тем как должен стремиться к свободе и самоудовлетворению индивида, ибо свобода и самоудовлетворение имеют смысл лишь в отношении индивида, а не в отношении коллективного существа. На этом покоится ложное мнение о взаимности, полагающее, что если я подчиняю себя тысяче голосов с равным правом участвовать в них, то я не теряю своей свободы, потому что. Арифметически, получаю такую же часть в воле, меня обязывающей, как и части тех, с которыми я соединился, как будто бы формально одинаковое участие в форме решения, а не в материи, составляющей содержание решения, лежит существеннейшая важность для свободы и самоудовлетворения индивида [11]. Чем индивидуальнее натура. Глубокомысленно замечает Блюнтшли, тем менее она может отказаться от своей личности в пользу государства» [12]. «Что мне за польза, восклицает по этому же поводу Жане, получить личность другого, когда я теряю свою» [13].

Грубость ошибки Руссо последовала от неверности исходного его положения, на котором он построил свою систему, именно: «никто не справедлив к самому себе» [13]. Руссо был бы совершенно прав, если бы он сказал: «никто не желает вредить себе», но из этого вовсе не следует, что никто не вредит себе бессознательно или даже сознательно, удовлетворяя например страсти, вред, который он знает. Ошибка, на первый взгляд, повела Руссо к ложному выводу. И очевидно он рассуждал так:

Первый посыл: никто из индивидов не вредит себе.

Второй посыл: Народ состоит из индивидов.

Заключение: народ не может вредить себе[1].

К ошибке первого посыла Руссо прибавил ошибку во 2-ой и в заключении, ибо народ не есть простое соединение индивидов, но органическое целое, нравственная индивидуальность человеческого рода и, как всякая индивидуальность, сама в себе носит свои границы, ибо абсолютно обладающим истиной может быть лишь существо, лишенное индивидуальности, как Божество. Но даже не употребляя выражение «народ» во 2-ой посылке, а понимая лишь собрание индивидов, то и в этом случае произойдет ошибка, ибо индивиды не тождественны. Сам Руссо как-бы сознает эту ошибку, говоря, что лучшая форма государства была бы демократия Богов. И действительно, в этом последнем случае заключение было бы верно, ибо во втором посыле были бы тождественны индивиды; но тогда был бы верен и первый посыл.

Аббат Сиэс не только развил теорию Руссо, но и формулировал права индивида, ввел их во французскую конституцию 1791 года. Сиэс различает права политические и права гражданские. «Различие, говорит он, между этими двумя родами прав состоит в том, что права естественные и гражданские суть такого рода права, для поддержания и развития которых образовано общество; права политические – те, через которые общество образуется. Первые можно назвать правами пассивными, вторые – активными» [14].

Сиэс стремится к равенству для всех граждан, как гражданских, так и политических прав, с ненавистью относясь ко всякому существованию привилегированного класса. На самом деле в области политических прав он сам отступает от идеи равенства, исключая женщин и неимущих от пользования политическими правами. Женщины, бродяги и нищие не могут пользоваться, говорит он, политическим доверием народа. «Слуги и все те лица, которые находятся в зависимости от хозяев, иностранцы не натурализованные, разве они могут быть, восклицает он, представителями народа? Политическая свобода (лучше сказать, права) имеет также свою границу» [15]. Этими исключениями Сиэс, не заметно для себя самого, разрушает свою теорию в существе, ибо основанием политического права он делает способность, разум, а ре простую принадлежность к государству.

Гораздо глубже Сиэс определяет значение и границы гражданской свободы. Существует, говорит он, большое неравенство средств между людьми. Природа создала сильных и слабых; она дала способ-

[1] "Quand tout le peuple statue sur tont le peuple, il ne considereguelui meme", говорит Руссо, liv. II, ch. VI.

ности одним и отняла их у других; отсюда следует, что непременно будет неравенство в государстве, неравенство в производстве, неравенство в потреблении, но отнюдь не следует, что должно быть неравенство в правах. Государственное состояние не должно устанавливать несправедливое неравенство прав рядом с существующим неравенством средств; наоборот, оно уже должно стараться равенством прав ослабить неравенства созданные природой. Социальные законы не существуют для того, чтобы ослабить слабого и укрепить сильного; наоборот, они стремятся помочь слабому от притязаний сильного и покрыть своим попечительным авторитетом всех граждан, гарантируя полноту их прав [14].

Граница гражданской свободы кончается там, где свобода одного начинает вредить свободе другого. Сиэс формулирует в XXII артикулах права человека, которые можно свести к следующим основным положениям: право на свободу лица, право на свободу мысли и ее выражение, право на свободный выбор труда, право на свободное пользование результатами труда, право на равенство перед законом и подчинение лишь закону [14].

К этим основным выводам Руссо и Сиэса, в сущности весьма мало прибавлено (Пеном, хотя его сочинение и имело своим предметом права человека («Rigthsofman»). Пен смотрит на гражданское и политическое равенство, как на божественное право людей. Бог, создавая людей по образу своему и подобию, тем самым сделал их равными. Вступая в общество, человек не теряет эти естественные права, ибо он вступает в общество лишь для того, чтобы обеспечить себе пользование ими. Из этих предшествующих положений следует: во-первых, что каждое гражданское право вытекает из естественного и есть обмененное естественное право; во-вторых, гражданская (государственная мощь), рассматриваемая сама в себе, состоит из суммы тех естественных прав людей, пользоваться которыми индивиды, взятые отдельно, не имели возможности и которые только через образование государства сделались доступными для пользования; в третьих, эта мощь государства, которая состоит из суммы естественных прав, которыми индивиды, взятые отдельно, не могли пользоваться, не должна поглощать естественных прав не должна поглощать естественных прав, пользование которыми индивид удерживает в обществе, причем он пользуется ими по праву [6].

Вот основания и выводы теоретиков народного самодержавия.

Слабость оснований теории очевидна по следующим обстоятельствам:

Во-первых, она отталкивается от предположения о естественном состоянии людей – до существования государства, а такое предположение само по себе невероятно, если не принимать дарвиновской теории развития. Человек не мыслим вне общества и вне цивилизации. Нельзя себе представить, чтобы был когда-либо момент, когда человек имел лишь способности к цивилизации, но эти способности ничем не проявил. Между миром человека и миром животных лежит непроходимая грань именно в том отношении, что человек есть существо способное к цивилизации и всегда осуществляющее цивилизацию, всегда живущее разом в двух мирах, – в мире мысли и реальной действительности, тогда как животное тем существенно отличается от человека, что оно само в себе не способно к цивилизации, хотя, под влиянием человека и может измениться. Теория естественного состояния сама в себе есть противоречие в идее, ибо, с одной стороны, она утверждает животное состояние человека – до государства, с другой – приписывает ему разум, способность предвидения, даже понимание самых сложных политических вопросов.

Во-вторых, теория от одного ложного положения необходимо переходит к другому ложному положению, именно – к образованию общества и государства посредством договора. Те же самые противоречия, которые находятся в гипотезе естественного состояния, существуют и здесь. Если общество образовалось посредством договора, то спрашивается, каким образом люди, находящиеся в животном состоянии, следовательно без выработанного языка и без всякого умственного развития, могли заключить между собой договор и притом о самом сложном и запутанном вопросе, как вопрос о цели общества и государства. Один из писателей того времени, Дальман, справедливо рассматривает государство как нечто первоначальное. Первое семейство было и первым государством. «Нельзя себе представить, справедливо говорит Дальман, народ без государства; можно быть более народом, чем государством, но нельзя быть народом без государства» [16].

В третьих, теория стремится обеспечить положение лица в государстве и делает это двумя способами: или ограничивает государственную власть естественными правами человека или думает, что лицо обеспечивается само собой, когда сувереном будет государство.

В первом случае теория пришла к действительно верному началу, ошибаясь лишь в основаниях. Государство, действительно, не имеет над лицом, по праву абсолютной власти и должно предоставить ему сферу свободной деятельности и индивидуального развития, но это вытекает не из договора (ибо никаких договоров лица с обществом никогда не было), но из сущности правового начала, тесно связанного с началом индивидуальным, как его охранитель и защитник перед обществом и государством.

Что же касается до передачи индивидом государству всех прав, то в этом отношении мы снова ука-

жем на меткое изречение Дальмана: «человек может принести государству в жертву собственность и самого себя, но не должен жертвовать ему своим высоким назначением; всякое право, ему принадлежащее, индивид может передать государству, но не может передать ему того, что ему не принадлежит» [16].

Из более поздних писателей, признающих народный суверенитет, примечательны Токвиль и Берья де-Сент-При. Но Токвиль, глубокий и меткий наблюдатель, плохой теоретик и об этом вопросе говорит лишь в общих выражениях; Берья де-Сент-При, глубокомысленный комментатор французских конституций, также не создал никакой цельной теории о праве и государстве.

Таким образом все формальные теории о праве и государстве страдают, по нашему мнению, тем существенным пороком, что они смотрят на государство, как на нечто деланное, механическое, тогда как оно есть, в сущности, тело народа, тесно связанное с его духом, с его цивилизацией, национальностью, отражая необходимо на себе все перипетии развития духовного мира. Государство не отделимо от духовного развития народа, а потому нельзя в государственной науке задаваться вопросом о наилучшей форме государственного вопроса.

Столь же глубоко ошибается школа формального права и государства, рассматривая право как какое-то рассудочное понятие, а не как идею, которая в нас существует лишь как регулятив, но бесконечное содержание которой мы мало-помалу открываем вместе с развитием.

Список литературы

1. *Алджернон Сидней.* "Рассуждения о правительстве". 1698. 2 ч., С. 117.
2. "Two Treatises on Government. The Works of John Lock". 1801. Vol. 5. Chap. 34. P. 340.
3. *Алджернон Сидней.* "Рассуждения о правительстве". 1698. С. 212.
4. "Two Treatises on Government. The Works of John Lock". 1801. Vol. 5. Chap. 87.
5. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre IV. S. 2.
6. *Payne.* «*Die* Rechtedes Menschen», немецкий перевод английского сочинения "Rigths of Man". S. 56-85.
7. The Works of John Lock. Vol. 5. Chap. 22.
8. The Works of John Lock. Vol. 5. Chap. 11. P. 135.
9. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre II. S. 4-63.
10. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre IV. S. 3-8.
11. *Шталь.* «Философия права». Том 1. С. 310.
12. *Блюнчли.* «История общего государства, права и политики». С. 307.
13. *Janet. "History* de la science politik". Vol. 2. Chap.6. S. 62-582.
14. "Reconnaissance et exposition raisonnee des droits de l'homme et du citoiyn". S. 5-19.
15. "Qu'est-cegue le tiers-etat?". S. 88.
16. *Dahlmann,* "Die Politik". S. 3-5.

Reference list

1. *Algernon Sidney.* "Discourses Concerning Government". 1698. 2 part., P. 117.
2. "Two Treatises on Government. The Works of John Lock". 1801. Vol. 5. Chap. 34. P. 340.
3. *Algernon Sidney.* "Discourses Concerning Government". 1698. P. 212.
4. "Two Treatises on Government. The Works of John Lock". 1801. Vol. 5. Chap. 87.
5. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre IV. S. 2.
6. *Payne.* «*Die* Rechtedes Menschen», German translation of the English piece of writing "Rigths of Man". S. 56-85.
7. The Works of John Lock. Vol. 5. Chap. 22.
8. The Works of John Lock. Vol. 5. Chap. 11. P. 135.
9. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre II. S. 4-63.
10. *Rousseau J.* «Du contrat social". Livre IV. S. 3-8.
11. *Stahl. "Philosophy* of Law". Vol. 1. P. 310.
12. *Bluntschli. "Geschichte* des allgemeineStaats, Recht und Politik". S. 307.
13. *Janet. "History* de la science politik". Vol. 2. Chap.6. S. 62-582.
14. "Reconnaissance et exposition raisonnee des droits de l'homme et du citoiyn". S. 5-19.
15. "Qu'est-cegue le tiers-etat?". S. 88.
16. *Dahlmann,* "Die Politik". S. 3-5.

УДК 34.03

Скребнева Н.А.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова

Скребнев А.В.,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова, заведующий танатологическим отделением № 9 Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ПРАВОНАРУШЕНИЙ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В статье авторами выявлены отличительные черты объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников в публичном и частном правовом поле на основе анализа данной категории с позиции теории государства и права, с учетом особенностей правового регулирования медицинских отношений, юридической ответственности рассматриваемых специальных субъектов, а также судебно-медицинской экспертизы вреда, причиненного здоровью человека. Круг объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников весьма разнообразен и не ограничивается только объектами, непосредственно связанными с охраной здоровья. Исходя из этого, авторы предлагают проводить их классификацию по степени их отношения к медицинской деятельности на основные и дополнительные. В свою очередь, по мнению авторов, к особенностям объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников в публичном и частном правовом пространстве относятся степень их конкретизации и широта спектра данных объектов. Общей чертой исследуемых правовых явлений является их пересечение, соотношение друг с другом. Как в частном, так и в публичном праве объектами правонарушений выступают жизнь и здоровье человека, что зависит от степени причиненного им вреда, который устанавливается на основании судебно-медицинской экспертизы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: объекты правонарушений, юридическая ответственность, специальные субъекты юридической ответственности, публичное право, частное право, медицинские работники, медицинские организации, судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью человека

Skrebneva N.,
PhD in Law, Lecturer of Chair of Legal Medicine and Medical Law of the Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. Evdokimov

Skrebnev A.,
PhD in Medical Sciences, Associate Professor of Chair of Legal Medicine and Medical Law of the Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. Evdokimov, Head of Thantology Department № 9 of the Bureau of Forensic Medical Examination of the Moscow City Health Department

FEATURES OF THE OBJECTS OF THE OFFENSES OF MEDICAL ORGANIZATIONS AND MEDICAL WORKERS IN PUBLIC AND PRIVATE LAW

In the article, the authors identified the features of the objects of the offenses of medical organizations and medical workers in public and private law based on the analysis of this category from the standpoint of the theory of state and law, as well as taking into account the peculiarities of legal regulation of medical relations, legal responsibility of the special subjects under consideration, and forensic medical examination of harm caused to human health. The range of objects of the offenses of medical organizations and medical workers is very diverse and is not limited to objects directly related to health protection. Based on this, the authors propose to classify them according to the criterion of attitudes towards medical activity into basic and additional. In turn, the distinctive features of the objects of the offenses of medical organizations and medical workers in public and private law include the degree of their specification and the breadth of the circle of such objects. The common

feature of the studied legal phenomena is their intersection, correlation with each other. Both in private and in public law, the objects of offenses are the life and health of a person, which depends on the degree of harm caused by him, which is established on the basis of a forensic medical examination in accordance with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: objects of offenses, legal responsibility, special subjects of legal responsibility, public law, private law, medical workers, medical organizations, forensic medical examination of harm to human health

Объект правонарушения является одним из обязательных оснований возникновения юридической ответственности в публичном и частном правовом пространстве. В научной литературе данная категория, в основном изучается с точки зрения одной из составляющих состава правонарушения, а не в качестве самостоятельного объекта исследования, что отражает факт недостаточного внимания к объектам правонарушений, как со стороны теории юридической ответственности, так и в теории государства и права в целом. Также, несмотря на значительную роль медицинской деятельности в человеческой жизни, в настоящее время недостаточно исследованными являются отличительные черты объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников.

На различных этапах становления юридической науки к понятию объекта правонарушения формировались разные подходы.

В дореволюционном периоде имело место большое количество различных концепций понимания объектов правонарушения, к которым относились люди [24]; интересы; социально-правовые блага[12,22]; правовые нормы [17]; норма права в ее реальном бытии[25]; предмет правонарушения[11].

К началу 60-х годов XX века уголовно-правовой наукой было прочно закреплено определение объекта правонарушения как общественного отношения, что отражено в трудах таких ученых как А.А. Пионтковский[21], Н.И. Коржанский[13], В.К. Глистин[9], Н.В. Кудрявцев[15] и других.

Теорией государства и права были приняты научные концепции уголовного права об объекте преступления, и в общетеоретических трудах объект правонарушения рассматривался тождественным образом. [10,16,8,23].

В тоже время в современной юридической науке имеет место тенденция к обращению к дореволюционный научным взглядам об объек-те правонарушения, и кроме общественного отношения в эту категорию включают человека[20];материальные объекты; интересы[19]; разнообразные блага и социальные ценности; права человека [14].

Справедливо мнение Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, о том, что данные концепции имеют лишь уточняющие значение относительно общественного отношения как объекта правонарушения, поскольку соответствующие определения выступают в качестве его составляющего элемента (объект, субъект, содержание)[26]. Кроме того подобные подходы к определению понятия объекта правонарушения не отличаются системностью и универсальностью, т.к. далеко не каждым правонарушением вред причиняется людям или материальным объектам. Тем не менее, категория «общественные отношения» является слишком обширной и нуждается в конкретизации в целях установления особенностей того или иного правонарушения, объектом которого выступают различные охраняемые законом блага.

Необходимость в системном, всеохватывающем, но более конкретизированном подходе к определению понятия «объект правонарушения» способствовала становлению современной дифференциации рассматриваемой правовой категории на общий, родовой и непосредственный объекты правонарушений. Общий объект включает в себя все охраняемые правом общественные отношения, которым наносится вред или возможно реальное причинение вреда. Под родовым объектом правонарушения понимается совокупность однородных общественных отношений (государственная власть, правосудие, экология), а непосредственный объект – это конкретизированный предмет преступного посягательства (личная свобода, частная жизнь, репутация).

Соответствующим образом объекты правонарушений структурированы в публичном праве. В частности, Кодекс об административных правонарушениях РФ и Уголовный кодекс РФ имеют самостоятельные главы и разделы, включающие правонарушения, посягающие на собственность, окружающую среду, личность, конституционный строй и государственную безопасность, порядок управления и т.д.[1,2].

Объекты правонарушений в публичном и частном правовом поле отличает ряд особенностей, проистекающих из специфики юридической ответственности в соответствующих правовых пространствах.

В силу отличительных черт характера и метода правового воздействия объекты правонарушений в публичном праве являются более конкретизирован-

Как цитировать статью: Скребнева Н.А., Скребнев А.В. Особенности объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников в публичном и частном праве // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 20–25

ными, т.к. в нем существуют самостоятельные составы правонарушений, подразделяющиеся на родовые объекты. Соответственно, в публичном праве возможно достаточно легко и быстро установить родовой и непосредственный объект правонарушения.

Из рассмотренной особенности вытекает еще один отличительный признак объектов правонарушений в публичном и частном правовом поле, а именно – широта круга объектов правонарушений. Юридическая ответственность в частном праве наступает за нанесение ущерба более узкому кругу объектов, чем в публичном праве. Так, юридическую ответственность в частном праве ограничивает следующий спектр объектов правонарушений: жизнь и здоровье человека, материальные ценности, моральное состояние лица, трудовой распорядок. В тоже время формирование юридической ответственности в публичном праве связано с весьма широким кругом общественных отношений, связанных с личностью человека, государственной властью, экологией и безопасностью человечества.

Вместе с тем необходимо отметить наличие общей черты объектов правонарушений в публичном и частном праве – их пересечение и соотношение друг с другом. Это проявляется в том, что как в частном, так и в публичном правовом пространстве к объектам правонарушения относятся жизнь и здоровье человека, а также материальные ценности, что зависит от объема нанесенного ущерба. Данная общая черта связана с тем, что жизнь и здоровье человека относятся к высшим объектам правовой охраны, фундаментом демократии и социального государства, а имущественные отношения и наличие различных форм собственности – базой для развития рыночной экономики.

Исходя из всего вышесказанного, на наш взгляд, бесспорна теоретическая и практическая значимость изучения жизни и здоровья человека, являющиеся главными объектами правонарушений в публичном и частном правовом поле таких специализированных субъектов юридической ответственности как медицинские организации и медицинские работники. Так, жизнь и здоровье человека в публичном праве выступают объектами составов правонарушений, предусмотренных частью 4 статьи 14.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ, частью 2 статьи 109, частью 2 статьи 118, статьей 124 Уголовного кодекса РФ. Если степень причиненного вреда здоровью человека не вписывается в уголовно-правовую норму (например, в случае причинения вреда здоровью средней тяжести по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), то на соответствующее деяние распространяется действие главы 59 Гражданского кодекса, посвященной общим положениям гражданской ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека [3]. Следовательно, для определения правового пространства (публичное или частное право) и вида юридической ответственности (уголовная, гражданская), которыми будет охватываться то или иное правонарушение, объектом которого является здоровье человека, решающим аспектом выступает степень тяжести причиненного вреда.

Для того чтобы определить данный ключевой момент следует обратиться к Постановлению Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 "Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека", поскольку данный правовой документ содержит необходимые критерии для установления степени тяжести причиненного здоровью человека вреда. Так, в рассматриваемом Постановлении отражено понятие вреда, причиненного здоровью человека [5], определяемого в зависимости от степени его тяжести (тяжкий, средней, легкий вред) на основе определенных признаков, которые предусмотрены пунктом 4 Правил в соответствии с критериями медицинского характера, утвержденными Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Следует отметить, что кроме охарактеризованного подзаконного акта Правительства РФ, был принят соответствующий ему Приказ Министерства здравоохранения РФ № 194-н от 2008 г. «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Значимость данного документа определяется отражением в нем медицинской характеристики квалифицирующих признаков, использующихся для установления степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в процессе осуществления судебно-медицинской экспертизы в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве на основе правоприменительных актов, таких как определения суда, постановление судьи, лица, производящего дознание, следователя [6]. Следовательно, рассмотренный Приказ Министерства здравоохранения значительно дополняет вышеупомянутое Постановление Правительства с точки зрения дифференциации юридической ответственности в публичном и частном правовом пространстве.

Кроме охарактеризованных основных объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников некоторые ученые выделяют и другие объекты.

Например, А.А. Мохов к таким объектам относит жизнь, здоровье человека, а также неразрывно связанные с ними органы и ткани человека, информацию о состоянии здоровья[18].

С концепцией А.А. Мохова следует согласиться, поскольку ряд упомянутых им объектов выступает не-

посредственным объектом правонарушений и требует отдельного правового регулирования. Так, органы и ткани человека относятся к объектам правового воздействия, имеющим непосредственное отношение к трансплантации, и регулирование их правового статуса осуществляется Федеральным Законом «О трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации», Федеральным законом Российской Федерации «О погребении и похоронном деле», а в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за принуждение к изъятию органов и тканей для трансплантации (ст. 120), торговлю людьми в целях изъятия органов и тканей (ст. 127.1).

Правовое регулирование сведений о состоянии здоровья человека, которые именуются в законодательстве врачебной тайной, осуществляется статьей 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой отражены определение врачебной тайны и условия ее разглашения.

Кроме рассмотренных фундаментальных объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников, в данную группу, с нашей точки зрения, следует отнести и некоторые иные объекты, которые хоть и не отличаются непосредственной связью с медицинской деятельностью, но, тем не менее, им также может быть причинен вред медицинскими организациями и медицинскими работниками во время выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

К данным объектам относятся: 1) общественные отношения, возникающие по поводу осуществления предпринимательской деятельности, связанной с причинением вреда жизни и здоровью человека или нарушающей права пациента в процессе оказания медицинских услуг; 2) информационные права человека (получение сведений о состоянии своего здоровья, право на ознакомление и получение копий медицинской документации); 3) государственная власть, интересы государственной службы, являющиеся объектами таких преступлений как злоупотребление или превышение должностных полномочий, получение взятки, халатность и др. Данная группа объектов правонарушений имеет отношение к медицинским работникам на основе Приказа Министерства здравоохранения России от 20.12.2012 № 420н "Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников", в соответствии с которым медицинские работники могут занимать должности руководителей (главный врач, заместитель руководителя медицинской организации и т.д.)[7] и соответственно в их отношении действуют уголовно-правовые нормы, распространяющиеся на должностных лиц.

Таким образом, объекты правонарушений медицинских организаций и медицинских работников по признаку отношения к медицинской деятельности целесообразно классифицировать на две категории:

1)основные, непосредственно связанные с медицинской деятельностью;

2) дополнительные, не имеющие прямого отношения к медицинской деятельности, но которым также причиняется вред во время ее реализации.

На основании проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам.

На современном этапе развития юридической науки объект правонарушения понимается как совокупность общественных отношений, которая регулируется и охраняется правом и на которые направлено преступное посягательство. Данную категорию принято классифицировать на общий, родовой и непосредственный объекты правонарушений.

Отличительными чертами объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников в публичном и частном правовом поле являются степень их конкретизации и широта спектра таких объектов.

Общей чертой исследуемых категорий выступает их соотношение и пересечение друг с другом. Как в частном, так и в публичном праве к объектам правонарушений относятся жизнь и здоровье человека, что зависит от объема причиненного им вреда.

В силу широкого круга объектов правонарушений медицинских организаций и медицинских работников их целесообразно классифицировать по признаку отношения к медицинской деятельности на основные и дополнительные.

В целях установления правового пространства (публичное или частное право) и вида юридической ответственности, которыми будет охватываться то или иное правонарушение медицинской организации или медицинского работника, причиняющее вред здоровью человека, необходимо определить степень тяжести соответствующего вреда на основании судебно-медицинской экспертизы, проведенной в соответствии с законодательством РФ.

Список литературы

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 №195-ФЗ // Российской газета. 31.12.2001. №256.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 21.11. 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23.11. 2011. №263.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 №522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 24.08.2007. №185.
6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.04.2008 №194-н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 05.09.2008. №188.
7. Приказ Минздрава России от 20.12.2012 №1183н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» // Российская газета. №65. 27.03.2013.
8. *Блажко П.К.* Совокупность правонарушений по советскому праву (понятие и юридическое значение). Казань, 1988.
9. *Глистин В.К.* Общее учение об объекте преступления: Автореф. дисс.... д-ра юрид. наук. Л., 1981. 30 с.
10. *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности. (Социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 128.
11. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением Начал уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1882. С. 308.
12. *Колоколов Г.Е.* Уголовное право. Лекции. М., 1896. С. 234.
13. *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. С. 240.
14. *Красиков А.Н.* Уголовно-правовая охрана прав человека. Саратов, 1996. С. 7.
15. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. Монография. М.: Госюриздат, 1960. С. 146.
16. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. М.: МГУ, 1981. С. 132.
17. *Лясс Н.В.* Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. Л., 1963. С. 45.
18. *Мохов А.А.* Медицинское право (Правовое регулирование медицинской деятельности). 2003. С. 110.
19. *Наумов А.В.* Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 149.
20. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. М.: Норма, 2001. 208 с.
21. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961. С. 132.
22. *Познышев С.В.* Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 49-50.
23. *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. 240 с.
24. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Т.1. Вып. 1. СПб., 1863. С. 91.
25. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. М., 1994. Т 1. С. 33-34.
26. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. 2007. С. 279.

Reference list

1. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of December 30, 2001 №195-FL // Rossiyskaya gazeta. December 31, 2001. №256.
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 №63-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. №25. Art. 2954.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part two) of January 26, 1996 №14-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. №5. Art. 410.
4. Federal Law of 21.11. 2011 №323-FL "On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation" // Rossiyskaya gazeta. 23.11. 2011. №263.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 17, 2007 №522 "On approval of the Rules for determining the severity of harm caused to human health" // Rossiyskaya gazeta. 24.08.2007. №185.
6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of April 24, 2008 №194-n "On approval of medical criteria for determining the severity of harm caused to human health" // Rossiyskaya gazeta. 05.09.2008. №188.
7. Order of the Ministry of Health of Russia dated 20.12.2012 №1183n "On approval of the Nomenclature of the positions of medical workers and pharmaceutical workers" // Rossiyskaya gazeta. №65. 27.03.2013.
8. *Blazhko P.* The set of offenses under Soviet law (the concept and legal meaning). Kazan, 1988.
9. *Glistin V.* The general theory of the object of the crime: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. L., 1981. 30 p.
10. *Denisov Yu.* The general theory of offense and responsibility. (Sociological and legal aspects). L .: LSU Publishing office, 1983. P. 128.
11. *Kistyakovskiy A.* Elementary textbook of general criminal law detailing the beginnings of criminal law. Part of the total. Kiev, 1882. P. 308.
12. *Kolokolov G.* Criminal law. Lectures. M., 1896. P. 234.
13. *Korzhanskiy N.* The object and subject of criminal law protection. M.: Publishing office of the Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1980. P. 240.
14. *Krasikov A.* Criminal law protection of human rights. Saratov, 1996. P. 7.

15. *Kudryavtsev V.* The objective side of the crime. Monograph. M.: Gosyurizdat, 1960. P. 146.
16. *Leyst O.* Sanctions and responsibility under Soviet law. M.: MSU, 1981. P. 132.
17. *Lyass N.* Regulatory theory in modern bourgeois criminal law. L., 1963. P. 45.
18. *Mokhov A.* Medical law (Legal regulation of medical practice). 2003. P. 110.
19. *Naumov A.* Criminal law. Common part. Lecture course. M .: BEK, 1996. P. 149.
20. *Novoselov G.* The doctrine of the object of the crime. M.: Norma, 2001. 208 p.
21. *Piontkovkiy A.* The doctrine of the crime. M., 1961. P. 132.
22. *Poznyshev S.* Textbook of criminal law. Common part. M., 1923. P. 49-50.
23. *Samoshchenko I., Farukshin M.* Responsibility under the Soviet legislation. M., 1971. 240 p.
24. *Spasovich V.* Textbook of criminal law. Vol.1. Issue 1. SBR., 1863. P. 91.
25. *Tagantsev N.* Russian criminal law: Lectures. Part of the total. In 2 vol. M., 1994. Vol. 1. P. 33-34.
26. *Khachaturov R., Lipinskiy D.* General theory of legal responsibility. 2007. P. 279.

УДК 342

Духно Н.А.,
доктор юридических наук, профессор, директор
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИИ

В статье раскрывается значение Конституции России для развития правовой системы, для подъема правовой культуры народа и для укрепления правопорядка в нашем Отечестве. Обращается внимание на то, что игнорирование требований Конституции поражает правовую систему, превращая ее в источник опасного формирования аморального поведения людей. Раскрывая основные свойства правовой безопасности, автор утверждает, что она не может быть обеспечена, если в законы содержат положения и правила, противоречащие принципам Конституции. Аргументируется вывод, что Конституцию не нужно менять, а следует учиться воплощать все ее ценности в развитие правовой культуры народа, в преобразование его жизни в достойную и полноценную. Просвещенность, правовая культура народа укрепляют веру людей в реализацию конституционных предписаний в реальную повседневную практику. Требования Конституции необходимо обогащать и развивать принятием конституционных законов, которые должны полностью соответствовать принципам Конституции и укреплять гарантии охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Положения, изложенные в первой и второй главах Конституции, следует признавать основными ориентирами развития законодательства и правовой системы, как основы правопорядка в России, и ее правовой безопасности.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы, правовая безопасность, правовая культура, конституционные законы, правопорядок

Dukhno N.,
Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SECURE LEGAL SYSTEM IN RUSSIA

The article reveals the importance of the Russian Constitution for the development of the legal system for raising the people's legal culture and for strengthening law and order in our Fatherland. Attention is drawn to the fact that ignoring the requirements of the Constitution affects the legal system, turning it into a source of dangerous formation of immoral behavior of people. Disclosing the basic properties of secure legal system, the article author argues that it cannot be ensured if the laws contain provisions and rules that are opposed to the principles of the Constitution. The conclusion is argued that the Constitution does not need to be changed, but it is necessary to learn to embody all its values in the development of the people's legal culture, in transforming their life into a decent and full-fledged one. Enlightenment, the of the people's legal culture strengthen human beings' faith in the implementation of constitutional prescriptions in real everyday practice. The requirements of the Constitution must be enriched and developed by the adoption of constitutional laws that must fully comply with the principles of the Constitution and strengthen the guarantees of protection and defense of human and civil rights and freedoms. The provisions set forth in the first and second chapters of the Constitution should be recognized as the main guidelines for the development of legislation and the legal system, as the basis of law and order in Russia, and its secure legal system.

Keywords: Constitution, rights and freedoms, secure legal system, legal culture, constitutional laws, law and order

Как цитировать статью: Духно Н.А. Конституция Российской Федерации и правовая безопасность в России // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 26–32

В последний месяц ушедшего 2018 года в России отмечали юбилей российской Конституции, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Чествуя юбилейную 25-ю годовщину Конституции России, мысль устремляется к оценке окружающей обстановки, сложившейся в нашей стране. В России народ всегда стремился к справедливости, и время перестройки вдохновляло многих людей на перемены к лучшей жизни. Под влиянием надежд на реализацию прав и свобод в 1993 г. рождалась и принималась новая Конституция России. Материальные недостатки, ущемление прав человека, ограничения на свободу мысли, принуждение к одной идеологии усугубляли положение народа в советское время. Человеку для здоровой, полноценной жизни важно ощущать не только материальный достаток, который был не у всех, но и свобода распоряжаться своими правами, дарованными каждому природой.

В советское время многие люди не могли реализовать свое право на свободное выражение мысли, ощущали преследование за стремление развивать творческие способности, если они не совпадали с идеологией правящей партии. Ограничение людей в реализации своих прав пагубно влияло на развитие экономики страны, большая часть производства работала на формальные показатели, которые практически не способствовали богатой и здоровой жизни людей. Принятие новой конституции было востребовано временем.

Вдумавшись в содержание Конституции России 1993 г., заметным становится отличие от предыдущих конституций, выраженное другими ценностями. Как верно заметили ученые-правоведы, она закрепила новые для России ориентиры, новую систему организации публичной власти, поставив в центр этой системы права и свободы человека и закрепив механизмы их защиты от произвола власти в соответствии с мировыми стандартами [1].

Конституция 1993 г. вдохновляла людей в ожидании формирования нового правопорядка, при каком каждый мог ощущать охрану прав и свобод. Эта Конституция действительно дала народу возможность реализации и воплощения в реальную жизнь широких прав и свобод, объем и содержание которых созвучны правовым предписаниям Всеобщей декларация прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. Статья 1 Декларации указывает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Права и свободы определяют долю, участь и будущее человека, они беспокоят каждого на всем жизненном пути. Как торжество всей передовой правовой мысли, ст. 2 Конституции закрепила правовым принципом положение о том, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Человек, его права и свободы стали сердцевиной современной Конституции, что побуждает подходить к человеку не с позиций оценки его как элемента политической и экономической системы, а как личности со всей совокупностью индивидуальных способностей, желающей реализовывать свои законные интересы.

Конституцию целесообразно воспринимать ядром всей нашей правовой системы, где права и свободы человека должны доминировать над всеми другими правовыми идеями, правовыми принципами и правовыми концепциями. Нашу Конституцию следует не обожествлять, а оценивать как закон, имеющий высшую юридическую силу над всеми другими законами и нормативными правовыми актами, нужно понимать ее предписания, как нормы и правила прямого действия, применяемые на всей территории России. Никто не вправе игнорировать, обходить требования ст. 15, где ясно указано: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». Конституция России обогатила нашу правовую систему, указывая ей путь дальнейшего развития.

Правовая система, стержнем которой является Конституция, образует устойчивую основу правопорядка и правовой безопасности России. Сама Конституция, т.е. ее правила, принципы, отраженные на бумажных или электронных носителях, останется не востребованной, если она не будет изучаться, не станет воплощаться в реальную жизненную практику. Ценность Конституции не только в ее содержании, но и в том, как активно конституционные нормы и правила воплощаются в широкий круг общественных отношений. Все предписания Конституции окажутся безжизненными, если ее принципы не будут предметом внимательного отношения каждого человека, каждого чиновника, которые привыкли жить и работать по иным правилам, далеким от конституционных идей. Когда право стало ключевым звеном в многогранной жизни, наполненной повышенными источниками опасности, тогда и возникла потребность в разработке концепции правовой безопасности.

Дни чествования нашей Конституции подвергли нас к изложению своей авторской концепции правовой безопасности России. Потребность в этом обосновывается тем, что наше государство провозглашено правовым (ст. 1), путь к нему лежит в направлении обеспечения правовой безопасности России. По нашему убеждению, сложившемуся в процессе многолетней оценки формирования отечественной правовой системы, содержание нашего права трудно назвать безопасным.

В юридической литературе обсуждается характер правовой безопасности, которая обусловлена возможностями права и всей правовой системы. Обращено внимание на ограниченное представление характеристики любого вида безопасности, когда за основу берется привычный предмет обеспечения безопасности. В экономической сфере – экономическая безопасность, в экологии – экологическая безопасность, на транспорте – транспортная безопасность, а в сфере движения транспортных средств – безопасность движения, и т.д. При этом нередко само право как объект охраны не характеризуется. А ведь это не просто регулятор отношений, а важнейшее социальное явление, величайшая социальная ценность, которая так же, как экономика, политика, нуждается в защите, обеспечении его безопасности от определенных угроз, т.е. речь должна идти о безопасности самого права, о правовой безопасности [2]. Выражая эту верную и полезную мысль, авторы оставили без внимания, какую угрозу может нести право, если в него проникают идеи, которые могут наносить огромный вред формированию мышления человека. Правовая безопасность обеспечена тогда, когда отсутствует опасность искажения правовой системы в виде принятия неправовых законов или игнорирования правовых принципов. Это приводит к утрате людьми веры в правовые ценности, которые заменяются правилами лжи и лицемерия. Чаще всего опасность представляет не сама правовая система, а ее отдельные элементы, как правило, ими оказываются законодательные акты, принятые с нарушением правовых принципов. Такие документы либо вызывают негодование в обществе, либо препятствуют идеям просвещенности, способствуя возникновению равнодушия и правового нигилизма.

Следующей опасностью правового свойства является низкая правовая культура тех, чье поведение не соответствует ни правовым принципам, ни нормам правовых законов. Часто мы становимся свидетелями того, как попирает конституционные нормы чиновник, как рабствуют перед ним его подчиненные и зависимые от него люди, и как сложно в таких условиях тем, кто рискует защищать свои права. Лозунги о признании, охране и защите прав человека, что вменено в обязанность государства, остаются на бумаге, в реальной жизни большинство людей не знают своих прав и не ощущают себя защищенными со стороны государства. Отсутствие должной правовой культуры у большинства граждан проявляется везде в повседневной жизни, на рабочих местах, где всегда можно заметить, как властвует чиновник, с какой рабской покорностью труженик выполняет не требования закона, а волю начальника. Признавая и гарантируя права и свободы человека, Конституция обязывает всех не нарушать права и свободы других лиц. Но это лишь юридическое требование, которое может быть воплощено в жизнь общества только тогда, когда уровень правовой культуры достигнет высокого разума, способного понимать необходимость жить и работать по правилам, выраженным в Конституции. Для воплощения прав и свобод достаточно руководствоваться самой Конституцией, и как указано в ст. 18, права и свободы человека являются непосредственно действующими. Содержание и применение всех законов, деятельность законодательной, исполнительной власти должны быть подчинены обеспечению прав и свобод человека и гарантироваться правосудием. Ничем невозможно оправдать законы, попирающие положения Конституции, ставящие граждан в безвыходное положение, при котором они не могут реализовывать права и свободы.

Под влиянием недовольства к системе образования идет процесс придумывания все новых инновационных проектов, отдельные представители законодательных органов выступают едва ли не за возврат к советской модели образования. Большинство сходятся в том, что образовательной системе нужна реформа [3]. Повышенное внимание к реформе вузов проявляется в том, что реформаторы считают основным способом улучшения высшего образования сокращение числа вузов, торопливо лишая их лицензии. Создавая трудности властными административными и законодательными средствами на пути реализации каждым права на образование, закрепленного ст. 43 Конституции, чиновники считают возможным повысить таким образом конкурентоспособность выпускников вузов. Под властным административным давлением и непонятными критериями, по которым идет сокращение вузов, трудно поверить, что конкуренция выпускников повысится. Если экономика будет оставаться в состоянии застоя, то даже при небольшом количестве выпускников добросовестной конкуренции не получиться. Только при условии здоровой конкуренции слабые вузы уйдут с образовательного пространства, оставив место сильным университетам, отстоявшим в законной конкурентной борьбе право на воспитание востребованных рынком труда специалистов. Загоняя людей только в те вузы, какие, по оценке чиновников, должны продолжать свою деятельность, людей лишают права выбора образовательной организации, такое право корреспондирует с правом на образование и не должно реализовываться под давлением чиновника. Конкуренция, как необходимый способ развития, уничтожается вопреки требованиям ст. 8 Конституции, где указано, что в Российской Федерации гарантируется поддержка конкуренции.

У человека должна быть возможность выбрать лучшее образование, приобрести новые знания, способности для развития и обогащения своей жизни,

жизни общества, укрепления его культуры. Не соответствуют конституционным требованиям изменения, внесенные в 2018 г. в законодательство о защите прав потребителей. Наделяя сотрудников Роспотребнадзора новыми полномочиями под предлогом борьбы с контрафактом и фальсификацией, закон допускает возможность административного вмешательства в предпринимательскую деятельность [4], лишая каждого права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34, Конституции). В 2018 г. серьезно ограничила права граждан компания по повышению пенсионного возраста в России. Способ, каким было объявлено подготовленное и не преданное гласности решение о повышении пенсионного возраста, отсутствие убедительных обоснований неожиданного для многих, скоропалительного решения пенсионной проблемы, а также отсутствие концептуального выражения сущности пенсионной реформы всколыхнули недовольство многих. Положения ст. 39 Конституции пока не нашли четкого и понятного воплощения в законах, необходимы нормы, устанавливающие гарантированный порядок социального обеспечения граждан по возрасту и назначения пенсии. Порядок, сроки и размер социальных выплат и пенсий должны быть подчинены обеспечению прав и свобод человека. Они образуют основу правового статуса личности, и если человек достигает возраста, когда ему должна назначаться либо социальная выплата, либо пенсия, их размер следует определять на основе принципа справедливости. Кто больше и лучше трудился, у того и пенсия должна быть больше. Но и пособие по старости нельзя опускать до уровня, при котором невозможно обеспечить нормальную жизнь. На сегодняшний день стаж работы у многих пенсионеров довольно большой, но пенсионная система настолько неэффективна, что трудно разобраться, почему у одних пенсия высокая, а у других, при сравнительно равных показателях, она крайне низкая. При такой несправедливости и при серьезных изъянах пенсионного законодательства растет недовольство народа. Оно может усиливаться при повышении дефицита рабочих мест для лиц предпенсионного возраста. С повышением пенсионного возраста, начинает увеличиваться количество работников, для которых потребуются дополнительные рабочие места, а при падении темпов экономического роста эта проблема обостряется, что вызывает беспокойство граждан [5], которые теряют уверенность, что государство может обеспечить условия для полноценной жизни.

Большинство граждан не знают, что Российская Федерация провозглашена в ст. 7 Конституции как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. При всех богатствах России, природного и интеллектуального характера, народ мог бы жить достойной, полноценной жизнью, но этого не происходит только потому, что люди не научились устраивать свою жизнь по правилам, провозглашенным Конституцией, и продолжают подчиняться требованиям властных чиновников. Дикая средневековая покорность и безразличие, равнодушие большинства создают тупиковую ситуацию, при которой как горизонт удаляется, по мере движения к нему, перспектива достойного развития. Выход из тупика виден, и он только один – это путь к просвещению. Необходимо всем учиться искать достоверное новое знание и на его основе двигаться к развитию новой полноценной жизни.

Спустя 25 лет после принятия Конституции, большинство из нас понимают, что ее положения остаются на бумаге и не востребуются ни властью, ни народом. Законодательная власть нарушает ст. 18 Конституции, когда принимает законы, ограничивающие права и свободы граждан. О Конституции мы вспоминаем лишь, тогда, когда отмечаем дату ее принятия. Вся эта процедура – лишь привычка провести мероприятие для отчета, не вникая в сущность самой Конституции. По сложившейся традиции каждая годовщина. Однако у многих из нас возникает желание осмысленно оценить как содержание конституционных ценностей, так и состояние общественных отношений, которые формируются не по конституционным предписаниям, а по иным правилам, часто неправового характера. Разница между текстом Конституции и реальной жизнью объясняется многими причинами, среди которых низкая правовая культура и сложившиеся национальные привычки проявления полной зависимости людей от властного поведения чиновника. Под давлением привычек многие люди не проявляют никакого интереса к Конституции, многие ее даже не читали.

Торжества в день принятия Конституции трудно отнести к мерам, достойным стать средством воплощения конституционных положений в повседневную практику. Внешняя изысканность, утонченно прикрывающая самодовольство, остаются нормой поведения чиновников, которые формально упоминают Конституцию, но на деле игнорируют ее положения. Трудно найти практическую деятельность, где конституционные нормы, имеющие высшую юридическую силу и прямое действие, применялись без препятствий, какие устраивают чиновники.

Конституция не стала предметом пристального изучения, только формальный подход к отдельным статьям можно обнаружить при сложившихся формах и уровнях обучения. Знания Конституции у преобладающего большинства народа не достигли того уровня, с позиций которого можно было бы устанавливать

конституционный правопорядок. Крайне мало внимания уделяется Конституции в школах, в вузах и в других образовательных организациях, где к конституционным требованиям, как правило, обращаются эпизодически, без глубокого анализа каждого положения, каждого принципа, ограничиваясь констатацией указанной в тексте статьи, не проводя оценку разницы между Конституцией и действительностью.

Только на конференциях или в других научных кругах и сообществах разного уровня идут острые дискуссии по многим проблемам, которые появляются при оценке отдельных статей Конституции, или при обсуждении вопросов разделения властей, или по развитию федерализма, по развитию местного самоуправления, по вопросам социально ориентированной политики государства.

Самое главное, что всегда обостряет дебаты, – это проблемы охраны и защиты прав и свобод человека. Острота обсуждений усиливается по мере удаления реальной действительности от требований Конституции. Научные обсуждения разных по содержанию правовых идей всегда плодотворны, они отражают конституционное право на свободу мысли, способствуют развитию новых правовых концепций, вырабатывают полезные предложения для воплощения конституционных норм в развитие общества и государства. Тонкая и строгая научная соразмерность, достоинство и фундаментальность теоретической мысли очень далеки от варварского невежества, какое проявляется в поведении людей со слабой, низкой культурой. Преданность суеверию господствует в умах многих людей, и их жажда к получению знаний не осмысленна. Обучение остается самым важным и основным средством в образовании. Но в обучении следует научить человека понимать значимость знаний, которые он осваивает. Лучший результат обучения будет тогда, когда знания человек получает осмысленно, понимая их значимость в применении той деятельности, которую будет с душой и радостью осуществлять. Принуждение к получению знаний не дает высокой продуктивности. Силы и средства на такое обучение тратятся большие, а результат получаем мизерный, а может даже и опасный. Когда обучение идет на недостоверных сведениях, тогда у обучаемого человека формируются негативные способности к аморальным поступкам.

Опасным будет процесс заполнения правовой системы законами, которые противоречат требованиям Конституции, с несогласованными нормами, положениями, далекими от смысла прав и свобод человека. Такой процесс подрывает фундаментальность Конституции и угрожает правовой безопасности.

В обстановке, когда основная масса людей безразличны к праву, еще опаснее оказывается процесс появления законов, ущемляющих права и свободы человека. Чем и как можно убедить человека быть законопослушным, когда закон, перефразируя права и свободы человека, закрепленные Конституцией, устраняет гарантии юридической защищенности. Такие законы укрепляют властолюбие чиновников, но не защищают человека от произвола, оставляя за ним обязанность покорно рабствовать. Умножение неправовых законов отдаляет возможность преодоления беспорядочного богатства избранных и нищеты большого количества людей, лишенных самых необходимых условий человеческой жизни, достойной XXI в.

По каким правилам идет российская жизнь, когда в законы проникают нормы, ущемляющие конституционные права и свободы человека? Попрание конституционных ценностей образует правовую опасность, и она растает с той скоростью, с какой идет подмена правовых принципов правилами чиновников, стремящихся большую часть нашей жизни наполнить лицемерием.

В условиях массового равнодушия и при отсутствии знаний конституционных принципов и положений заметной становится проявляющаяся в разных формах энергичность чиновников, пытающихся навязать народу идею о необходимости менять Конституцию. Настораживает то, что за обещанием внести в Конституцию что-то новое, мы вдруг обнаружим уничтожение ее ценностей, в результате которого появятся нормы, разрушающие гарантии охраны прав и свобод. Опасность таких предложений кроется в том, что под благовидным предлогом чиновники пытаются убрать из Конституции ценности, какие мы не научились применять, а вместо них включить правовые нормы, которые позволят крепче удерживать властные полномочия. Основным критерием, определяющим возможность изменения Конституции, следует признать усиление гарантий охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Предоставляя каждому человеку право на свободу мысли, общество и государство получает значительное приращение интеллектуального продукта. Свобода мысли образует основу для полноценного внедрения интеллектуального продукта в развитие богатой и полноценной жизни народа. Разработки такого интеллектуального продукта уходят в те страны, где выше уровень просвещенности народа, где лучшие телекоммуникационные инфраструктуры и довольно высок уровень жизни высококвалифицированной части работников. Поскольку капиталоемкость интеллектуального производства значительно (на много порядков) ниже капиталоемкости материального труда и труда по добыче сырья, то создание таких производств является доступным даже для небольших, но богатых стран [6].

При сложившихся обстоятельствах, свидетельствующих о низкой правовой просвещенности

большого числа людей, полезным будет обсудить проблемы повышения правовой культуры народа, как самого необходимого способа развития творческой активности людей в реализации прав и свобод, установленных нашей Конституцией. Важно обсудить проблемы о назревших потребностях принятия федеральных конституционных законов, по вопросам, предусмотренных Конституцией России. Конституционные законы требуется принимать по установлению и конкретизации, в пределах требований Конституции, работы и полномочий парламента Российской Федерации. Нужен конституционный закон о порядке формирования, о порядке работы и полномочиях Администрации Президента России. Не только названные, но и другие конституционные законы, необходимы как средство развития, укрепления гарантий Конституции. К конституционным законам относятся законы, которые вносят изменения и дополнения в текст Конституции, и законы, необходимость издания которых предусматривает Конституция. Законы, принимаемые в точном соответствии требованиям Конституции, служат средством укрепления правовой культуры и сопутствуют развитию гарантий охраны и защиты прав и свобод человека.

Когда люди видят в законах правила, защищающие их правовые интересы, тогда повышается потребность воплощения таких законов в реальную жизнь. От правовой насыщенности законов конституционными требованиями зависит процесс развития правовой культуры, как необходимого явления, способствующего укреплению правовой безопасности в нашей стране. К правовой безопасности обязаны стремиться все субъекты, от каждого человека до всех структур органов государственной власти.

Основу правовой безопасности составляют правовые законы, твердо и ясно выражающие все конституционные ценности. Вторым элементом правовой безопасности является правовая культура людей и всех других субъектов, наделенных полномочиями осуществлять деятельность в разных областях. Сама по себе правовая культура не появится до тех пор, пока люди не осознают ценность правового знания в своей личной жизни, при исполнении обязанностей на рабочем месте, в проявлении активной позиции развития общественных отношений, при которых кристаллизуется общая культура народа. Правовая безопасность – это отсутствие опасных вредоносных правовых идей, положений в законах и иных нормативных правовых актах, которые должны полностью соответствовать принципам Конституции и своим содержанием побуждать людей и иных субъектов жить и работать согласно конституционным требованиям.

Не быстро мы создадим условия для принятия правовых законов, еще больше времени потребуется для создания достойного правопорядка в стране. Сколько потребуется времени, чтобы научить людей заменить в своем сознании преданность суеверию новым научным знанием. В начало процесса воспитания личности нового поколения следует поставить принцип: обучать на основе всестороннего, полного и объективного исследования сведений о явлениях и событиях, в окружении которых мы находимся.

Еще более важным обстоятельством остается признание правовой отсталости многих, это существенно тормозит развитие нашей страны, препятствует плодотворному распоряжению богатствами, какими обладает Россия. Когда мышление человека достигает высокого уровня правосознания, тогда появляются истинные гарантии, обеспечивающие воплощение конституционных норм в реальную жизнь. Как научить всех, ощущать шаги времени, наполненного новыми технологиями, побуждающими к новой интересной жизнедеятельности. Думается, что важнейшей задачей следует считать задачу научить искать и осваивать новое знание, приобретать способности проверять и убеждаться в его достоверности и уметь обосновывать свои выводы.

Опасности растут с устремлением людей, не желающих овладевать знаниями, окружить себя устройствами с высокими технологиями. Авариями, катастрофами и другими разрушениями, наносящими огромный вред, будут заканчиваться результаты применения новых технологий людьми с отсталым мышлением. Право как основу правопорядка нужно совершенствовать на признанных и одобренных прогрессивным миром правовых принципах, в центре которых стоит принцип охраны и защиты прав и свобод человека. Путь развития и сохранения правовой безопасности определяется нашим сознанием, которое мы обязаны направить на то, чтобы фундаментальные положения гл. 1 и 2 Конституции России представлять как ориентиры, по которым должно развиваться законодательство. Только правовые законы могут укреплять правовую систему наряду с новыми правовыми идеями и новыми правовыми концепциями. При крепкой, устойчивой правовой системе, с условиями развития ее только на объективной основе появится уверенность в наращивании достойного правового знания и в повышении правовой культуры, что соответствует юридическим требованиям для формирования надежного правопорядка.

Список литературы

1. [Электронный ресурс] http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskaja_konstitucija_1993_g__problemy_realizacii_i_pererabotki_2009-12-11.htm

2. [Электронный ресурс] https://p-r-s.ru/articles/teoreticheskie-problemy-pravovoi-bezopasnosti-kak-kategorii-prava
3. [Электронный ресурс] https://news-and-life.com/zakon-ob-obrazovanii-v-rossii-izmeneniya-s-2018-goda/
4. [Электронный ресурс] https://news-and-life.com/poslednie-zakony-2018-goda/
5. [Электронный ресурс] https://news-and-life.com/pensionnyj-vozrast-v-2019-godu-poslednie-novosti/
6. [Электронный ресурс] https://vuzlit.ru/249460/osobennosti_marketinga_rynkah_intellektualnogo_produkta

Reference list

1. [Electronic resource] http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskaja_konstitucija_1993_g__problemy_realizacii_i_pererabotki_2009-12-11.htm
2. [Electronic resource] https://p-r-s.ru/articles/teoreticheskie-problemy-pravovoi-bezopasnosti-kak-kategorii-prava
3. [Electronic resource] https://news-and-life.com/zakon-ob-obrazovanii-v-rossii-izmeneniya-s-2018-goda/
4. [Electronic resource] https://news-and-life.com/poslednie-zakony-2018-goda/
5. [Electronic resource] https://news-and-life.com/pensionnyj-vozrast-v-2019-godu-poslednie-novosti/
6. [Electronic resource] https://vuzlit.ru/249460/osobennosti_marketinga_rynkah_intellektualnogo_produkta

УДК 342.57(47):340.132.8

Правкин С.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Российского университета транспорта (МИИТ)

Смирнова В.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Российского университета транспорта (МИИТ)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И КОНКУРЕНЦИИ

Уже 25 лет Конституция РФ охраняет единое экономическое пространство Российского государства, создавая ее экономический суверенитет, формируя недискриминационное экономическое пространство. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и элементами конституционного механизма, правовыми конструкциями, направленными на защиту участников экономического оборота, Правительство Российской Федерации принимает определенные меры по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования. Система мер данной стратегии и анализируется в данной статье в контексте развития общеправовой и конституционной модели обеспечения единого экономического пространства.

Среди основных принципов конституционного регулирования принцип антимонопольного регулирования является базовым для определения наличия состояния конкурентной среды и защиты экономического пространства. В настоящей статье обобщается комплекс организационно-правовых мер по совершенствованию конкурентного законодательства и практики его применения в Российской Федерации. В статье формулируются меры по реализации конституционного принципа на свободное перемещение товаров, услуг, транспортных средств и поддержку конкуренции.

Основными задачами данного исследования являются положения, направленные на реализацию целей Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования: исследование конституционных и иных правовых основ поддержания единого экономического пространства; создание правовых основ развития конкуренции и конкурентной среды, применение структурно-организационных способов борьбы с монополизмом.

При исследовании обозначенных проблем применялись специальные юридические методы – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования.

В настоящее время требуются постоянные меры корректировки специального законодательства в различных сферах, в том числе в сфере антимонопольного регулирования и защиты конкуренции. Также необходимо устранить несовершенства действующей Конституции, чтобы придать специальному юридическому механизму в обозначенной сфере действенность, необходимо совершенствовать его конституционно-правовые основы.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольная служба, недобросовестная конкуренция, антимонопольный пакет, Конституция РФ, экономическое пространство, суверенитет

Pravkin S.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of the Russian University of Transport (MIIT)

Smirnova V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of the Russian University of Transport (MIIT)

CONSTITUTIONAL-LEGAL ASPECTS OF REGULATION AND PROTECTION OF THE COMMON ECONOMIC SPACE AND COMPETITION

For 25 years, the Constitution of the Russian Federation protects the common economic space of the Russian state, creating its economic sovereignty, forming a non-discriminatory economic space. In accordance with the Constitution of the Russian Federation and elements of the constitutional mechanism, legal structures aimed at protecting the participants of economic

turnover, the Government of the Russian Federation is taking certain measures to implement the strategy of competition and antitrust regulation. The system of measures of this strategy is analyzed in this article in the context of the development of the General legal and constitutional model of the single economic space.

Among the basic principles of constitutional regulation, the principle of Antimonopoly regulation is the basis for determining the presence of a competitive environment and the protection of economic space. This article summarizes the complex of organizational and legal measures to improve competition law and its application in the Russian Federation. The article formulates measures to implement the constitutional principle of free movement of goods, services, vehicles and support of competition. The main objectives of this study are the provisions aimed at the implementation of the objectives of the strategy for the development of competition and antitrust regulation: the study of constitutional and other legal bases for the maintenance of a single economic space; the creation of the legal bases for the development of competition and competitive environment, the use of structural and organizational methods to combat monopoly abuse. In the study of these problems, special legal methods were used – formal legal, comparative legal, method of interpretation.

At present, constant measures are required to adjust special legislation in various areas, including in the field of Antimonopoly regulation and competition protection. It is also necessary to eliminate the imperfections of the current Constitution in order to make the special legal mechanism in the designated area effective, it is necessary to improve its constitutional and legal framework.

Keywords: competition law, Antimonopoly service, unfair competition, Antimonopoly package, Constitution of the Russian Federation, economic space, sovereignty

Конституция РФ, принятая на всенародном референдуме 25 лет назад, провозгласила в качестве базовых принципов – развитие конкуренции и единого экономического пространства. Ст. 8 Конституции РФ гарантирует свободное перемещение товаров, услуг и транспортных средств, поддержку конкуренции. Ст. 74 Конституции закрепляет гарантии антимонопольного регулирования. Ст. 34 указывает на то, что государство препятствует соглашениям, направленным на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Ст. 15 ч.4. Конституции закрепляет верность РФ международным договорам в сфере противодействия антиконкурентным действиям и соглашениям. Конституция должна раскрывать свой механизм в специальных актах, которые назовем «актами трансформации», т.е., «перевода» общих и рамочных норм в конкретные положения, детализирующие суть конституционно-правовых принципов.

В соответствии с Конституцией РФ в настоящее время Правительство РФ реализует Стратегию развития конкуренции и антимонопольного регулирования на период 2013-2024 гг. Названная Стратегия наметила переход от защиты интересов отдельных лиц к защите интересов неопределенного круга лиц в результате злоупотребления своим доминирующем положением на рынке со стороны хозяйствующего субъекта. Надзорный механизм в данной сфере реализует Федеральная Антимонопольная Служба, к функциям федеральной службы относится контроль и надзор. Для ФАС России определены такие направления в деятельности Службы в связи с реализацией данной программы как создание конкурентной среды, внедрение недискриминационных правил доступа к услугам естественных монополий, совершенствование правил федеральной контрактной системы, усиление мер финансово-правового регулирования и др. Но условия для конкуренции невозможно создавать только на региональном или локальном уровнях, в отрыве от макроэкономического регулирования. В Российской Федерации в отдельных сферах до 70% бизнеса составляют государственные корпорации, форма хозяйственной деятельности, недостаточно урегулированная и гражданским законодательством, которую в литературе называют формой нерационального распоряжения государственной собственностью [1].

Необходимо отметить, что четвертый пакет мер по совершенствованию конкурентной среды (ФЗ от 5 октября 2015 г. №275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации») усиливает ответственность должностных лиц и органов власти за нарушение антимонопольного законодательства. «Так, в соответствии с новыми правилами Правительство РФ получило право определять правила недискриминационного доступа к товарам, как для естественных монополий, так и для иных субъектов рынка, не являющихся такими монополиями, доля которых на высококонцентрированных товарных рынках превышает 70%. Это представляется социально справедливым для бизнеса» [2]. Вай-

Как цитировать статью: Правкин С.А., Смирнова В.В. Конституционно-правовые аспекты регулирования и защиты единого экономического пространства и конкуренции // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 33–38

пан В.А. считает, что «четвертый антимонопольный пакет» в большей мере соответствует природе рыночной экономики.

Акценты необходимо сместить на структурно-организационные способы борьбы с монополизмом, обоснованно применяя механизм антимонопольной принудительной реорганизации в случаях доминирующего состояния на рынке или создания коммерческих организаций путем слияния и присоединения. Как известно, по иску антимонопольного органа в этих случаях возможна принудительная реорганизация (выделение, разделение) через суд путем подачи иска антимонопольным органом [3]. Как крайняя мера применяется ликвидация юридического лица. «Необходимо заметить, что ч.1 ст. 34 ЗоЗК не содержит указаний относительного того, в каких случаях суд должен применять санкцию в виде ликвидации юридического лица, а в каких случаях подвергать его принудительной реорганизации. Представляется, что форма динамики юридического лица должна определяться судом не в зависимости от тяжести совершенного правонарушения (ибо, как видится, степень тяжести деяния всегда одинакова, так как оно заключается при отсутствии совершенного согласования сделки с антимонопольным органом, которое не может быть менее или более грубым относительно другого несогласования), а от способа динамики юридического лица, определяемого содержанием сделки по экономической концентрации (создание, слияние, присоединение)» [4].

Но если нарушены правила создания юридического лица, то юридическим последствием является его ликвидация, против антиконкурентного слияния действует разделение юридического лица и выделение одного лица из состава другого. Таким образом, можно сделать «важный вывод: используемый в ч.1 ст. 34 ЗоЗК способ защиты конкуренции в виде реорганизации в форме разделения или выделения, равно как и в форме ликвидации юридических лиц, нарушивших порядок предварительного согласования с антимонопольным органом сделки, соответствующей критериям, указанным в ст. 27 ЗоЗК, не должен квалифицироваться в качестве ретрибутивной (т.е. штрафной или карательной) санкции, а должен восприниматься в качестве разновидности способа защиты прав в виде восстановления положения, существовавшего до момента совершения сделки» [4]. Егорова М.А. подчеркивает при этом, что действие по реорганизации и ликвидации юридического лица приводят не к восстановлению положения участников сделки, а имеет целью восстановление баланса на рынке, корпоративного положения участников сделки. Подобным образом также реализуется на практике принцип справедливости.

Принудительно реорганизованные лица в соответствии с ч.1 ст. 38 ЗоЗК не могут создать экономическую группу лиц. «Условие о том, что созданные в результате принудительной реорганизации, применяемой за систематическое осуществление монополистической деятельности субъектом, занимающим доминирующее положение, юридические лица не должны входить в состав одной группы лиц, должно распространять свое действие не только на случаи разделения организаций, но в равной мере и на случаи выделения из их состава новых организаций. В ином случае в соответствии с доктриной «единого хозяйствующего субъекта» в проведенных реорганизациях будет отсутствовать практический смысл, так как вновь образованные лица будут продолжать действовать на рынке в едином интересе, фактически сохранив доминирующее положение, но уже не в виде унитарной организации, а в виде группы лиц» [5].

Егорова М.А. предлагает скорректировать формулировку закона, согласно которой созданные путем принудительного выделения организации не смогут входить в одну группу с той организацией, из состава которой они были выделены. При этом справедливо надо заметить, что к участникам монополистической деятельности могут относиться и индивидуальные предприниматели, и саморегулируемые организации (в плане координации экономической деятельности, причем, если она осуществляется систематически).

Основным критерием монополистической деятельности является деятельность, носящая систематический характер, что является основанием для принудительной ликвидации юридического лица при наличии доминирующего положения на рынке. Но монополистические действия на рынке и доминирование на рынке часто не совпадают. Значит, монополизм без доминирования не влечет существенных санкций в виде ликвидации юридического лица, всего лишь разделение или выделение (структурно-организационная мера защиты конкуренции). Таким образом, доминирующее положение на рынке ведет к принудительной реорганизации, но не систематическое осуществление монополистической деятельности [11]. Также необходимо учитывать, что данная норма распространяет свое действие исключительно на коммерческие организации. Но ЗоЗК не ограничивает по целевой направленности вопрос принудительной реорганизации. За основу берется не критерий цели деятельности, но наличие у хозяйствующего субъекта признаков доминирующего положения.

Безусловно, необходимо распространить правовой режим принудительной реорганизации в равной мере на коммерческие и некоммерческие организации. Увеличение числа конкурентов и снижение рыночной концентрации являются результатом принудительных действий антимонопольных органов. Важным направлением обеспечения защиты конку-

ренции является установление многоуровневой системы санкций (по количеству раз, по степени тяжести совершаемые правонарушения и количеству лиц, участвующих в соглашении и согласованных действиях). «Несмотря на то, что понятие «систематическое осуществление монополистической деятельности» входит в число основных понятий конкурентного права и представляет собой разновидность грубого нарушения антимонопольного законодательства, как это ни покажется странным, не включено в качестве основания, отягчающего административную ответственность ни в один из составов административных правонарушений, имеющих антимонопольную направленность. Вместе с тем представляется, что систематическое осуществление монополистической деятельности должно быть включено в закрытый перечень обстоятельств, отягчающих административную ответственность, в частности в п. 3 примечаний к ст. 14.31 КоАП РФ и в п. 4 примечаний к ст. 14.32 КоАП РФ» [5]. Егорова М.А. также предлагает усовершенствовать ч. 1 ст. 178 УК РФ и рассматривать «систематическое осуществление монополистической деятельности» как более тяжкое деяние по сравнению с однократным подобным действием.

Еще третьим антимонопольным пакетом установлено было обязательное условие для определения согласованных действий: «действия должны быть заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий (п.2 ст. 8 Закона о защите конкуренции) [10]. Требование о наличии публичного заявления означает, что информационный обмен между участниками согласованных действий теперь должен обязательно быть установлен антимонопольными органами, и средством такого обмена должно быть только публичное заявление одного из участников согласованных действий» [13].

Существенной проблемой являются антиконкурентные договоренности не только между хозяйствующими субъектами, но между ними и властными структурами, государственными и муниципальными органами, что нарушает конституционные основы и принципы равенства и справедливости [7]. В ЗоЗК таких соглашений не предусмотрено. Но подобные действия находятся под контролем массива законодательства о государственной и муниципальной службе, федеральной контрактной системе и пр. Итак, в целом на антимонопольные органы возложены функции применения таких административно-правовых мер в таких составах: доминирующее положение на рынке (ст. 10 ЗоЗК), соглашения, ограничивающие конкуренцию (ст. 11 ЗоЗК), согласованные действия, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1 ЗоЗК), недобросовестная конкуренция (14.1-14.8 ЗоЗК) и др. Причем по соглашениям и согласованным действиям предусмотрен раздельный учет [9].

В целом, четвертый антимонопольный пакет стал важным этапом в совершенствовании мер конкурентной политики [6]. Определенные в законодательстве критерии допустимости соглашений и согласованных действий как допустимой совместной деятельности в экономике, в основном, привели к положительным изменениям: усиление процессуальных мер защиты, внедрение принципа гласности при определении нарушений и рассмотрении дел, связанных с монополизацией рынка. Расширение полномочий ФАС России было ранее неодобрительно оценено крупным бизнесом. Можно даже сказать и это отмечалось в литературе, что крупный бизнес встал против усиления рассматриваемых мер антимонопольного регулирования [8].

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает создание и развитие конкурентных рынков и последовательную демонополизацию экономики.

В настоящее время обсуждается пятый антимонопольный пакет мер, которые разработала ФАС России. Некоторые специалисты разделяют этот пакет на два: первый направлен на антимонопольное регулирование в условиях цифровой экономики; второй – продолжает «работу» четвертого – усиление борьбы с картелями. Именно развитие «цифровой экономики» требует пересмотра некоторых подходов. Вводятся новые критерии для определения доминирующего положения: владение платформой для взаимодействия хозяйствующих субъектов и потребителей, присутствие так называемого «сетевого эффекта». Уже при наличии этих двух моментов или критериев может быть признано наличие доминирования на товарном рынке. Ведомством предложены и иные подходы в сфере контроля за экономической концентрацией, в том числе, введение дополнительного критерия в целях определения предварительного согласования сделок при их объеме выше 7 млрд. руб. Предусматривается и ряд серьезных мер реагирования ФАС. Ярким примером нового пакета антимонопольных мер является «упразднение иммунитетов» в сфере использования интеллектуальной собственности, что сдерживает развитие цифровой экономики. Но в настоящее время запреты на злоупотребление доминирующим положением не распространяются на сферу интеллектуальных прав, и отмена иммунитетов может привести к антимонопольному диктату в отношении правообладателей, занимающих доминирующее положение на рынке.

Специфика интеллектуальной собственности в том и состоит, что она является абсолютным правом или доминированием по содержанию. Хотя ФАС при

этом гарантирует соблюдение и неизменность положений гражданского законодательства, акцентируя, что дальше товарных рынков, эти ограничения не распространятся. Кроме того ФАС разработала законопроект, связанный с ужесточением уголовной ответственности за картельные соглашения, вводя квалифицированные составы преступлений. Также антимонопольным органом предлагаются такие меры и полномочия, как: получение персональных данных в сфере предоставления услуг связи; право на выемку документов; право на предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности и др. В чем здесь есть противоречие: в Российской Федерации есть в большом количестве юридические лица с наименованием «картель». Сам термин не запрещен Конституцией и гражданским законодательством. Есть ли необходимость, не используя достаточно мер административной ответственности (очень мало дел доходит до суда) применять уголовные меры при огромном количестве картельных соглашений. Необоснованно усилятся меры уголовной репрессии, а есть ли в этом общественная необходимость?

Конечно, пятый антимонопольный пакет, который планируется запустить в полном объеме с 2020 года, прежде всего, направлен на регулирование цифровых рынков, связанных с доминированием владельцев крупных инфраструктурных платформ. Но при этом, например, предлагается увеличение срока исковой давности по делам о картелях с 3 лет до 5 лет. Насколько обоснованно введение еще одного специального срока исковой давности – остается вопросом.

В условиях, когда так часто меняется специальное законодательство, создается дополнительная нестабильность в правовой сфере. Очень много непроработанных законопроектов и законов. Общество часто спрашивает, а где же Конституция,а вот в Конституции так написано, а законы создают несколько иные условия. Многие общественные и профессиональные организации дали отрицательное заключение на эти законопроекты. Отказал и Верховный Суд РФ в праве ФАС к информации, содержащей банковскую тайну по одному из дел в 2018 г., хотя нижестоящие суды признали полную правоту ФАС. Минэкономразвития раскритиковало некоторые меры ФАС по регулированию Рунета. Ряд контрольных мер антимонопольного регулирования может привести к прекращению работы и развитию новых форматов онлайн-торговли, что сузит и рынок притока инвестиций. В Евросоюзе рынок онлайн-торговли регулируется, отчасти многие меры зарубежной практики следует учесть при реформировании отечественного законодательства.

Как в сфере антимонопольного регулирования, так в иных сферах часто можно слышать упреки, что «Конституция ничего не регулирует и не гарантирует». Как замечает С.Н. Бабурин «Конституция 1993 года все более отстает от динамично меняющегося российского общества, особенно в части организации системы высших органов власти государства, она окончательно перестала легитимировать власть» [12]. Требуется осуществление конституционной реформы постольку, поскольку проведенный анализ также показывает необходимость усиления мер поддержки реальной конкуренции, которую уже в полной мере не обеспечивает Конституция РФ и специальное законодательство. Так что реально Конституция РФ все больше и больше отстает от жизни. По крайней мере, многие законы уже давно «бегут» впереди самой Конституции.

Список литературы

1. *Анисимов А.П.* Государственная корпорация как форма нерационального распоряжения государственной собственностью // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №4. С. 97.
2. *Вайпан В.А.* «Четвертый антимонопольный пакет» // (отв. ред. М.А. Егорова) // Московское отделение Ассоциации юристов России. Комиссия по совершенствованию антимонопольного законодательства. Юстицинформ, 2017. Система Гарант: http://base.garant.ru/77777505/#ixzz5ftF9SeuD
3. *Белицкая А.В.* Использование инструментов государственно-частного партнерства для демонополизации российской экономики: правовой аспект // http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/26589 (дата обращения 02.02.2019).
4. *Егорова М.А.* Антимонопольная принудительная реорганизация: проблемы законодательного регулирования и пути его совершенствования (отв. ред. М.А. Егорова) // Московское отделение Ассоциации юристов России. Комиссия по совершенствованию антимонопольного законодательства. Юстицинформ, 2017. Система Гарант: http://base.garant.ru/77777506/#ixzz5ftGzfK7H
5. *Егорова М.А.* Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. 2016. №7. С. 10-14.
6. *Зимарев К.А., Тепкина А.В.* Четвертый антимонопольный пакет: оправдались ли опасения бизнеса (отв. ред. М.А. Егорова) // Московское отделение Ассоциации юристов России. Комиссия по совершенствованию антимонопольного законодательства. Юстицинформ, 2017 г. Система Гарант: http://base.garant.ru/77777512/#ixzz5ftHPfk00
7. *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 160.
8. Крупный бизнес выступил против четвертого антимонопольного пакета [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.forbes.ru/news/262651-krupnyi-biznes-vystupil-protiv-chetvertogo-antimonopolnogo-paketa-fas.

9. *Самолысов П.В.* Государственный антимонопольный контроль в РФ: правовое регулирование (отв. ред. М.А. Егорова) // Московское отделение Ассоциации юристов России. Комиссия по совершенствованию антимонопольного законодательства. Юстицинформ, 2017. Система Гарант: http://base.garant.ru/77777511/#ixzz5ftCnQ4KX.
10. Сборники отчетных данных о работе антимонопольных органов по контролю соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства о рекламе и законодательства о размещении заказов. М.: ФАС России, 2010-2015.
11. *Сушкевич А.Г.* Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. №6. 34-41.
12. Форма Российского государства (становление, современное состояние, проблемы, перспективы). Бабурин С.Н., Дорохов Н.И., Зейналова Л.М., Каменская Е.А., Правкин С.А., Юрчук В.С. Историко-теоретическое и правовое исследование. М., 2018. С. 192.
13. *Хохлов Е.С.* Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве // Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов (выпуск 1) (отв. ред. М.А. Егорова). М., 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Reference list

1. *Anisimov A.* State Corporation as a form of untenable disposal of state property // Gaps in Russian legislation. 2009. №4. P. 97.
2. *Vaypan V.* The Fourth Antimonopoly Package" // (responsible editor M. Egorov) // Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia. Commission for the improvement of antitrust laws. Yustitsinform, 2017. Legal Reference System Garant: http://base.garant.ru/77777505/#ixzz5ftF9SeuD
3. *Belitskaya A.* Using the tools of public-private partnership for the de-monopolization of the Russian economy: The legal aspect // http: //xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/26589 (date of access: 02.02.2019).
4. *Egorova M.* Antimonopoly compulsory reorganization: Issues of legislative regulation and ways to improve it (responsible editor M. Egorova) // Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia. Commission for the improvement of antitrust laws. Yustitsinform, 2017. Legal Reference System Garant: http://base.garant.ru/77777506/#ixzz5ftGzfK7H
5. *Egorova M.* The development of norms about the dominant position in the Fourth Antimonopoly Package // Lawyer. 2016. №7. P. 10-14.
6. *Zimarev K., Tepkina A.* The Fourth Antimonopoly Package: Did the business's concerns justify (responsible editor M. Egorova) // Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia. Commission for the improvement of antitrust laws. Yustitsinform, 2017. Legal Reference System Garant: http://base.garant.ru/77777512/#ixzz5ftHPfk00
7. *Kanarsh G.* Social justice: Philosophical concepts and the Russian situation. M.: Publishing office of the Moscow University for Humanities, 2011. P. 160.
8. Big business opposed the Fourth Antimonopoly Package [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.forbes.ru/news/262651-krupnyi-biznes-vystupil-protiv-chetvertogo-antimonopolnogo-paketa-fas.
9. *Samolysov P.* State antimonopoly control in the Russian Federation: Legal regulation (responsible editor M. Egorova) // Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia. Commission for the improvement of antitrust laws. Yustitsinform, 2017. Legal Reference System Garant: http://base.garant.ru/77777511/#ixzz5ftCnQ4KX.
10. Collections of reporting data on the work of antitrust authorities in monitoring compliance with antitrust laws, legislation on advertising and legislation on placing orders. M .: FAS Russia, 2010-2015.
11. *Sushkevich A.* Anti-competitive agreements: Prohibitions, exceptions to prohibitions and their limits in the new Federal Law "On protection of competition" // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2007. №6. P. 34-41.
12. The form of the Russian state (formation, current state, issues, prospects). Baburin S., Dorokhov N., Zeynalova L., Kamenskaya E., Pravkin S., Yurchuk V. Historical theoretical and legal research. M., 2018. P. 192.
13. *Khokhlov E.* Some issues of improving the concept of concerted action in the Russian competition law // Actual issues of modern competition law. Collection of scientific papers (Issue 1) (responsible editor M. Egorova). M., 2017. Access from Legal Reference System "Consultant Plus".

УДК 37.013.78

Филиппова М.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматривается понятие и сущность экспорта образования. Анализируется нормативно-правовая база регулирования соответствующих отношений. Выделяются четыре модели экспорта образовательных услуг. Формулируется определение экспорта образования. Автором уделяется большое внимание как нормам международного права, так и основным стратегическим национальным документам, направленным на развитие экспорта образования. На основе проведенного исследования автором формулируется понятие экспорта образования, определяются характерные признаки комплексного правового явления. Научный интерес к изучаемому правовому явлению предопределяется, прежде всего, тем, что спектр образовательных услуг, способных являться предметом экспорта, достаточно широк и многообразен.

Ключевые слова: экспорт образования, трансграничное перемещение услуг, образовательная услуга, дистанционные образовательные технологии, правовое регулирование

Filippova M.,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Educational-Methodical Work
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

THE EXPORT OF EDUCATION AS A LEGAL PHENOMENON

The article discusses the concept and essence of the export education. It analyzes the legal framework regulating the corresponding relationship. There are four models of export of educational services. In the article a definition of the export is made. The article author pays great attention to both the norms of international law and the basic strategic national documents aimed at the development of educational export. The contributor formulates the concept of the education export, defines the characteristic of a complex legal phenomenon, on the basis of the conducted research. Scientific interest in examining the legal phenomenon is predetermined; first of all, the fact that the range of educational services that could be subject to export and it is quite wide and varied.

Keywords: export of education, trans-border trafficking of services, educational service, distant learning technologies, legal regulation

Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам протоколом от 30 мая 2017 года №6 утверждён Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (далее – Проект).

Данное событие вызывает к жизни необходимость осмысления как категории «экспорт образования», так и механизмов реализации, применяемых образовательными организациями для достижения целей Проекта, а также правовых средств, регулирующих соответствующие процессы.

Понятие «экспорт образования», к которому обычно обращаются в контексте рассмотрения мероприятий Проекта, не имеет легального закрепления в законодательстве, но достаточно прочно укоренилось в лексических конструкциях профессионального сообщества. Необходимо отметить, что в дальнейшем, при рассмотрении этого вопроса, мы будем исходить из суждения, что само по себе образование не сводится только к оказанию образовательной услуги, а, выступая в качестве общественно полезного блага, несет в себе значительный потенциал для просвещения, формирования личности, её всестороннего развития, в том числе – интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального. Однако в рамках настоящей статьи мы обратим внимание на экспорт образования в его более узком аспекте.

Для того чтобы внести определенную ясность «первого приближения» в трактовку понятия «экс-

Как цитировать статью: Филиппова М.Ю. Экспорт образования как правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 39–45

порт образования», обратимся к международно-правовым документам, а также актам отечественного правоприменения и толкования права.

Впервые российская правовая мысль устремилась к вопросам экспорта услуг в 1995 году, когда международная торговля услугами стала одним из предметов правового регулирования в рамках деятельности Всемирной торговой организации. На тот момент Российская Федерация не являлась участником ВТО, но правоотношения с иностранными контрагентами обуславливали применение соответствующих международно-правовых норм, формировалась судебная практика, появлялись акты официального толкования новых пока для отечественной юриспруденции понятий. В частности, в 1999 году Федеральный арбитражный суд Московского округа, рассмотрев кассационную жалобу Центрального Банка РФ по делу о взыскании пошлины за проведение валютных операций с ООО «Бюро Патентных Поверенных: «Попеленский и партнеры», вынес постановление, в котором впервые применил международно-правовое понимание экспорта услуг [1]. Немногим ранее, в 1995 году разъяснения содержания понятия «экспорт услуг» было дано Министерством внешних экономических связей Российской Федерации в письме от 05.01.1995 года №10-112/35. Основой толкования правовых норм стало в обоих случаях Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС), подписанное государствами-участниками Всемирной торговой организации 15 апреля 1994 года в Марракеше.

Указанный документ определил экспорт услуг как предложение услуги посредством следующих четырех способов:

1. С территории одной стороны на территорию другой стороны – так называемое трансграничное оказание услуг. В этом случае через границу перемещается сама услуга, что не предполагает ни коммерческого присутствия, ни перемещения физического лица – поставщика услуг на территорию страны, где происходит её потребление. Применительно к образованию такая форма экспорта услуг воплощается в реализации образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий;

2. На территории одной стороны потребителю услуги – гражданину другой стороны. В этом случае получатель услуги физически прибывает из своей страны на территорию государства – поставщика услуги. В сфере образования такая модель используется при обучении в образовательной организации, являющейся для потребителя зарубежной. Национальный ВУЗ, обучающий иностранных студентов, физически присутствующих на очных занятиях, таким образом экспортирует образовательные услуги. Здесь следует отметить ещё раз сохраняющую свою актуальность позицию Федерального арбитражного суда Московского округа и Министерства внешних экономических связей Российской Федерации относительно того, что особенностью внешней торговли услугами является то, что она, в отличие от торговли товарами, регулируется не на границе, а внутри страны соответствующими положениями внутреннего законодательства. Отсутствие или наличие факта «пересечения» границы самой услугой не может выступать критерием экспорта услуги. Данное обстоятельство может оказаться значимым при применении норм налогового или финансового законодательства.

3. Посредством коммерческого присутствия единиц, оказывающих услуги одной стороны на территории другой стороны. Такое коммерческое присутствие выражается в учреждении поставляющей услуги стороной в соответствующем иностранном государстве филиала или представительства компании для оказания услуг потребителям, находящимся на территории этого государства. В образовательной деятельности таким образом экспортируются услуги посредством создания в иностранных государствах филиалов отечественных образовательных организаций.

4. Физическими лицами одной стороны на территории другой стороны. В этом случае, в страну приезжает гражданин иностранного государства – поставщик услуги для её оказания на территории этого государства. Например, иностранный преподаватель приглашается в университет какой-либо страны для чтения лекций. В этом случае для государства, гражданином которого является такой преподаватель, будет иметь место экспорт образовательной услуги.

Следует отметить, что подобное понимание внешней торговли услугами присуще и другим документам международного права, например положениям Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и государствами-участниками Европейского союза, подписанном 24 июня 1994 года на острове Корфу. Также в этой связи можно указать схожесть с нормами Североамериканского соглашения о зоне свободной торговли 1947 года, Соглашения между ЕС и странами Восточной и Центральной Европы об ассоциированном членстве, и другие.

Генеральное соглашение о торговле услугами использует тот же классификатор услуг, что и действующее до его принятия Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 года (ГАТТ). В свою очередь, основой номенклатуры услуг ГАТТ стал Единый классификатор продукта, разработанный Организацией Объединенных Наций. Такой классификатор включает в себя более 160 видов услуг, дифференцированных по 12 основным разделам:

1. Деловые услуги.
2. Услуги связи.
3. Строительство и инжиниринговые услуги.

4. Дистрибьюторские услуги.

5. Общеобразовательные услуги.

6. Услуги по защите окружающей среды.

7. Финансовые услуги, включая страхование.

8. Услуги по охране здоровья и социальные услуги.

9. Туризм и путешествия.

10. Услуги в области организации досуга, культуры и спорта.

11. Транспортные услуги.

12. Прочие услуги.

В отношении образовательных услуг указанный перечень детализирован, например, в Классификации основных продуктов (CPC) ООН от 2005 года [2]. В соответствии с указанным документам в сферу внешней торговли услугами включен весь спектр образовательной деятельности – от обучения по программам начального образования до высшего образования.

В свою очередь, предоставление услуг в области высшего образования также носит достаточно детализированный характер. В эту сферу включены услуги в области: высшего профессионально-технического образования; университетского и иного высшего образования; образования для взрослых; услуги в области образования и профессиональной подготовки; образовательные услуги, связанные с компьютерами и другие.

Отечественным законодательством также воспринято деление видов услуг на 12 разделов, аналогичное тем, которое установлено Генеральным соглашением о торговле услугами. Подобная дифференциация получила своё развитие в содержании Классификатора услуг во внешнеэкономической деятельности (КУВЭД), утвержденного приказом Федеральной службы государственной статистики от 02.07.2012 №373. В названном документе образовательные услуги максимально детализированы по уровням образования, а также, применительно к высшему образованию, – по его направленности. Например, в Классификатор включены: услуги образовательных учреждений высшего образования, связанные с обучением по программам бакалавриата и программам подготовки специалистов в области технических наук; услуги образовательных учреждений высшего образования, связанные с обучением по программам бакалавриата и программам подготовки специалистов в области естественных наук; услуги образовательных учреждений высшего образования, связанные с обучением по программам бакалавриата и программам подготовки специалистов в области общественных и гуманитарных наук; услуги послевузовского профессионального образования, связанные с обучением по программам магистратуры; услуги в области дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) для специалистов, имеющих высшее профессиональное образование и другие.

Рассматривая экспорт образовательных услуг в контексте международно-правового регулирования, нельзя обойти вниманием и рассмотрение обязательств Российской Федерации в связи со вступлением во Всемирную торговую организацию. Такие обязательства закреплены в Протоколе от 16 декабря 2011 года «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года», ратифицированным Российской Федерацией федеральным законом от 21 июля 2012 года №126-ФЗ [3].

В соответствии с названным Протоколом, относительно начального и среднего образования Российской Федерацией не установлены ограничения доступа на рынок, за исключением торговлей услугами посредством коммерческого присутствия: такое присутствие возможно исключительно в форме юридического лица РФ, являющегося некоммерческой организацией. Что касается торговли услугами в области высшего образования, то по первым двум моделям экспорта (трансграничная поставка и потребление за рубежом) ограничения доступа на рынок отсутствуют, а по двум другим (коммерческое присутствие и присутствие физических лиц) обязательства не приняты. В целом же Протокол предусматривает обязательства по услугам в области образования, финансируемым из частных источниках.

Итак, спектр образовательных услуг, способных являться предметом экспорта, достаточно широк и многообразен.

Вместе с тем, время, прошедшее с момента учреждения Всемирной торговой организации и принятия Генерального соглашения по торговле услугами, стремительно и существенно изменило образовательную среду, значительно расширив возможности для освоения любых образовательных программ практически любой образовательной организации любой страны мира. Поменялись технологии, изменился рынок труда, значительно повысился уровень ожиданий потребителей образовательных услуг. Однако, четыре модели экспорта услуг, предложенные ГАТС, остаются актуальными и сегодня.

В этой связи важной задачей становится анализ правового регулирования каждой из форм экспорта образовательных услуг. Ниже приведем краткий обзор источников такой правовой регламентации применительно к каждой модели.

1. Модель «Трансграничное предоставление».

Подобная форма экспорта представляет собой оказание услуги с применением дистанционных образовательных технологий. В наше время дистанционное обучение становится не только одним из способов реализации права на образование, но и показателем эффективности деятельности образовательной организации в профессиональном вузовском сооб-

ществе, одним из факторов конкурентоспособности на рынке образовательных услуг в условиях цифровизации протекающих в обществе социально-экономических процессов. В мировой и отечественной практике немалое число образовательных организаций высшего образования реализуют свои программы в дистанционной образовательной среде. Вместе с тем, созданы и специализированные порталы для подобного обучения, например, Национальная платформа открытого образования, представляющая собой ассоциацию, объединяющую семь ведущих вузов – МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, МФТИ, УрФУ и Университет ИТМО, или международный образовательный проект Coursera, в реализации обучающих курсов которого принимают участие 27 государств, включая Россию. Интересно, что помимо отечественных государственных организаций высшего образования, таких как Национальный исследовательский Томский государственный университет, Новосибирский государственный университет или Московский государственный институт международных отношений (Университет), в число поставщиков услуг входят также Корпоративный университет Сбербанка РФ и Академия Яндекса.

В случае трансграничного оказания образовательной услуги с отечественным вузом, применяется законодательство Российской Федерации, регулирующее применение дистанционных образовательных технологий. Основными нормативными правовыми актами, действующими в данной сфере, являются Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 №816. В развитие положений указанных нормативных правовых актов образовательные организации разрабатывают и утверждают собственные локальные акты.

Следует отметить, что не все специальности и направления подготовки допускают возможность освоения дистанционно. Так, например, не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий реализация образовательных программ по специальностям 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.03 «Судебная экспертиза». Указанные ограничения по высшему образованию содержатся в федеральных государственных образовательных стандартах, а в отношении среднего профессионального образования действует Перечень профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий.

1. Модель «Потребление за рубежом» («Обучение в стране пребывания».

В данном случае получатель услуги – гражданин иностранного государства – поступает для обучения по образовательным программам отечественных вузов. В правовом регулировании подобных отношений немалую долю занимают нормы миграционного законодательства. Правила, регулирующие организацию получения образования иностранными гражданами и лицами без гражданства в российских образовательных организациях, содержатся также в ст.78 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Указанная статья предусматривает для иностранных студентов возможность обучения не только за счет собственных средств или средств организаций в соответствии с договорами об оказании платных образовательных услуг, но и на за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами или установленной Правительством Российской Федерации квотой на образование иностранных граждан в Российской Федерации. Порядок отбора иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение в пределах установленной Правительством Российской Федерации квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28.07.2014 №844.

2. Модель «Коммерческое присутствие». Экспорт образования в форме коммерческого присутствия воплощается, прежде всего, в учреждении на территории иностранных государств филиалов отечественных образовательных организаций. В данном случае правовое регулирование создания такого обособленного подразделения вуза осуществляется на основании законодательства иностранного государства по месту нахождения филиала либо представительства, если иное не установлено международными договорами Российской Федерации – на это прямо указывает п.10 ст. 27 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Вместе с тем, в отношении лицензирования образовательной деятельности зарубежных филиалов российских образовательных организаций, действуют требования, установленные Положением о лицензировании образовательной деятельности, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2013 г. № 966 и при-

каза Рособрнадзора от 12.03.2015 №279 «Об утверждении форм документов, используемых Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки в процессе лицензирования образовательной деятельности». В массив нормативной базы входят и другие акты различного уровня правового регулирования.

В настоящее время наибольшее количество филиалов отечественных вузов сосредоточено в странах – участницах СНГ, но есть примеры и коммерческого присутствия образовательной организации в «дальнем» зарубежье.

3. Модель «Присутствие физических лиц» – «Выезд специалиста». Предполагает выезд преподавателя российского вуза для реализации каких-либо учебных занятий в иностранной образовательной организации. Подобное возможно при реализации программ двойных дипломов, при целенаправленном приглашении профессора или доцента зарубежным университетом или колледжем и т.д. Поскольку в этом случае речь, как правило, идёт о преподавателе, состоящем в трудовых отношениях с российской организацией высшего образования, то и требования, предъявляемые к кандидату на «экспортную миссию» образовательной услуги базируются на нормах отечественного законодательства. Помимо Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Трудового Кодекса РФ, в число соответствующих нормативных правовых актов входят Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования», утвержденный приказом Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 №1н; профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденный приказом Минтруда России от 08.09.2015 №608н, и другие. Нередко условием принимающей стороны является наличие у преподавателя определенных сертификатов, подтверждающие дополнительные, как правило, языковые компетенции.

Итак, экспорт образования представляет собой комплексное явление, правовое регулирование которого сочетает в себе элементы различных отраслей права и комплексных правовых институтов: международного публичного, международного частного, административного (образовательного, миграционного), трудового и других.

В заключение можно сформулировать следующее определение: экспорт образования представляет собой предоставление образовательной услуги либо на территории страны-поставщика услуги иностранному потребителю, либо на территории страны-получателя услуги посредством институционального присутствия страны-поставщика услуги (филиал образовательной организации или приглашенный преподаватель), либо посредством трансграничного оказания услуги.

Следует подчеркнуть, что такое многоаспектное явление, как экспорт образования, нуждается в пристальном изучении и, несомненно, таит в себе немало правовых открытий.

Список литературы

1. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 07.04.1999 г., Дело №КА-А40/824-99 // СПС КонсультантПлюс.
2. Классификация основных продуктов (CPC). Издание Организации Объединенных Наций №R.03.XVII.3, ISBN 92-1-461004-5 / United Nations Publications DC2-853 New York, N.Y. 10017. 2005.
3. Федеральный закон от 21.07.2012 №126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // СПС КонсультантПлюс.
4. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ/GATT) (Вместе с «Договоренностями в отношении положений о платежном балансе, освобождения от обязательств, о толковании статей II:1 "b", XVII, XXIV, XXVIII», «Марракешским протоколом...»). Заключено в г. Марракеше 15.04.1994 // СПС КонсультантПлюс.
5. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Заключено на о. Корфу 24.06.1994 // СПС КонсультантПлюс.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.
7. Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации».
9. Постановление Правительства РФ от 28.10.2013 №966 (ред. от 29.11.2018) «О лицензировании образовательной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
10. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 №816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // СПС КонсультантПлюс.

11. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2016 №1614 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета)» // СПС КонсультантПлюс.
12. Приказ Минобрнауки России от 20.01.2014 №22 (ред. от 10.12.2014) «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» // СПС КонсультантПлюс.
13. Приказ Минобрнауки России от 28.07.2014 №844 (ред. от 17.03.2015) «Об утверждении Порядка отбора иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение в пределах установленной Правительством Российской Федерации квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
14. Приказ Рособрнадзора от 12.03.2015 №279 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении форм документов, используемых Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки в процессе лицензирования образовательной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
15. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 №1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» // СПС КонсультантПлюс.
16. Приказ Минтруда России от 08.09.2015 №608н «Об утверждении профессионального стандарта», «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» // СПС КонсультантПлюс.
17. Приказ Росстата от 02.07.2012 №373 «Об утверждении и внедрении Классификатора услуг во внешнеэкономической деятельности (КУВЭД) в систему государственной статистики» // СПС КонсультантПлюс.
18. Письмо Министерства внешних экономических связей Российской Федерации от 05.01.1995 года №10-112/35 «Об экспорте услуг» // СПС КонсультантПлюс.
19. Официальный сайт Национальной платформы открытого образования: https://openedu.ru/
20. Официальный сайт образовательного проекта Coursera: https://www.coursera.org/

Reference list

1. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of April 7, 1999, Case №CA-A40 / 824-99 // Legal Reference System ConsultantPlus.
2. Central Product Classification (CPC). United Nations publication №R.03.XVII.3, ISBN 92-1-461004-5 / United Nations Publications DC2-853 New York, N.Y. 10017. 2005.
3. Federal Law of July 21, 2012 №126-FL "On Ratification of the Protocol on the Accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of April 15, 1994" // Legal Reference System ConsultantPlus.
4. General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (GATT / GATT) (Together with "Arrangements for balance of payments provisions, exemptions, interpretation of Articles II: 1 b, XVII, XXIV, XXVIII", "Marrakesh Protocol... "). Concluded in the city of Marrakesh 15.04.1994 // Legal Reference System ConsultantPlus.
5. The Partnership and Cooperation Agreement, which establishes a partnership between the Russian Federation, on the one hand, and the European Communities and their Member States, on the other hand. Concluded on about. Corfu 24.06.1994 // Legal Reference System ConsultantPlus.
6. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 №197-FL (as amended on 27th of December, 2018) // Legal Reference System ConsultantPlus.
7. Minutes dated December 16, 2011 "On the accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of April 15, 1994" // Legal Reference System ConsultantPlus.
8. Federal Law of 29.12.2012 №273-FL (as amended on 25.12.2018) "On education in the Russian Federation".
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 28, 2013 №966 (as amended on 29.11.2018) "On the licensing of educational activities" // Legal Reference System ConsultantPlus.
10. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated August 23, 2017 №816 "On approval of the procedure for the use by organizations engaged in educational activities, e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs" // Legal Reference System ConsultantPlus.
11. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of December 19, 2016 №1614 "On the approval of the federal state educational standard of higher education in the specialty 40.05.01 Legal support of national security (specialty level)" // Legal Reference System ConsultantPlus.
12. Order of the Ministry of Education and Science of Russia №22 dated January 20, 2014 (edition from December 10, 2014) "On the approval of lists of professions and specialties of secondary vocational education, the implementation of educational programs for which are not allowed using only e-learning, distance learning technologies" // Legal Reference System ConsultantPlus.

13. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated July 28, 2014 №844 (as amended on March 17, 2015) "On approval of the procedure for selecting foreign citizens and stateless persons to study within the quota established by the Government of the Russian Federation for foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation" // Legal Reference System ConsultantPlus.
14. Order of Rosobrnadzor dated 12.03.2015 №279 (edition from December 21, 2017) "On approval of forms of documents used by the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science in the process of licensing educational activities" // Legal Reference System ConsultantPlus.
15. Order of the Ministry of Healthcare and Social Development of the Russian Federation dated January 11, 2011 №1n "On approval of the Unified Qualification Reference Book of Managers, Specialists and Employees, section" Qualification Characteristics of Managers and Specialists of Higher Professional and Additional Professional Education "// Legal Reference System ConsultantPlus.
16. Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 8, 2015 №608n "On the Approval of a Professional Standard", "Teacher of Vocational Training, Vocational Education and Additional Vocational Education" // Legal Reference System ConsultantPlus.
17. Order of the Rosstat dated 02.07.2012 №373 "On approval and implementation of the Classifier of services in foreign economic activity (CSFEA) into the state statistics system" // Legal Reference System ConsultantPlus.
18. Letter of the Ministry of Foreign Economic Relations of the Russian Federation dated January 5, 1995 №10-112 / 35 "On the export of services" // Legal Reference System ConsultantPlus.
19. Official website of the National Open Education Platform: https: //openedu.ru/
20. Official website of the educational project Coursera: https://www.coursera.org/

УДК 347.44

Климова А.О.,
аспирант Российского университета транспорта (МИИТ)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА

В статье автор отмечает, что концессия, это одна из форм тесного сотрудничества частного капитала с государственным сектором. Одним из принципов субъектного состава концессионных соглашений является наличие разрешения со стороны правительственной системы. Указанное разрешительное волеизъявление выступает как одобрительный акт на создание частного лица. Российскими учеными в настоящее время не определено понятие «концессионное соглашение». Одни полагают, что это «односторонний акт правительства», другие утверждают, что концессия является одним из развитых механизмов активного партнерства между государствами по привлечению инвестиционных капиталовложений. В статье отмечается, что концессия содержит в себе два элемента. Первый, это акт публичной власти; второй – акт, исходящий от частного лица. Необходимо отметить, что в научном сообществе преобладает мнение, что концессионное соглашение несет в себе как публичные черты, так и гражданско-правовые начала. В статье также приводится специфика использования инвестиционного договора в регулировании инвестиционных отношений. Относительно правовой природы инвестиционный договор, это обобщающее понятие таких договоров как договор строительного подряда, договор аренды. Также отмечается, что правовая природа инвестиционного договора может носить экономический характер, поскольку предметом является вложение денежных средств и извлечение прибыли. Отмечается, что чаще всего инвестор отдает предпочтение заключению концессионного соглашения, нежели – инвестиционного договора. Указанный выбор, в – первую очередь обусловлен прозрачностью нормативного регулирования, а также отсутствием в концессии признаков других договоров. Кроме того, в статье поднимается проблема теоретико-правовой сущности законодательного закрепления понятия «инвестиционный договор».

Ключевые слова: концессионное соглашение, инвестиционный договор, субъектный состав, инвестор, концессионер, правовая природа договора, гарантия прав

Klimova A.,
Postgraduate student of the Russian University of Transport (MIIT)

THEORETICAL-LEGAL FRAMEWORK OF THE CONCESSION AGREEMENT AND INVESTMENT AGREEMENT

In the article the author notes that the concession is one of the forms of close cooperation of private capital with the public sector. One of the principles of the subject composition of concession agreements is the availability of permission from the government system. The specified authorization expression acts as a positive act on the establishment of a private person. Russian scientists currently do not define the concept of "concession agreement". Some believe that this is a" unilateral act of the government"; others argue that the concession is one of the developed mechanisms of active partnership between States to attract investment. The article notes that the concession contains two theoretical and legal elements. First, it is an act of public authority; second, an act emanating from a private person. It should be noted that the scientific community is dominated by the view that the concession agreement carries both public features and civil law principles. The article also provides the specifics of the use of the investment agreement in the regulation of investment relations. Regarding the legal nature of the investment contract, it is a generalizing concept of such contracts as a construction contract, a lease contract. It is also noted that the legal nature of the investment agreement may be of an economic nature, since the subject is the investment of funds and profit. It is noted that most often the investor prefers to conclude a concession agreement rather than an investment agreement. This choice is primarily due to the transparency of regulation, as well as the lack of signs of other contracts in the concession. In addition, the article raises the issue of theoretical and legal essence of legislative consolidation of the concept of "investment agreement".

Keywords: concession agreement, investment agreement, subject composition, investor, concessionaire, legal nature of contract, guarantee of rights

Определение «концессионное соглашение» в российском законодательстве стало применятся еще до революции в период строительства железной дороги.

Концессия, это своего рода выражение форм внедрения частного капитала в взаимном сотрудничестве с государственными структурами.

Так под определением «концессия», ранее, научное общество понимало – дозволение государственных структур на образование юридического лица. Такая схема получила название – разрешительная.

Таким образом, концессия, это разрешение государственной власти на ведение деятельности предприятия, направленное на получение прибыли.

Кроме того, концессию также определяли как вид монополии, в котором правительственные органы вступают сами, а также дают дозволение вступать иным органам государственной власти в концессионную модель взаимоотношений.

Российским правоведом, государственным деятелем П.П. Цитовичем было дано разъяснение, что условие вступления правительства или других структур государственной власти в концессионную схему, обусловлено интересами общества, это во – первых, и во – вторых, это обеспечение определенных обязательств компаний перед правительственными структурами или же концессии создавались изначально для обеспечения функционирования городов.

Специалист по хозяйственному праву, профессор В.Н. Шретер определил, что концессия, это специальное право, которое устанавливает изъятия из общего закона и гарантирует права, принадлежащие концессионеру, от вносимых изменений в законодательстве» [4].

Учитывая сложившуюся исторически – правовую практику, представляется возможным сделать вывод, о том, что концессия, в первую очередь являлась выражением настроя государственных властей, поскольку ее заключение всецело и напрямую зависело от волеизъявления государственных чиновников.

При рассмотрении теоретических основ концессии, можно прийти к выводу, что при осложненных проектах необходимо получить разрешения на производство, кроме того, требовались земельные участки что, как известно, без сопутствующих правовых процедур получить крайне затруднительно.

При осуществлении сложной хозяйственной деятельности, претворимой в жизнь в форме концессионных соглашений требуется поддержка государства, появляется необходимость в дополнительных гарантиях для правительства.

Для того, чтобы получить разрешение правительства необходимо убедить орган в том, что ведение проекта будет в направлении, которое экономически выгодно государству

В настоящее время концессии являются одним из наиболее развитых механизмов сотрудничества и привлечения инвестиционного капитала в развитие предприятий. В связи с выходом России в мировое экономическое сообщество внедрение концессий в экономическую базу государства, выступает генератором процессов обновления жизненно необходимых структур.

В экономически-ориентированных условиях государству все сложнее оставлять за собой правомочия собственника. Иногда ситуация складывается так, что намного эффективней передать управление объектами государственной или муниципальной собственности. Кроме того, управление может быть сосредоточено не только в руках российских компаний, но и эффективно складываться за счет управления проектом из-за рубежа.

Правовым механизмом передачи прав собственника от государства к инвестору (как юридическое, так и физическое лицо) важное место занимают концессии. За последнее время Россия набирает обороты по строительству новых объектов на основе концессионных договоров.

Как указывает теоретик Ю.М. Юмашев, концессионный договор состоит из двух элементов: первый – акт публичной власти, второй – акт, частного лица, выражающий дачу его согласия подчиняться специальным нормам, регулирующим внутренний распорядок. например, предприятия, при его дальнейшей эксплуатации.

Необходимо принять во внимание, что теоретически концессионному договору принадлежат элементы как публичного акта, так и гражданского договора.

Концессионный договор, это акт, который объединяет публичность и гражданские элементы.

В основе юридической природы концессий и концессионного договора лежит устойчивое сочетание публично-правовых и частных интересов инвесторов, указанный факт свидетельствует о разграничении этих отношений в период новой экономической политики, а также в современности.

Немаловажным и даже основным положительным импульсом в пользу заключения концессий является то, что с помощью концессионного договора государству поступают дополнительные налоги, также, концессия выступает как альтернатива приватизации имущества.

В современном обществе, более часто встречаются проекты, реализованные с помощью концессионных соглашений, также появилась возможность

Как цитировать статью: Климова А.О. Теоретико-правовые основы концессионного соглашения и инвестиционного договора // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 46–50

организовать деятельность на основе гражданско-правовых принципов. Законодательство формирует более новые формы концессионных соглашений, на более выгодных условиях. Неоднократно заявлялось о том, что в приоритете интерес государства и общества, поэтому реализуемые проекты в форме концессий должны нести в себе не только пользу в виде налогов для государства, но и выступать мощным катализатором развития общественных отношений.

Кроме того, проекты, которые реализуются по концессионной схеме имеют приоритет и в том, что, выступая в роли концендента, право собственности на объект остается за последним.

Научный деятель, профессор А.А. Конопляник, полагает, что концессия, это отрицательный правовой механизм, который был сформирован в обществе при условном толковании истории экономических отношений, предполагалось, что концессия – это хозяйственный инструмент международных корпораций, благодаря которому власть полностью подчинила себе экономическую составляющую стран.

Особенность концессионных соглашений проявляется как в содержании условий соглашения, так и процедуре заключения указанного договора.

Один из способов заключения договора, согласно российскому законодательству состоит в том, что одна сторона направляет другой стороне предложение заключить договор, а другая сторона, получив данное предложение, принимает его.

Однако возникают сомнения по указанному выше способу заключения договоров. Предполагается возможным определить заключение договоров не путем направления предложения, а в ходе осуществления личных переговоров, поскольку содержание существенных условий может меняться в процессе.

Отмечается, что при заключении тех или иных договоров есть определенная модель поведения сторон, есть способ заключения и порядок. Эти понятия необходимо разграничить. Под порядком необходимо понимать согласие на оплату и предложение того, за что необходимо ее произвести. При заключении концессионного соглашения на практике встречаются различные ситуации, при которых разрешается проведение переговоров: короткий срок реализации проекта, безопасность общества и государства, осуществление услуги конкретным лицом.

Как и в любом договоре, в концессионном соглашении имеется объективная сторона и предметная. Так объективной стороной концессионного соглашения может выступать недвижимость – дороги, транспорт, трубопровод, порты и многое другое.

Реализация инвестиционного проекта перекладывает инвестиционные риски капитальных вложений, а также получение конечного результата на вкладчиков, при этом концендент, как происходит при формулировании договора концессии не несет дополнительных обязательств и ответственности.

Российским законодательством определены некоторые моменты, по которым может быть расторжение концессионного соглашения: нарушены сроки, объект используется не правомерно, неисполнение обязательств сторонами, несогласованное прекращение выполнения обязательств.

Для успешного использования концессионных соглашений важен слаженный механизм разрешения возникающих правовых споров. Законодательство стран должно предусмотреть правовые гарантии защиты участников соглашений. Лица, которые выступают в хозяйственных отношениях в качестве сторон по договору, при возникновении разногласий могут найти законодательную поддержку в решении правовых вопросов.

В России соблюдение гарантий и возможностей инвесторов немалозначно, поскольку не одна зарубежная фирма, лишилась своей собственности в СССР без компенсации. Например, это такие швейцарские фирмы как «Сандоз», «Хофман-ля-Рош», французская «КредиЛионе».

Кроме того, отсутствие законодательного закрепления механизма досрочного расторжения концессионных соглашений привело к обращению за судебной защитой, однако дела окончились без удовлетворительного результата для иностранных вкладчиков.

В России и за рубежом, капитальное строительство и реконструкция масштабных объектов инфраструктуры может осуществляться также на основе инвестиционного договора.

Одно из первых определений инвестиционного договора стало определение, данное ученым – правоведом О.Н. Кондрашковой.

Проводя анализ данного определении была дана следующая характеристика правового договора – сложность, взаимовыгодность отношений, взаимодействие при реализации и использовании, распределение доходов от использования.

Инвестиционный договор, это разновидность и смешанность различных договоров (договор строительного подряда, договор аренды, договор простого товарищества).

Также существует точка зрения, что инвестиционный договор считается не юридическим определением, а экономическим, поскольку основа данного договора, это вложение материальных средств (денег).

Анализируя разработанные научные понятия, представляется возможным выявить существенные признаки инвестиционного договора: вложение денежных средств, в результате инвестирования – создание объекта, долгосрочное пользование объектом,

оформление объекта в собственность. распределение полученной прибыли от объекта.

Учитывая изложенное, представляется возможным сделать вывод, что такое многообразие научных мнений относительно понятия «инвестиционный договор», в первую очередь, обусловлен отсутствием четкого законодательного закрепления по вопросу определения юридической природы инвестиционного договора, что существенного затрудняет его использование на практике.

Отсутствие законодательно – закрепленного определения «инвестиционный договор» затрудняет его применение в инвестиционных отношениях в строительной и иных сферах. За расширенным понятием можно увидеть различного рода гражданско-правовые договоры, например – договор подряда, договор купли – продажи, договор простого товарищества.

Определяющим правовым документом в вопросе квалификации природы инвестиционного договора является Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем».

Список литературы

1. *Курысь Н.В., Тищенко С.Г.* Концессия и концессионное право периода новой экономической политики (20-30-е гг. XX в.) // Журнал российского права. 2003. №10. С. 15.
2. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права. М., 1994. С. 151.
3. *Цитович П.П.* Учебник торгового права. М., 2003. С. 43.
4. *Шретер В.Н.* Система промышленного права СССР. М., 1924. С. 62.
5. *Бернштейн И.Н.* Очерк концессионного права СССР. М., 1930. С. 18.
6. *Юмашев Ю.М.* Иностранные концессии в СССР // Хозяйство и право. 1989. №7. С. 46.
7. *Сосна С.А.* Концессионные соглашения: теория и практика. М., 2002. С. 71.
8. *Конопляник А.А.* Договор концессии: возможное место и роль в инвестиционном законодательстве России // Инвестиции в России. 2002. №1. С. 3.
9. *Конопляник А.А.* Как нефтедоллары превратить в инвестиции? Возможно, этому помогут концессионные договоры // Инвестиции в России. 2001. №3. С. 20.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ от 05.12.1994. №32.
11. *Паращук С.А.* Договоры в сфере предпринимательской деятельности // Предпринимательское право Российской Федерации / Ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2004. С. 917.
12. *Пугинский Б.И.* Коммерческое право. М.: Зерцало, 2005.
13. *Белых В.С.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М.: Проспект, 2009. С. 345.
14. *Русинова А.* Порядок и принципы выбора концессионера: европейский опыт и российский закон // Налоги. 2006. №26. С. 9.
15. *Донгаров Л.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 38.
16. *Баратова М.А.* Инвестиционные споры: понятие, виды, способы разрешения // Законодательство. 1998. №4. С. 68.
17. *Лисица В.Н.* Инвестиционный договор // Закон. 2003. №6. С. 113-117.
18. *Сайфулова Л.Г.* Договор долевого участия в жилищном строительстве: Дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. Самара. 2001. 183 с.
19. *Лапутева Е.В.* Совершенствование договорных отношений в области жилищного строительства: Дис. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук. М. 2003. 179 с.
20. *Мороз С.П.* Инвестиционный контракт // Бизнес, Менеджмент и Право. 2006. №2(12). С. 25.
21. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 №54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // «Вестник ВАС РФ». 2011. №9.

Reference list

1. *Kurys' N., Tishchenko S.* Concession and concession law of the period of the new economic policy (20-30th of XX century) // Journal of Russian law. 2003. №10. P. 15.
2. *Shershenevich G.* Textbook of trade law. M., 1994. P. 151.
3. *Tsytovich P.* Textbook of trade law. M., 2003. p. 43.
4. *Shreter V.* The system of industrial law of the USSR. M., 1924. P. 62.
5. *Bernstein I.* Sketch of the concession law of the USSR. M., 1930. P. 18.
6. *Yumashev Yu.* Foreign concessions in the USSR // Economy and law. 1989. №7. P. 46.
7. *Sosna S.* Concession agreements: Theory and practice. M., 2002. P. 71.
8. *Konoplyanik A.* Concession agreement: a possible place and role in the investment legislation of Russia // Investments in Russia. 2002. №1. P. 3.
9. *Konoplyanik A.* How to turn petrodollars into investments? Perhaps this will help the concession contracts // Investments in Russia. 2001. №3. P. 20.

10. Civil Code of the Russian Federation // Collection of the legislation of the Russian Federation of 12.12.1994. №32.
11. *Parashchuk S.* Contracts in the field of entrepreneurial activity // Business law of the Russian Federation / Edition by E. Gubin, P. Lakhno. M., 2004. P. 917.
12. *Puginskiy S.* Commercial law. M .: Zertsalo, 2005.
13. *Belykh V.* Legal regulation of business activities in Russia. M .: Prospekt, 2009. P. 345.
14. *Rusinova A.* The procedure and principles for selecting a concessionaire: European experience and Russian law // Taxes. 2006. №26. P. 9.
15. *Dongarov L.* Foreign capital in Russia and the USSR. M., 1990. P. 38.
16. *Baratova M.* Investment disputes: Concept, types, methods of resolution // Legislation. 1998. №4. P. 68.
17. *Lisitsa V.* Investment agreement // Law. 2003. №6. P. 113-117.
18. *Sayfulova L.* The agreement of share participation in housing construction: Thesis on the competition of the scientific degree of PhD in Law. Samara. 2001. 183 p.
19. *Laputeva E.* Improvement of contractual relations in the field of housing construction: Thesis on the competition of the scientific degree of PhD in Law. M. 2003. 179 p.
20. *Moroz S.* Investment Contract // Business, Management and Law. 2006. №2 (12). P. 25.
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 11, 2011 №54 "On some issues of resolving disputes arising from real estate contracts to be created or acquired in the future" // "Bulletin of Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation" 2011. №9.

УДК 342.734

Лутовинова Н.В.,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Российского государственного социального университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ

Особую остроту проблема совершенствования пенсионного обеспечения в Российской Федерации приобрела в последние годы в связи с тем, что имеет место снижение количества работоспособного населения как следствие демографического кризиса, а также рост количества нетрудоспособных граждан, главным образом пенсионеров; кроме того, происходит значительное ухудшение здоровья и качества жизни пенсионеров на фоне очевидно недостаточного для их полноценной жизни размера пенсии, которая носит уравнительный характер, отсутствует зависимость от трудового вклада работника. Актуальность и важность совершенствования пенсионной системы как на федеральном, так и региональном уровнях обусловила широкую дискуссию, которая ведется на уровне государственных институтов и в экспертном сообществе. В новом столетии в РФ предпринимается попытка реформирования пенсионного обеспечения граждан. При решении проблемы требуется на базе выявления причин кризиса пенсионной системы, их объективного и детального анализа разработать и предложить адекватные меры, обеспечивая наряду с соблюдением как прав пенсионеров настоящих, так и интересов пенсионеров будущих – трудоспособных граждан, создающих основу настоящего и будущего благосостояния страны.

Ключевые слова: страховая пенсия, трудовая пенсия, прожиточный минимум пенсионера, пенсионный фонд, пенсионное обеспечение

Lutovinova N.,
Senior Lecturer of Chair of State-Legal Disciplines of the Law Faculty of Russian State Social University

SOME ASPECTS OF PENSION MAINTENANCE IN RUSSIA

Of particular urgency is the issue of improving the pension security in the Russian Federation acquired in recent years in due to the fact that there is a decrease in the number of working population as a result of the demographic crisis, as well as the number of disabled citizens, mainly pensioners; in addition, there is a significant deterioration in the health and quality of life of pensioners amid obviously insufficient for their full life pension size that is equalizing character, there is no dependence on the labor contribution of the employee.

The relevance and importance of improving the pension system at both the federal and regional levels has led to wide discussion that is conducted at the level of state institutions and in the expert community. In the new century in the Russian Federation an attempt is being made to reform the pension system of citizens. When solving an issue is required on the basis of identifying reasons for the crisis of the pension system, their objective and detailed analysis to develop and propose adequate measures, ensuring along with the observance of both the rights of current pensioners and the interests of future pensioners – able-bodied citizens, who create the basis of the present and future well-being of the country.

Keywords: non-contributory pension, work pension, living wage of pensioner, pension fund, pension maintenance

2015 год в Российской Федерации был ознаменован достаточно важным событием с точки зрения демократического государства – попыткой реформирования пенсионной системы в целях повышения уровня жизни лиц, живущих на пенсионном обеспечении [4], а также с целью гарантии финансовой устойчивости самой пенсионной системы.

Реализованная прежде система была построена на главенствовании принципа собирательного распределения, где поступившие в Пенсионный фонд взносы, перенаправлялись на формирование текущей пенсии. При таком подходе, для гарантии одному пенсионеру выплаты, были нужны отчисления минимум двух дееспособных работников. Учитывая

Как цитировать статью: Лутовинова Н.В. Некоторые аспекты пенсионного обеспечения в России // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 51–55

современный рост демографических показателей, на формировании одной пенсии сейчас отходят отчисления уже менее, чем двух рабочих. Согласно прогнозам экспертов, к 2020 году, в Российской Федерации на образование пенсии одному пожилому человеку будет приходиться всего одна заработная плата [7].

Суммарное начисление пенсии в ранее действовавшей пенсионной системе, был обусловлен несколькими факторами:

- стажем работы;

- размером заработной платы за последние два календарных года;

Таким образом, не в полной мере был оценен вклад каждого трудоспособного гражданина.

Мировой практике до сегодняшнего дня известны два новаторских пути гарантии обеспечения населения пенсиями в условиях его старения:

Первый базируется на повышении уровня налогообложения и балансирования систем за счет равноценных вливаний [2]. Безусловно, чрезмерное использование подобного рода методики будет приводить, как следствие, к сокращению рыночной активности населения, росту теневой трудовой биржи и стагнации экономических циклов в стране.

Второй путь зиждется на изменении векторного движения в сторону накопительных пенсий. Сущность такого перехода основана на постоянном накоплении средств работающих лиц на их индивидуальных счетах, а также их потенциальном инвестировании с целью получения дополнительного дохода [4]. Такой прирост подлежит ежегодному зачислению на счет работника. В тот момент, когда лицо достигает предельного возраста и отправляется на пенсию, выплата ему пенсии осуществляется путем выделения доли из общей суммы на личном балансе.

Такая формула способна объективно уравнивать выплаты с современными условиями рынка, где их формирование будет напрямую зависеть от ранее совершенных капиталовложений, при этом будет сохранен баланс с совокупным доходом, определенным за все предыдущие годы.

Так, Косенкова отмечала: «Очередное пенсионное законодательство было разработано и практически в полном объеме введено в действие в 2002-2003 гг. Так, были созданы институты обязательного пенсионного страхования, формирования и инвестирования пенсионных накоплений в рамках накопительной части трудовой пенсии, разгосударствлены функции страховщика по обязательному пенсионному страхованию» [1].

В момент перехода на рыночную экономику в стране стал вопрос о реформировании уже установившихся систем. Такому реформированию подверглась и система пенсионная. Теперь она видится, как комплекс экономико-правовых институтов и норм, направленных на формирование и возможность предоставления гражданам, достигших определенного возраста и статуса, обеспечения материального характера. В этом контексте, пенсия включала в себя еще и организационные институты, связанные с факторологическим исследованием формирования пособий.

Любая пенсия имела в себе три составляющих. А именно:

- базовую часть;

- страховую часть;

- накопительную часть.

Базовая часть – есть тот костяк, который ни коем образом не зависит от ранее поучаемого дохода. Эта часть определяется для всех и на законодательном уровне подлежит индексации в соответствии с изменениями в государстве.

По мнению Биткиной И.К. «Трудовой вклад и заработная плата понятия разные. Заработок будет отражен в страховой части пенсии, а вот трудовой вклад, быть должен, отражаться именно в базовой через призму стажа, хотя сегодня он и не учитывается. Из практических данных видно, что наибольшая пенсия у лица с наименьшим, пятилетним стажем. В связи, с чем видится важным установить в законодательстве верхний и нижний пороги базовой части пенсии в зависимости от стажа лица» [5].

Другая часть пенсии именуется страховой. Онато и находится в прямой зависимости от ранее поступавших доходов. Ее база обусловлена поступлением сумм на индивидуальный счет потенциального пенсионера и выражается в будущих обязательствах государства. Такая часть выделяется только для граждан Российской Федерации с годом рождения в паспорте от 1967 и далее [3]. Поступающие отчисления не могут быть перенаправлены на формирование текущих пенсий. Их предназначение состоит в том, чтобы быть инвестированными и приносить дополнительный доход потенциальному выгодополучателю [8].

В условиях реформирования, факт появления накопительного потенциала, как и вся реформа в целом, должны были позитивно сказаться как на экономическом, так и на социальном секторах. Возможность долгосрочного инвестирования и право выбора, презюмировалось, благоприятно должны были влиять на работающих будущих пенсионеров [10].

Распорядительные правомочия, как планировалось экспертами, должны были породить высокий уровень экономико-социальной культуры и их осознанной ответственности за свое будущее в старости.

Глобальные изменения в области формирования и исчисления пенсионного будущего, априори коснуться не всех граждан. Теперь все население формально будет градировано надвое. Следует отметить, что и роль государства в жизни представителей групп прямо диаметрально различно [9].

Первой категорией ознаменованы современные пенсионеры. Дело попросту заключается в том, что они уже пенсионеры, то есть не в силах изменить свой стаж, заработную плату или инвестиции накопительной части [6]. В связи, с чем государство определяет своей важнейшей задачей заботу об их благосостоянии и экономической стабильности [7].

Вторая же группа включается в себя лиц трудящихся. Как раз им посильно изменить многое, если не все. Однако государство, в преддверии изменения существа пенсии как таковой, ставит перед собой ряд задач:

- при условии недостижения значимых показателей, гарантировать минимум любому, вне протекционной зависимости от его доходов;

- так или иначе, создавать экономически благоприятные условия для сохранения и приумножения достаточного количества средств в целях обеспечения будущего, как посредством введения некоторых платежей, так и путем формирования программ самообеспечения и самореализации на базе постоянного подпитывания социального партнерства и индивидуальных инициатив.

В целях осуществления проводимой на тот момент реформы, всем трудящимся лицам, достигшим определенного возраста, были сформированы накопительные счета персонального характера. Возраст определялся следующим образом:

- мужчины – младше 1952 года рождения;

- женщины – младше 1956 года рождения.

С наступлением 2005 года превзошли некоторые изменения. Теперь лицам, родившимся до 1967 года, индивидуальные счета пополняться перестали. В связи, с чем возник следующий коллапс: « У мужчин 1952-1966 гг. рождения и женщин 1956-1966 гг. рождения пенсионные накопления сформировались лишь за период 2002-2004 годы» [7].

Изменились в указанном году и порядки распределения и перераспределения отчислений. Они расслаивались в зависимости от года рождения будущего пенсионера, а именно: «различно исчислялись

- для граждан 1967 года рождения и моложе;

- для граждан 1966 года рождения и старше – базовая часть составляет 6%, а страховая часть 14%» [8].

На сегодняшний день, каждый трудящийся гражданин, имеет в Пенсионном фонде собственный счет, на который и переводят исчисляемые работодателем денежные суммы.

Начиная с первого дня 2010 года, законодатель изменил префектуру понятий. Здесь был определен базовый размер, а не часть, как элемент части страховой трудовой пенсии по старости, получении инвалидности или потере кормильца.

Основной вопрос здесь заключается в том, что такой размер имеет твердую фиксацию без отступлений, но при применении градации, ранее существовавшей в условиях до названного года.

Внутреннее деление же пенсии при становлении на учет в качестве инвалида и по утрате кормильца не установлено.

В этой связи, «при этом размеры страховой части трудовой пенсии по старости, трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии по случаю потери кормильца определяются с учетом фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости, фиксированного базового размера трудовой пенсии по инвалидности и фиксированного базового размера трудовой пенсии по случаю потери кормильца соответственно» [10].

Рассматривая материал, автор приходит к обоснованному выводу, что размер потенциальной пенсии находится в прямой обусловленной зависимости от количества средств на счете.

В целях поддержания новой системы и пояснения принципов ее работы населению, была создана специальная программа, в соответствии с которой государство принимало непосредственное участие в увеличении доли капиталовложений.

Такая программа законодательно обусловлена [6], однако имеет существенные недостатки в своем содержании.

Из анализа сайта Пенсионного фонда Российской Федерации следует, что государство готово помогать далеко не всем пенсионерам, и наиболее экономически слабая группа лиц остается без надлежащей поддержки. Так ли проявляется сущность социального государства? [1].

«В 2013 г. пенсионные накопления в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации формировались у 79 млн. человек.

В течение года накопительная система пополнилась 2 млн. новых участников. В основном это россияне, которые начали трудовую деятельность в 2013 г.

Общий объем средств, формируемый в накопительной системе, превысил к концу года 2,8 трлн. рублей (включая 980 млрд. рублей, формируемых в негосударственных пенсионных фондах, и 246 млрд. рублей, находящихся во временном размещении) и пополнился в течение года новыми средствами на сумму 590 млрд. рублей» [7].

Граждане-участники наделены распорядительными полномочиями, и могут непосредственно влиять на свою будущую пенсию следующим образом:

1. Непосредственно через Пенсионный фонд. Субъектам здесь представлена возможность бесспорного выбора между государственной управляющей компанией и частной компанией, выигравшей конкурсный отбор.

2. Через Негосударственный пенсионный фонд.

Просматривая практику перемещения денежных масс, можно заметить, что государственные управляющие компании имеют большее число инвестиционных портфелей, нежели другие. Такая монополия кажется не совсем обоснованной. Ведь по статистике, ПФ РФ, зачастую прекращает отношения со многими субъектами управленческой деятельности.

Россияне стали проявлять заинтересованность в развитии своей будущей поддержки финансирования. В период с 2013 по 2017 год наблюдается характерный спад переводов денежных масс в Пенсионный фонд. Набирать популярность стали негосударственные фонды, среди которых числится и НПФ «Сбербанк», «Газпром» и другие.

Существует множество понятийных подходов, однако «в понятиях отсутствует отражение инвестиционной деятельности данного института, что оказывает большое воздействие на благосостояние граждан не только напрямую, через выплату пенсий, но также и косвенно, за счет инвестирования средств в экономику страны, влекущим за собой рост ВВП, возможность реструктуризации экономики и, как следствие, потенциальный прирост доходов населения» [3].

Мало кто, говоря о деятельности экономических субъектов в сфере страхования, говорит о результативности. С внесением некоторых изменений в Федеральное законодательство в 2014 году [2], ситуация изменилась. Постулаты и институции негосударственных фондов рассматривались через призму влияния их деятельности на реальное формирование повсеместного благосостояния их инвесторов – будущих пенсионеров.

Анализируя практику и статистику, а также дефинитивный аппарат, представители науки, разработали новый термин. «Негосударственные пенсионные фонды – это социально-экономический институт, функционирующий в рамках пенсионной системы, деятельность которого направлена на сохранение и преумножение аккумулированного капитала посредством инвестирования пенсионных средств с помощью соответствующих участников пенсионного рынка и/или путем прямого вложения в инвестиционные активы в целях обеспечения роста пенсионных вложений и выплат граждан при выходе на пенсию. При этом необходимо отметить, что сопутствующим эффектом деятельности НПФ, использующим длинные деньги, является стимулирование экономического роста на фоне реструктуризации и модернизации экономики» [1].

Резюмируя с вышеизложенным, можно сделать следующие выводы, пенсионная система в Российской Федерации находится в фазе своего становления и не может оставаться на таком уровне развития. Применяемые государственными структурами институты и методы совершенствования, не будут в полной мере реализованы без соответствующего социального потенциала каждого человека. Ведь, если мы говорим о передаче формирования пенсий в руки их будущих владельцев, то ключевыми будут выступать не закрепленные способы, а методика и функционал их реализации. Пенсии в России далеки от совершенства, но прогресс их становления наблюдается в ретроспективе. Государство и всевозможные пенсионные фонды должны обратить свой взор на область правового просвещения граждан. Комплексное воздействие на социальные, экономические и правовые блокаторы, нивелирует все существующие сегодня проблемы и обусловит высокий социо-экономический потенциал будущих пенсионеров России.

Список литературы

1. *Дмитриев М.Э.* Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы // СПб.: Норма, 2011.
2. *Захаров М.Л.* Международные стандарты и российская пенсионная система // Журнал российского права. 2012. №9.
3. *Куценко В.В., Ровбель С.В.* Пенсионное обеспечение в России: история, состояние, перспективы (Текст лекций). Новосибирск: НГАЭиУ, 2010.
4. *Мамий Е.А.* Реформа пенсионной системы РФ: тенденции, проблемы и перспективы // Научный журнал КубГАУ. 2013. №93(09).
5. Накопительные механизмы пенсионного обеспечения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. №15(45).
6. *Новиков С.В.* Российская пенсионная система нуждается в срочной модернизации // Учет, налоги, право. 2011.
7. *Роик В.* Пенсионная реформа: результаты и перспектива // Пенсионные фонды и инвестиции. 2014. №2.
8. Социальная политика: Учебник / Под. ред. Н.А. Волгина. М.: Экзамен, 2012.
9. *Федотов А.И.* Анализ моделей построения пенсионных систем // Труды ИСА РАН. 2012. Т. 38.
10. *Шестакова Е.Е.* Опыт введения многоуровневых пенсионных систем в государствах Восточной Европы и США: общие подходы и особенности // Трудовое право. 2014. №2.

Reference list

1. *Dmitriev M.* Pension reform in Russia: Causes, content, prospects // SBR.: Norma, 2011.
2. *Zakharov M.* International standards and the Russian pension system // Journal of Russian law. 2012. №9.

3. *Kutsenko V., Rovbel S.* Pension maintenance in Russia: History, status, prospects (text of lectures). Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management, 2010.
4. *Mamiy E.* Reform of the pension system of the Russian Federation: Trends, problems and prospects // Scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2013. №93 (09).
5. Accumulative mechanisms of pension maintenance // Accounting in budget and non-profit organizations. 2014. №15(45).
6. *Novikov S.* Russian pension system needs urgent modernization // Accounting, taxes, law. 2011.
7. *Roik V.* Pension reform: Results and perspective // Pension funds and investments. 2014. №2.
8. Social policy: Textbook / Under the editorship of N. Volgin. M.: Ekzamen, 2012.
9. *Fedotov A.* Analysis of pension systems building models // Proceedings of Institute of Systems Analysis of RAS. 2012. Vol. 38.
10. *Shestakova E.* The experience of introducing multi-level pension systems in Eastern Europe and the USA: Common approaches and features // Labor Law. 2014. №2.

УДК 342.7

Лаврова Ю.В.,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, помощник прокурора Пензенского района Пензенской области

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье рассматриваются проблемы соблюдения социальных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. Исследуются вопросы правового регулирования понятие «инвалид» и «лицо с ограниченными возможностями здоровья», проводится анализ имеющихся трактовок, обосновывается необходимость закрепления второго понятия на законодательном уровне с целью оптимизации полномочий органов.

Автором сделан вывод о том, что предлагается целесообразным заменить понятие «инвалид» понятием «лицо с ОВЗ», что существенно бы расширило круг лиц, входящих в данную группу, дало возможность лицам, не являющимися инвалидами, реализовывать свои права и социальные гарантии на законодательном уровне.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями здоровья, инвалид, социальные права, дети с ограниченными возможностями здоровья

Lavrova Yu.,
Postgraduate student of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Assistant Prosecutor of Penza District of the Penza Region

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF SOCIAL RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN HEALTH

The article deals with the issues of observance of social rights of persons with disabilities in health. The issues of legal regulation of the concept "invalid" and "person with disabilities in health" are studied, the analysis of existing interpretation is carried out, and the necessity of fixing the second concept at the legislative level in order to optimize the powers of authorities is substantiated.

The article author concludes that it is proposed to replace the concept "invalid" with the concept "person with disabilities in health", which could significantly expand the range of persons belonging to this group, enabling persons who are not disabled to realize their rights and social guarantees at the legislative level.

Keywords: person with disabilities in health, invalid, social rights, children with disabilities in health

Реализация социальных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – лица с ОВЗ) является первостепенной задачей государства и общества. Вместе с тем, анализ нормативного регулирования в сфере защиты социальных прав лиц с ОВЗ свидетельствует, что на практике возникают значительные трудности по реализации этих прав ввиду несовершенства основополагающих положений законодательства в данной сфере.

Прежде всего стоит отметить, что до настоящего времени понятие «лицо с ограниченными возможностями здоровья» не нашло своего законодательного закрепления.

Данный правовой пробел создает трудности в наиболее полной реализации прав указанной категории лиц, в связи с чем дискуссия по рассматриваемому вопросу является достаточно актуальной на сегодняшний день.

В первую очередь необходимо дать определение понятию «инвалид».

В отличие от термина «лицо с ОВЗ» указанное понятие четко закреплено на федеральном уровне.

Так, в силу ст. 1 Федерального закона от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Закон об инвалидах) – это лицо, которое имеет нарушение здо-

Как цитировать статью: Лаврова Ю.В. Проблемы правового регулирования социальных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 56–59

ровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеванием, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограниченной жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [2].

При этом в зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности; признание лица инвалидом осуществляется федеральным учреждением медико-социальной экспертизы. Порядок и условия признания лица инвалидом устанавливаются Правительством Российской Федерации.

В нормах международного права термин «инвалид» трактуется несколько иначе, нежели в российском праве. В частности, Декларация о правах инвалидов признаёт инвалидом лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врождённый или нет, его или её физических или умственных способностей.

Исторически понятие «инвалид» в России связывалось с такими понятиями, как «нетрудоспособность» и «больной». Нередко методические подходы к анализу понятия «инвалид» заимствовались из здравоохранения, по аналогии с анализом заболеваемости. Специалисты долгое время рассматривали это понятие, отталкиваясь преимущественно от биологических предпосылок, в связи с этим социальная сторона проблемы была сужена до нетрудоспособности как основного показателя инвалидности. В настоящее время во внимание принимается социальный аспект: в определении указывается на необходимость социальной защиты инвалида, но ничего не говорится о необходимости многопрофильной реабилитации, использующей социальные, экономические, психологические, образовательные и другие необходимые технологии.

При этом понятие «лицо с ОВЗ» тесно взаимосвязано с понятием «инвалид».

По указанному вопросу высказывались различные ученые и практики.

Как отмечает А.И. Живицкая, понятия «инвалид» и «лицо с ОВЗ» близки по своему содержанию. Однако же понятие «инвалид» – это медицинский термин, он выражает результат экспертной оценки состояния здоровья и жизнедеятельности человека, зафиксированной в документе установленной формы (справке о признании лица инвалидом) [4, с. 1].

Понятие «лицо с ОВЗ» получило в России повсеместное распространение как понятие более широкое и общее нежели понятие «инвалид».

В мировой практике различаются подходы к определению людей с ОВЗ. Примером является термин «дети с особыми образовательными потребностями» (children with special educational needs) [6, с. 115]. Он используется в настоящее время в странах Западной Европы и США.

По мнению В.А. Лапшина, рассматриваемая категория детей (лиц с ОВЗ), может быть представлена следующим образом: 1) дети с нарушением слуха (глухие, слабослышащие, позднооглохшие); 2) дети с нарушением зрения (слепые, слабовидящие); 3) дети с нарушением речи (логопаты); 4) дети с нарушением опорно-двигательного аппарата; 5) дети с умственной отсталостью; 6) дети с задержкой психического развития; 7) дети с нарушением поведения и общения; 8) дети с комплексными нарушениями психофизического развития, с так называемыми сложными дефектами (слепоглухонемые, глухие или слепые дети, а также дети с умственной отсталостью) [5, 120].

При этом Н.М. Назарова дает определение понятию «дети с ОВЗ» следующим образом: «это дети, имеющие различные отклонения психического или физического плана, которые обусловливают нарушения общего развития, не позволяющие детям вести полноценную жизнь» [7, с. 12].

Таким образом, стоит отметить, что до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению по поводу понятия «лицо с ОВЗ». По нашему мнению, категория лиц с инвалидностью должна быть отнесена к группе лиц с ОВЗ. Несмотря на многочисленные дискуссии по указанному вопросу, понятие лиц с ОВЗ на законодательном уровне так и не было закреплено.

Согласно информации Министерства труда и социальной зашиты Российской Федерации (далее – Минтруд) в соответствии с рекомендациями Комитета ООН по правам инвалидов будет проводиться проработка вопроса об уточнении определения понятия «инвалид» без намерения отказаться от применения термина «инвалид» в законодательстве. (URL: https://www.miloserdie.ru/news/mintrud-ne-nameren-otkazatsya-ot-primeneniya-v-zakonah-slova-invalid/).

С целью приведения понятия термина «инвалид» в соответствие с правозащитной моделью инвалидности это понятие, содержащееся в ст. 1 Закона об инвалидах, будет дополнено новыми положениями статьи 3 Конвенции ООН о правах инвалидов.

Эти положения будут обязывать государство в большей степени направлять свои усилия и действия институтов гражданского общества на содействие инвалидам в преодолении мешающих им барьеров.

Проработка этих и других положений законодательства будет осуществляться в 2019-2020 годах в тесном взаимодействии с общественными организациями инвалидов, уполномоченными по правам человека и по правам ребенка в Российской Федерации, с экспертным и научным сообществом. (URL: https://rosmintrud.ru/social/25 /).

Государственное задание на научно-исследовательскую работу по этой теме в 2018 году будет на-

правлено Федеральному бюро медико-социальной экспертизы. Вопрос также будет обсуждаться с общественными организациями инвалидов. Эксперты отмечают, что дело не только в терминологии, но и в восприятии – смена формулировок должна привести к созданию системы интеграции в общество людей с ограниченными возможностями.

Указанные нововведения не остались без внимания ведущих ученых и практиков Российской Федерации и, более того, привели к общественному резонансу.

К примеру, заведующий кафедрой рекламы, маркетинга и связей с общественностью Российского государственного социального университета Михаил Гундарин полагает, что в переименовании есть рациональное зерно. В своем комментарии, данном корреспонденту ИА REGNUM, о возможном отказе от термина «инвалид» в нормативно-правовых документах, он пояснил: «В термине «инвалид» есть что-то обидное. В современной западной традиции многие подобные слова выводятся из оборота. Однако у нас такая традиция пока не прижилась. Наоборот, переименования и замены старых слов оцениваются скорее негативно, наводя на мысли о большевиках, преуспевших в этом деле. Но самое главное – чтобы переименования не заменяли реальной заботы о людях с ограниченными возможностями. А то любят у нас подменять реальность поверхностными изменениями. Не зря гласит старая поговорка «хоть груздем назови, да в корзину не складывайте». (URL: https://regnum.ru/news/2490229.html/).

По информации директора института развития образования НИУ ВШЭ Ирины Абанкиной, обсуждение формулировок уже идет на экспертном уровне и предполагает нейтральный термин, в котором, в первую очередь, подчеркивается, что речь о человеке, личности, имеющей достоинство. Одним из вариантов такого термина может стать термин «люди со специальными потребностями». (URL: https://www.newsru.com/russia/27sep2018/neutral.html/).

Член совета при Правительстве Российской Федерации по попечительству в социальной сфере Елена Клочко отметила, что российское законодательство требует внедрения более узкой терминологии, нежели понятие «инвалид» так как потребности людей с ОВЗ разнятся между собой – от людей, которым нужны пандусы и доступная среда, до страдающих нарушениями работы мозга. (URL: https://www.newsru.com/russia/27sep2018/neutral.html/).

Член Совета спортсменов Международного Паралимпийского комитета, депутат Госдумы М. Терентьев полагает, что решение по вопросу отказа от использования слова «инвалид» в Минтруде еще не принято. По мнению эксперта, вопрос о смене формулировок требует очень глубоко понимания и обсуждения». (URL: http://nsn.fm/society/deputat-nuzhno-ne-termin-menyat-a-zanimatsya-socializaciey-invalidov.html/).

По мнению эксперта Народного фронта по социальным вопросам и делам инвалидов А. Лысенко, данное нововведение должно быть общепринятым, иметь поддержку в обществе, наиболее приемлемым является понятие «инвалид – это человек, который испытывает ограничение жизнедеятельности, «человек с инвалидностью». В мировой практике используется понятие «инвалид – это человек, который имеет стойкие нарушения здоровья в результате его взаимодействия с окружающей средой, в которой имеются определенные барьеры, ограничивающие его жизнедеятельность». (URL: https://onf.ru/2018/09/27/lysenko-v-rossiyskom-zakonodatelstve-neobhodimo-peresmotret-ponyatie-invalid/).

И. Абанкина считает, что подходящим новым определением может быть, например, выражение «люди со специальными потребностями». По ее словам, необходим нейтральный термин, который бы подчеркивал личность и достоинство человека. (URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/09/27/12000187.shtml /).

Как полагает общественный деятель Ю. Кузнецов инвалид не обязательно должен быть недееспособным.

По мнению председателя совета по защите прав пациентов при Росздравнадзоре Я. Власова, подобная категория граждан имеет наименование «люди с ограниченными возможностями» во всех странах Европы и потому слово «инвалид» следует исключить из законодательства, заменив его более адекватным, в свою очередь, Минтруд должен обеспечивать защиту прав этих людей, создавать условия для их реабилитации.

Трудоустройство инвалида предполагает создание для него особого рабочего места, чтобы он мог исполнять необходимые функции вне зависимости от своего физического состояния. (URL: https://news.ru/den-gi/rossiya-invalidy-mintrud/).

Таким образом, анализ указанных выше мнений ведущих деятелей показывает, что до настоящего времени не нашлось единого подхода к изучаемой проблеме.

Представляется целесообразным заменить понятие «инвалид» понятием «лицо с ОВЗ», что существенно бы расширило круг лиц, входящих в данную группу, дало возможность лицам, не являющимися инвалидами, реализовывать свои права и социальные гарантии на законодательном уровне. В связи с чем предлагаем в Законе об инвалидах закрепить определение понятия «лицо с ОВЗ – лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психическом развитии: глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями оперно-двигательного аппарата и другие, в том числе, дети-инвалиды, инвалиды.

Закрепление указанного понятия позволит органам, учреждениям и организациям, их должностным лицам, уполномоченным на реализацию прав указанных категорий граждан, шире реализовывать свои полномочия в указанной сфере правоотношений.

Список литературы

1. Декларация ООН «О правах инвалидов». Принята в г. Женеве 9 декабря 1975 г. на 13-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ратифицированная Российской Федерацией) // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 01.10.2018).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995. №181-ФЗ // Российская газета. Вып. 234, 02.12.1995.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.02.2006 №95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // Российская газета. №40. 28.02.2006.
4. *Живицкая А.И.* Равный среди равных, Или определение статуса людей с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] – Инклюзивное образование: методология, практика, технологии – Режим доступа: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/43978_full.shtml
5. *Лапшин В.А.* Основы дефектологии / В.А. Лапшин, Б.П. Пузанов. М.: Просвещение, 1991. 143 с.
6. *Леонтьев Д.А., Александрова Л.А.* Вызов инвалидности: от проблемы к задаче // 3-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. М.: Смысл, 2010, с. 114-120.
7. Специальная педагогика / Л.И. Аксёнова, Б.А. Архип, Л.И. Белякова и др.; под ред. Н.М. Назаровой. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2008. с. 13-14.

Reference list

1. The UN Declaration "On the rights of disabled persons". Adopted in Geneva on 9th of December, 1975 at the 13th session of the UN General Assembly (ratified by the Russian Federation) // Reference Legal System "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/ (date of access: 01.10.2018).
2. About social protection of disabled persons in the Russian Federation: The Federal Law of 24.11.1995. №181-FL // Rossiyskaya Gazeta. Vol. 234, 02.12.1995.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.02.2006 №95 "On the procedure and conditions of recognition of a person as disabled" // Rossiyskaya Gazeta. №40. 28.02.2006.
4. *Zhivitskaya A.* Equal among equals, or determination of the status of people with disabilities in health [Electronic resource] – Inclusive education: Methodology, practice, technique – Access mode: http://psyjournals.ru/inclusive_edu/issue/43978_full.shtml
5. *Lapshin V.* The fundamentals of defectology / V. Lapshin, B. Puzanov. M.: Prosveshchenie, 1991. 143 p.
6. *Leont'ev D., Aleksandrova L.* Challenge of disability: From issue to problem // 3rd all-Russian scientific-practical conference on existential psychology: Proceedings of messages. M.: Smysl, 2010, P. 114-120.
7. Special pedagogy / L. Aksyonova, B. Arkhip, L. Belyakova and etc.; Under the editorship of N. Nazarova, enlarged edition. M.: Akademiya, 2008. P. 13-14.

УДК 343.352

Борисов А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Орлов Ю.Ю.,
Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДМЕТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В статье рассматриваются такие предметы взяточничества как: деньги, ценные бумаги, иное имущество, оказание услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав. Производится анализ судебной практики по уголовным делам о взяточничестве. Рассматриваются схемы, используемые преступниками для сокрытия факта преступления от правоохранительных органов и общественности.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, взятка в виде денег, взятка в виде ценных бумаг, взятка в виде иного имущества, взятка в виде услуг имущественного характера, взятка в виде имущественных прав, коррупция

Borisov A.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Orlov Yu.,
The Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

CRIMINALLY-LEGAL CHARACTERISTICS OF THE MATTER OF BRIBE TAKING

The article deals with such matters of bribe taking as money, financial credit instruments, other property, the provision of property-related services, granting property rights. The analysis of court practice in criminal cases is performed in this paper. The article authors consider the schemes used by criminals to conceal the fact of an offence from law enforcement agencies and members of the general public.

Keywords: bribe, bribe taking, bribery in form of money, bribe in form of securities, bribe in form of other property, bribe in form of property related services, bribe in form of property rights, corruption

Взяточничество как вид преступлений является одним из наиболее сложных видов преступных деяний. Уголовный кодекс РФ[1] и Постановления пленума Верховного суда относят к предмету взятки: денежные средства, ценные бумаги, имущество, имущественные права, услуги имущественного характера. Обратившись к международным актам и зарубежному законодательству можно увидеть, что предмет взятки распространяется и на неимущественные блага, это упоминается в конвенции ООН против коррупции, где в оригинальном прочтении говорится: «… (d) «Property» shall mean assets of every kind, whether corporeal or incorporeal, movable or inmovable, tangible or intangible, and legal documents or instruments evidencing title to or interest in such assets;…», где property – имущество выражается в активах (assets) как материальных (corporeal) так и нематериальных (incorporeal) [1]. Обращаясь к федеральному законодательству США, а именно к title 18 «Crimes and Criminal procedure» мы можем найти в part I chapter 11 преступления, отнесенные к коррупции. В §201 «Bribery of public officials and witnesses» ch.11 p.I раскрывается предмет дачи взятки, выраженный в слове «value» – ценность или стоимостное выражение ценности, т.е. предметом взяточничества может выступать всё то, что можно придать денежной оценке [18]. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод – что предметом взятки может являться любой предмет как материального мира, так и нематериального, если ему можно придать стоимостную (денежную) оценку.

Денежными средствами являются деньги хозяйствующего субъекта, которыми он может распо-

[1] Далее – УК РФ.

Как цитировать статью: Борисов А.В., Орлов Ю.Ю. Уголовно-правовая характеристика предмета взяточничества // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 60–65

ряжаться по своему усмотрению, [9, с. 84; 19] в отношении физических лиц, а также аккумулированные в денежной форме доходы и поступления, находящиеся в обороте у организаций и используемые ими в личных целях, в отношении юридических лиц [10, с. 90]. Деньги, согласно законодательству Российской Федерации, выражаются в валюте Российской Федерации и иностранной валюте [3, 4].

Денежные средства при взяточничестве являются одним из самых привлекательных предметов взятки для коррупционеров. Здесь стоит отметить психологическую особенность взяткополучателя: передовая взяткополучателю денежные средства, он сразу удовлетворяет свои корыстные потребности и жажду наживы, по принципу «здесь и сейчас». Денежными средствами, особенно полученными наличными, проще распоряжаться взяткополучателю для удовлетворения личных нужд.

Согласно информации Следственного Комитета России средний размер получаемой взятки в 2018 году составил 451 000 рублей, а средний размер получения взятки в особо крупном размере равен 7 000 000 рублей. Что касается дачи взятки, то её средний размер составил 434 000 рублей, а средний размер дачи взятки в особо крупном размере равен 11 000 000 рублей [20, 21].

Практических примеров, где предметом взятки выступают денежные средства не мало, так как в 90% случаев должностное лицо предпочитает реальные деньги. Одно из таких дел рассматривалось в Московском областном суде 17 апреля 2013 года.

В приговоре по уголовному делу №2-32-9/13 изложено, что подсудимая заместитель начальника отдела контрольной работы ИФНС России по г. Балашиха в ходе проведения выездной налоговой проверки в организации выявило серьезные нарушения налогового законодательства. В ходе дальнейших действий вместо добросовестного выполнения возложенных на неё штатно-должностных функций по пресечению нарушения налогового законодательства и привлечению виновных к ответственности подсудимая предложила генеральному директору организации за взятку в 3 000 000 рублей занизить сумму неуплаченных налогов и сборов организации, на что генеральный директор организации ответил согласием. Подсудимая приняла взятку лично, после чего была задержана по пути следования на рабочее место.

По окончанию процесса суд вынес приговор, который признавал подсудимую виновной в совершении преступления предусмотренного п.«в» ч.5 ст.290 Уголовного кодекса РФ и назначил штраф в размере 6 000 000 рублей, лишил классного чина и запретил занимать государственные должности в течении двух лет [12].

Взяточничество, предметом которого выступают ценные бумаги, не так распространено, как взяточничество, предметом которого выступают денежные средства, но также встречается в судебной практике.

Из материалов дела №1-115/2015 приговор по которому был оглашен 30 сентября 2015 года видно следующее. Глава г. Троицка Челябинской области Щёкотов В.А. обвинялся по нескольким уголовным статьям: ч.2 ст.286 УК РФ (за содействие в отчуждении из муниципальной собственности в частную собственность нежилых и земельных активов), п. «в» ч.5 ст.290 УК РФ (за получение взятки в размере 500 000 рублей), п. «в» ч.5 ст.290 УК РФ (за получении взятки в размере 200 000 рублей), ч.4 ст.290 УК РФ (за получении взятки в виде ценных бумаг).

В данном уголовном деле интересен эпизод, в котором Щёкотов В.А. получил взятку в виде ценных бумаг, а именно 7% акций в уставном капитале ОАО Торговый рынок «Муниципальный» равную 149 300 рублей. Управление ОАО осуществлялось через номинальное лицо, а в последующем расширении своей доли до 33% в ООО «Инвест-Плюс», которой были переданы активы ОАО Торговый рынок «Муниципальный», преступление совершено при следующих обстоятельствах.

К Щёкотову В.А. обратились ФИО1 и ФИО2 (который состоял с ним в дружеских отношениях), зная, что на балансе города находится недостроенное здание АТС, которое они хотели получить в собственность или аренду для осуществления предпринимательской деятельности, с вопросом о том на каких условиях возможно коммерческое использование данного сооружения.

Щёкотов В.А., преследуя корыстные интересы, сообщил ФИО1 и ФИО2 информацию о том, что здание АТС будет передано им для ведения предпринимательской деятельности на следующих условиях: 1) будет организовано ОАО Торговый рынок «Муниципальный», акционером которого будет являться Комитет по управлению муниципальным имуществом администрации г. Троицка Челябинской области (79%), ФИО1 (7%), ФИО2 через доверенное лицо ФИО3 (7%), Щёкотов В.А. через номинальное ФИО4 (7%), 2) долю в уставном капитале ФИО4 покрывают из своих средств ФИО1 и ФИО2.

После оформления ОАО, организации была выделена в аренду также прилегающий к зданию земельный участок, при непосредственном способствовании Щёкотова В.А.

В последующим у Щёкотова В.А. возник умысел получать прибыль в размере 1/3 от прибыли, получаемой от деятельности ОАО Торговый рынок «Муниципальный». Путем организации нового юридического лица в форме общества с ограниченной ответственностью, учредителями которого являются: ФИО1 через доверенное лицо ФИО5 (33,3%), ФИО2 (33,3%), Щёкотов В.А. через номинальное ФИО4 (33,3%)

ООО «Инвест-Плюс» и заведомо незаконным способом осуществил передачу активов ОАО Торговый рынок «Муниципальный» ООО «Инвест-Плюс».

Щёкотов В.А. судом был признан виновным, по всем обвинениям, которые ему были предъявлены, по совокупности преступлений ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет 6 месяцев, штраф в размере 2 200 000 рублей и лишением права занимать должности в государственно-гражданской службе сроком на 3 года [13].

Имущество – термин, пришедший в уголовное право из гражданского права. В широком смысле имущество является основным объектом гражданских прав, в состав которого могут быть включены: вещи материального мира, результаты интеллектуального труда и иные нематериальные блага. Хоть имущество и выступает в гражданском праве как очень широкий и всеобъемлющий термин, в рамках уголовного права, а именно в рамках предмета взяточничества, изложенного в п.9 Пленума Верховного Суда РФ №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» под иным имуществом понимаются объекты материального мира, изложенные в ст. 130 Гражданского кодекса РФ [6, с. 40].

Имущество также выступает предметом взяточничества, обычно в качестве взятки используется статусное и дорогостоящие имущество [7, с. 106].

Изучая приговор по делу №1-315/2014 можно увидеть, что сотрудник Исправительной колонии №3, занимавший должность начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденными, Гумеров Б.Р. умышленно, предварительно договорившись с осужденным ФИО1, отбывающим наказание в ИК-3, что составит ему положительную характеристику и примет участие в подготовки документов ФИО1 для условно-досрочного освобождения, за что ФИО1 организует незаконное вознаграждение Гумерова Б.Р. иным имуществом, а именно наручными часами стоимостью 340 000 рублей.

Вина Гумерова Б.Р. в ходе судебного процесса была доказана. Суд приговорил Гумерова Б.Р. к штрафу в размере 340 000 рублей и запрету занимать государственные должности сроком на 2 года [14].

Также достаточно интересным является приговор Курганского областного суда.

В приговоре от 10 июня 2014 года, который поставил точку в одном из крупнейших уголовных дел Кургана, обвиняемыми проходили 12 человек. Осужденные обвинялись по таким преступлениям, как получение взятки, вымогательство, убийство, легализация имущества, похищение человека, незаконный оборот оружия и нарушение правил дорожного движения. Следствие провело огромную работу и представило в суд больше 100 томов уголовного дела. Из всего массива уголовного дела в контексте статьи, интересны обвинения, выдвинутые заместителю главы администрации г. Екатеринбурга Виктору Контееву, который обвинялся по п. «в» ч.5 ст.290, пп. «а», «ж», «з» ч.2 ст.105, пп «а», «б» ч.3 ст.163, ч.3 ст.174.1 УК РФ.

Виктор Контеев, выполняя обязанности заместителя главы администрации г. Екатеринбурга, узнал о том, что в это время осуществляет предпринимательскую деятельность Овощебаза №4. Желая принимать непосредственное участите в управлении данной овощебазой, а также получать с неё прибыль Контеев стал вымогать у собственников Овощебазы №4 часть доли в уставном капитале.

Схема передачи имущества в виде доли в уставном капитале была сложна, и была направленна на сокрытие следов преступления от правоохранительных органов и общественности. Принцип схемы был построен на том, что собственники при помощи посредника дарят часть в уставном капитале ФИО1, через определенное время ФИО1 так же при помощи посредника передает часть в уставном капитале в виде дарственной ФИО2 который является аффилированным лицом Контеева и уже только ФИО2 везде оформляется как полноправный совладелец доли в уставном капитале Овощебазы №4. Оба лица были осведомлены что действуют в интересах Контеева, а также то, что именно он является бенефициаром от коммерческих действий ФИО2.

Так же в дальнейшем Контеев узнал, что собственники намерены продать оставшуюся часть, принадлежавшую им в уставном капитале. Действуя из корыстных убеждений Контеев, захотел завладеть оставшейся долей в уставном капитале овощебазы и стать единоличным её владельцем. Для этого он привлек знакомых ему лиц: ФИО3, ФИО4, ФИО5, ФИО6, ФИО7, ФИО8 и распределил между ними роли. Цель их совместных действий под руководством Контеева заключалась в вымогательстве у собственницы и её дочери оставшейся части уставного капитала по заведомо заниженной цене.

Для данных действий ФИО3 и ФИО4 оказывали давление на собственников, запугивая их возбуждением в отношении их уголовных дел, ФИО5 и ФИО6 занимались юридическим сопровождением сделки, ФИО7 должен был оформить на себя покупаемую долю в уставном капитале, ФИО8 являлся собственником фиктивных долговых обязательств т.е. собственники были должны ФИО8 в качестве долга сумму денег, равную сумме проводимой сделки между ФИО7 и собственниками. Поле того, как собственники поддались на запугивания ФИО3 и ФИО4 и согласись продать ФИО7 долю в уставном капитале Овощебазы №4, а денежные средства вернуть по фиктивному договору займа ФИО8, Контеев принял также меры для сокрытия данного преступления и организации

перехода в единоличную его собственность Овощебазы №4. ФИО2 являвшийся собственником части уставного капитала, полученного незаконным путем и ФИО7, так же являвшийся собственником части уставного капитала, бенефициаром которых выступает Контеев, переоформили на ФИО9 все 100% права собственности на Овощебазу №4. В ходе следствия было выяснено, что рыночная стоимость овощебазы составляла 141 000 000 рублей, а фиктивно куплена она была за 28 000 000 рублей.

Виктора Контеева приговорили по п. «в» ч.5 ст.290 Уголовного кодекса РФ к 9 годам лишения свободы и штрафом 500 000 рублей, пп. «а», «ж», «з» ч.2 ст.105 Уголовного кодекса РФ к 15 годам лишения свободы, пп. «а», «б» ч.3 ст.163 Уголовного кодекса РФ к 10 годам лишения свободы, по ч.3 ст.174.1 был признан невиновным.

По совокупности преступлений, на основании частичного сложения наказаний, окончательно Виктору Контееву было назначена наказание в виде лишения свободы сроком на 18 лет, штраф в размере 500 000 рублей [15].

Такие уголовные дела как вышеописанное наглядно показывают, что нет предела в тяжести совершенных коррупционных преступлений. В данном случае коррупционное преступление вызвало череду последующих в равной степени тяжести тяжких преступлений. Данное дело наглядно показывает, как при помощи цепочки подставных лиц имущество передается третьему лицу по средством вымогательства взятки и вымогательства.

Имущественным правом являются субъективные права субъектов в гражданско-правовых отношений, возникающие из владения, распоряжения и пользования имуществом, требований имущественного характера, возникающих в ходе гражданского оборота и имеющих денежную оценку [8, с. 152].

Обращаясь к п.9 Пленума Верховного Суда №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», можно увидеть, что понятие имущественного права так раскрывается также в праве на имущество, требовании кредитора, интеллектуальной деятельности, имеющей денежное выражение. Соблюдается одно из основных правил, по которому характеризуется предмет взяточничества – он должен иметь денежную оценку. Судебная практика по взяточничеству с предметом взятки в виде имущественных прав хоть и не распространена повсеместно, но также встречается.

Изучая приговор Ильинского районного суда Пермского края от 23 июля 2015 года следует.

Осужденный, являясь заместителем директора ГКУ «Закамское лесничество» получил взятку в виде имущественных прав (право на вырубку лесных участков и реализации древесины с них) за совершение действий в пользу взяткодателя при следующих обстоятельствах.

Минлесхоз Приморского края и ООО «Осенцовский ДОК» заключили договор аренды лесного участка для заготовки древесины площадью 17 847,1 Га. Руководство ООО «Осенцовский ДОК», желая сократить время регистрации участка и приступить к выработке древесины, обратилось к осужденному для проведения работ по отводу и таксации лесосек до осуществления государственной регистрации участка. У осужденного, понимая, что он является должностным лицом и может влиять на решение изложенного ему вопроса, возник корыстный умысел на получение взятки с ООО «Осенцовский ДОК». За ускорение процедуры отвода и таксации лесосек осужденный попросил взятку в виде имущественного права на производство вырубки лесных насаждений на нескольких делянках, на что руководители ООО ответили согласием. С целью сокрытия преступления и легализации доходов от лесозаготовительной деятельности осужденный заключил договор лесозаготовительных услуг с ООО «Осенцовский ДОК» на своего брата.

Стоимость древесины на корню была оценена в 188 433 рубля, от реализации данной древесины осужденный получил 1 022 500 рублей незаконного дохода.

Согласно приговору суда осужденному было назначено наказание в виде 7 лет лишения свободы, штраф в размере шестидесятикратной суммы взятки 11 305 980 рублей, запретом на занимая должностей государственной-гражданской службы на 2 года [16].

Услуги имущественного характера является производной от имущественного права, воспринимаются как имущественная выгода. Выгода может выражаться в занижении стоимости договоров подряда, в пользу лица, получающего взятку, занижение стоимости продажи, аренды имущества, освобождение от долговых обязательств, выдачи кредитов и ссуд с явно заниженной процентной ставкой и т.д. По общей терминологии выгода является пользой, прибылью, приобретением, добычей [9, с. 282].

Такой вид взяточничества, где предметом взятки считается услуга имущественного характера можно увидеть в приговоре Каргасокского районного суда томской области №1-47/2017. Из приговора видно, что участковому лесничему Верх-Тымского участкового лесничества Красногорского лесничества – филиала ОГКУ «Томсклес» поступило предложение от предпринимателя, занимающегося заготовкой и переработкой древесины о предоставлении для незаконной вырубки участка лесного хозяйства. У Неустроева Н.И., понимая незаконность требуемых от него действий, сформировался умысел на получения взятки в виде услуг имущественного характера и иного имущества за их совершение.

В ходе следственных действий было установлено, что стоимость (денежное выражение) услуг имущественного характера, оказанных предпринимателем Неустроеву Н.И. по демонтажу бани и сарая, а также последующим вывозом строительного мусора составила 28 645 рублей 75 копеек. В входе осуществления незаконной заготовки древесины, общее покровительство которой осуществлял Неустроев Н.И., было вырублено 60м^3 древесины территории выдела №10 квартала №533 урочища Верх-Тымского участкового лесничества, тем самым был причинён ущерб в размере 253 500 рублей.

Согласно приговору суда Неустроев Н.И. был признан виновным и приговорён по ч.3 ст.290 Уголовного кодекса РФ к штрафу в размере 286 457 рублей 50 копеек и запрету занимать должности в государственных органах сроком на 2 года, по ч.1 ст.285 Уголовного кодекса РФ к штрафу в размере 30 000 рублей [17].

В заключении можно сказать, что предмет взятки в Российской Федерации достаточно обширен, но не описан полностью, так как не до конца проработаны методы и правила денежной оценки предмета взяточничества. Основополагающим при квалификации взяточничества и определении степени тяжести совершенного преступления является денежная оценка предмета взятки. Если денежные средства, ценные бумаги, имущество, услуги имущественного характера поддаются денежной оценки, то, вопрос о стоимости услуг неимущественного характера в законодательстве Российской Федерации не раскрыт.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Нью-Йорк. 2003.
2. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп.).
3. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп.).
4. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп.).
5. Пленум Верховного Суда от 9 июля 2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм. и доп.).
6. *Борисов А.В.* Специальные меры предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления. В сборнике: Противодействие преступлениям коррупционной направленности. М., 2016.
7. *Борисов А.В.* О некоторых ошибках при квалификации коррупционных преступлений, совершаемых в сфере автодорожного хозяйства. В книге: Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. М., 2017.
8. *Фарберова Л.И.* Незаконное предоставление имущественного права как предмет взяточничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №1(27).
9. *Гацалов М.М.* Современный экономический словарь-справочник. Ухта, 2001.
10. *Нечаев В.И., Михайлушкин В.П.* Экономический словарь. Краснодар, 2011.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 2007.
12. Приговор московского областного суда от 17 апреля 2013 года по делу №2-32-9/13: http://sudact.ru/regular/doc/AX59FeHQlzUT/ (дата обращения 01.12.18).
13. Приговор №1-115/2015 от 30 сентября 2015 года по делу №1-115/2015: http://sudact.ru/regular/doc/Y7yBMlT6mZl/ (дата обращения 02.12.18).
14. Приговор №1-315/2014 от 14 ноября 2014 года по делу №1-315/2014: http://sudact.ru/regular/doc/wzshG8e4pYd4/ (дата обращения 03.12.18).
15. Приговор Курганского областного суда по уголовному делу №2-01/2014 от 10 июня 2014 года: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 16.12.18).
16. Приговор №1-29/2015 от 23 июля 2015 г. по делу №1-29/2015**:** http://sudact.ru/regular/doc/CBK6ZdzLgebj/ **(**дата обращения 05.12.18).
17. Приговор №1-47/2017 от 16 октября 2017 г. по делу №1-47/2017**:** http://sudact.ru/regular/doc/Swu9o3du22Q1/ **(**дата обращения 06.12.18).
18. U.S. Code [Electronic resource] https://www.law.cornell.edu/ (date of access 27.11.18).
19. *Шиян В.И.* Уголовное право: учебное пособие. М: МГИУ, 2009.
20. *Шиян В.И., Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.* Криминология: учебник и практикум. М., 2017.
21. Электронное периодическое издание «Газета.ru»: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/11/09/n_12267421.shtml?updated (дата обращения 30.11.18).

Reference list

1. United Nations Convention against Corruption. New York. 2003.
2. Federal Law of June 13, 1996 №63-FL "Criminal Code of the Russian Federation" (as amended and added).
3. Federal Law of November 30, 1994 №51-FL "Civil Code of the Russian Federation" (as amended and added).
4. Federal Law of December 10, 2003 №173-FL "On currency regulation and currency control" (as amended and added).

5. Plenum of the Supreme Court of July 9, 2013 №24 "On court practice in cases of bribery taking and other corruption offences" (as amended and added).
6. *Borisov A.* Special measures to prevent corruption criminality in the field of local self-government. In the collection: Counteraction to offences of a corruption orientation. M., 2016.
7. *Borisov A.* On some errors in the qualification of corruption offences committed in the field of road facilities. In the book: Law and Economics: Interdisciplinary approaches in science and education. IV Moscow Legal Forum. M., 2017.
8. *Farberova L.* Illegal granting of property rights as a subject of bribery taking // Legal science and law enforcement practice. 2014. №1(27).
9. *Gatsalov M.* Modern economic dictionary reference book. Ukhta, 2001.
10. *Nechaev V., Mikhaylushkin V.* Economic Dictionary. Krasnodar, 2011.
11. *Dal' V.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol.1. M., 2007.
12. The Verdict of the Moscow Regional Court of April 17, 2013 in case №2-32-9 / 13: http://sudact.ru/regular/doc/AX59FeHQlzUT/ (date of access 01.12.18).
13. The Verdict №1-115 / 2015 of September 30, 2015 in case №1-115 / 2015: http://sudact.ru/regular/doc/Y7yBMlT6mZl/ (date of access 02.12.18).
14. The verdict №1-315 / 2014 of November 14, 2014 in case №1-315 / 2014: http://sudact.ru/regular/doc/wzshG8e4pYd4/ (date of access 12.03.18).
15. The Verdict of the Kurgan Regional Court on the criminal case №2-01 / 2014 of June 10, 2014: http://www.consultant.ru/ (date of access 12/16/18).
16. The Verdict №1-29 / 2015 of July 23, 2015 on the case №1-29 / 2015: http://sudact.ru/regular/doc/CBK6ZdzLgebj/ (date of access 05.12.18).
17. The Verdict №1-47 / 2017 of October 16, 2017 on case №1-47 / 2017: http://sudact.ru/regular/doc/Swu9o3du22Q1/ (date of access 12.06.18).
18. U.S. Code https://www.law.cornell.edu/ (date of access 27.11.18).
19. *Shiyan V.* Criminal law: Textbook. M: MSIU, 2009.
20. *Shiyan V., Afanas'eva O., Goncharova M.* Criminology: Textbook and practical work. M., 2017.
21. The electronic periodical publication [Gazeta.ru]: https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/11/09/n_12267421.shtml?updated (date of access 30.11.18).

УДК 340.12(075)

Осипян Б.А.,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОДНОКОРНЕВЫХ ПОНЯТИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И «ПРЕСТУПНОСТЬ»

В своей статье «Определение однокорневых понятий «преступление» и «преступность» автор посредством раскрытия сущности, содержания и определений важных понятий «преступление» и «преступность» устанавливает их верное соотношение, а также предлагает новые конструктивные подходы, правомерные, целесообразные и продуктивные решения основных проблем успешного противодействия и борьбы с преступностью в каждом конкретном обществе и государстве.
Ключевые слова: преступление, преступность, причины преступности, меры по противодействию преступности

Osipyan B.,
PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

DEFINITION OF SINGLE-ROOT TERMS "CRIME" AND "CRIMINALITY"

In the article "Definition of single-root terms "Crime" and "Criminality""the article author establishes their correct relation through disclosing the essence, content and definitions of the important terms "Crime" and "Criminality", as well as he proposes new constructive approaches and legitimate, practical and efficient solutions of fundamental issues of successful counteraction and fight against criminality in each specific society and state.
Keywords: crime, criminality, causes of criminality, anti-criminality measures

Известное всем русское слово «преступление» в собственном смысле происходит от глагола «преступать» или «переступать» и означает предусмотренный государственным законом поступок или деяние (действие или бездействие), который содержит в себе нечто противоправное, общественно опасное и уголовно наказуемое. Преступление представляет собой волевой, свободный и ответственный акт достигшего определённого возраста или должностного положения вменяемого лица, посредством которого это лицо умышленно или неосторожно переступает, или переходит определенные надлежащей идеей права и уголовно-правовыми принципами и нормами границы, пределы или меру дозволенного, не запрещённого государственным законом [1]. Духовно-нравственный и правовой смысл понятия «преступление» в Священном Писании раскрывается, например, в следующем эпизоде: «И сказал Саул Самуилу: согрешил я, ибо преступил повеление Господа, и слово твое; но я боялся народа, и послушал голоса их» [2]. Закономерно вытекающее из совершённого всякого преступления уголовное наказание правонарушителя состояло тогда в, так сказать, святом («sancta») и право-очистительном, «снятии» или «сглаживании» с преступника совершенного им греха и преступления посредством привлечения виновного («indictare») лица к уголовно-правовой ответственности («imputatio») применения к виновному в совершении преступления лицу предусмотренных уголовным законом юридических санкций наказания («poena») с целью его необходимого и возможного чистосердечного раскаяния и пожизненного покаяния [3].

Изучение духовно-исторических и правовых книг разных народов в разные времена приводит нас к однозначному выводу о том, что сущность понятия преступления и производного от него понятия «преступность» во всех религиозных, нравственных и обычно-правовых системах едина. Сущность всякого преступления состоит в богопротивном, противоправном, неправомерном, самовольном и безответ-

Как цитировать статью: Осипян Б.А. Определение однокорневых понятий «преступление» и «преступность» // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 66–74

ственном нарушении слова Всевышнего, идолопоклонническое пренебрежение, грубое и действенное противление воле Бога, нарушение общественной безопасности и правопорядку. Главной причиной и неизбежным следствием такого безответственного общественно опасного деяния и правонарушения является духовно-нравственное отчуждение или изоляция правонарушителя от своего Создателя, от растившего и воспитавшего его человеческого общества и от своей первоначальной богообразной и человеческой сущности. По поводу изначального самоотчуждения и самонаказания преступника в священном для всех правоверных мусульман Коране предупреждается: «Кто переходит границы (меру) Аллаха [4], тот обидел (наказал – авт.) самого себя» [5].

Некоторые древние народы под понятием «преступление» подразумевали самовольный, произвольный переход, выход за пределы, или нарушение Слова, Глагола и Дела Создателя – Господа Бога. Например, у армян слово преступление («հանցաքործություն» – «hantsagortsutyun») буквально означает совершение действия, выходящего за пределы абсолютных и неизменных заповедей, общеобязательных законов, которые даны в Слове первоначального Законодателя-Бога. А у древних германцев определение понятия преступления («Verbrechen» – «нарушение глагола») буквально также означало не что иное, как своевольное и грубое нарушение правомерного, целесообразного и общеобязательного Слова, Глагола, Воли и Дела (Промысла) Господа Бога.

В христианско-правовой идеологии под понятием «преступление» понималось нечто противоправное, общественно опасное и разрушительное, пагубное, некий плод имеющегося в душе преступника греха и низменных помыслов, мотивов и действий, так называемых «дел плоти»: зависти, ненависти, вражды, корыстолюбия, жадности, тщеславия, властолюбия, сластолюбия, сладострастия, «похоти очей и гордости житейской» [6]. Именно по этим причинам всегда совершались и поныне совершаются многоразличные правонарушения и преступления: убийства, грабежи, кражи, изнасилования, оскорбления, увечья, экологические и экономические преступления, преступления против правосудия, нескончаемые широкомасштабные, агрессивные кровопролитные местные, региональные или общемировые конфликты, войны и всякие иные своекорыстные и жестокие насильственные акты [7].

Взаимосвязанные между собой понятия преступления и преступности могут в какой-то мере существенно и содержательно отличаться в разных государствах и в разное время. Дело в том, что понятие греха, правонарушения и преступления [8] определяются различными нормативными источниками: традиционными духовно-религиозными текстами и юридическими законами разных государств [9]. Поэтому, если грех представляет собой духовно-нравственное, внутридушевное нарушение неизменных и надлежащих императивов священных писаний, то преступление, как противоправное и общественно опасное деяние, уже представляет собой внешне проявленное волевое и действенное нарушение запретительных норм национального уголовного законодательства. Поэтому в зависимости от религиозных, национально-исторических и иных особенностей и проистекающих из них правовых систем разных народов в разные времена некоторые понятия грехов и преступлений менялись своими местами. Например, ныне нравственно осуждаемый грех прелюбодеяния в традиционно христианских народах в средние века законодательно считался уголовно наказуемым преступлением, а во всех мусульманских странах этот грех и сегодня считается тяжким преступлением. В то же время в христианских странах общепринятый в мусульманских народах правовой обычай многоженства является противоправным, общественно опасным и запрещённым уголовным законом преступлением [10].

Здесь мы наблюдаем не только общие для всех (преступления против жизни, здоровья и имущества: насильственные убийства, грабежи, кражи, лжесвидетельства и т.д.) народов и государств понятия «преступления» и «преступности», но также и некий относительный характер этих двух однокорневых понятий. Теоретико-правовое установление соотношения, общего и особенного между понятиями «преступления» и «преступности» может помочь нам иметь более глубокое представление о причинах совершения тех или иных преступлений, а также необходимых и правомерных способов борьбы с преступностью в том или ином обществе, государстве или даже местности.

Точность в определении рассматриваемых понятий «преступления» и «преступности» может позволить нам разработать научное основание и объективные критерии необходимой криминализации или декриминализации тех или иных право- и общественно значимых деяний и поступков людей в разных обществах и государствах [11]. Как в своё время английский мыслитель и философ Д. Юм, говоря и сущности преступлений и преступности, верно заметил, что они «обозначают разные степени осуждения и неодобрения, которые, однако, в своей основе все весьма близки друг другу, и достаточное объяснение одного из них легко приведет нас к правильному представлению о других, а это имеет гораздо большее значение в отношении вещей, чем в отношении словесных наименований» [12].

В определении понятия преступления существенным и отличительным элементом является определенная степень противоправности конкретного деяния и степени его общественной опасности,

проявление злого умысла и воли в форме обмана, насилия или грубой неосторожности, от которых следует избавить деформированную и расщепленную грехом душу виновного субъекта преступления с целью его духовно-нравственного преображения, исправления и душевного восстановления, обращения к его богоданной человеческой совести, свободной и ответственной воле посредством определенного благотворного идейного, мировоззренческого, просветительского, образовательного, культурного, психологического и уголовно-правового (карательно-предупредительного) воздействия на его разлаженную грехом и преступлением личность [13].

Некоторые ученые правоведы и национальные законодатели искренно убеждены в том, что нет никакой необходимости в законодательной формулировке и закреплении понятия «преступления», поскольку и так ясно, что всякое преступление, в общем, есть правонарушение, опасное для общества [14]. В основном таких позиций придерживаются те, кто ещё не успел основательно и серьёзно задуматься о теоретические и практические соотношения понятий «греха», «гражданского правонарушения» (деликта), «административного» и «дисциплинарного проступка», «преступления», а также найти объективные и субъективные критерии их доктринального и законодательного различения [15]. Между тем понятие «преступления», в отличие от названных выше видов правонарушений, имеет свойственные только ему качества и признаки, элементы своего состава (объекты, субъекты, объективные [16] и субъективные стороны), присущие только ему процедуры дознания, предварительного и судебного следствия, а также юридические последствия: применение к правонарушителю предусмотренного законом взыскания или надлежащего уголовного наказания и судимости на определённый срок.

Ввиду того что основополагающими свойствами понятия преступления являются противоправность и определенная степень общественной опасности, представляется целесообразным изучать и определять понятие преступления, его признаки и элементы его состава с научного анализа самих понятий противоправности (противоречии надлежащей идее права и правомерного общеобязательного закона государства) и общественной опасности в их действительной взаимозависимости. Ввиду того что основополагающими свойствами понятия преступления являются противоправность и определенная степень общественной опасности, часть 1 статьи 14 УК РФ, в которой даётся определение понятия преступления, необходимо дополнить основным свойством противоправности (противности идее права), без которой наличие производного свойства общественной опасности не может быть достаточным основанием и верным критерием для правомерной и целесообразной криминализации или декриминализации того или иного общественно опасного деяния, действия или бездействия [1].

Таким образом, в свете надлежащей и непреходящей идеи права и правомерного государственного закона преступление представляет собой не что иное, как произвольное нарушение правомерной и целесообразной (цель установления правопорядка и условий для возможного спасения грешной, но бессмертной души каждого человека в вечной жизни [17]) воли государства, которая законодательно определена и закреплёна в нормах запретах, нарушение которых неотвратимо должно повлечь за собой привлечение виновного в совершении преступления лица к уголовно-правовой ответственности и наказанию. Поэтому никое действие или бездействие человека не может быть рассмотрено как правонарушение и тем более как преступление, если они изначально не противоречат надлежащей и непреходящей идее права, понятиям противоправности и правомерности [18], а также в определённой степени общественной опасности [19].

В то же время надо всегда помнить, что далеко не всякое умышленное или неосторожное деяние, которое противоречит идее права и правомерности, должно обязательно законодательно закрепляться и контролироваться государством в качестве уголовно наказуемого деяния – преступления, даже если оно совершено недобросовестно, безнравственно и вопреки установившимся правовым обычаям данного общества [20].

Вместе с тем следует отметить, что изначально всякое противоправное деяние всегда в той или иной мере реально или потенциально опасно, как для самого правонарушителя, так и для общества в целом, так как оно всегда является вредным посягательством на установившиеся социально значимые и правоохраняемые идеи, ценности, цели и отношения [21]. Следовательно, сам факт наличной или возможной общественной опасности органически связан с таким противоправным посягательством на наиболее значимые для данного общества правоохраняемые объекты: достоинство, здоровье, имущество, жизнь людей, – посредством совершения злоумышленного и корыстного обмана, неправомерного насилия или грубой неосторожности [22].

Говоря иными словами, не понятие «противоправности» определяется и следует за понятием «общественной опасности», как в этом убеждены многие известные учёные правоведы и юристы-практики, а напротив, общественная опасность определяется как необходимое и закономерное следствие ключевого понятия «противоправности». Представляется, что установление такого соотношение важных понятий

«противоправности» и «общественной опасности», как необходимых характерных свойств и признаков для верного и правомерного определения понятий «преступления» и «преступности», весьма существенно, поскольку оно в значительной мере может прояснить устоявшиеся в современной науке уголовного права представления о понятии и целях уголовного наказания, а также необходимых и достаточных способах противодействия преступности в каждом конкретном обществе [23].

Имея в наличии чёткое исходное определение ключевого понятия «преступление», мы можем легко вывести из него производное понятие «преступность». Вполне очевидно, что однокоренное понятие «преступность» обозначает не какое-то отдельно взятое или совокупность каких-то совершённых в какой-то местности или государстве преступлений, но некую невидимую сущность всего этого очевидного и видимого. Эта сущность и причины преступности кроются за внешним проявлением некой духовно-нравственной и политико-правовой порочности, несовершенства и беспорядка конкретного общества, его идейно-правовых и установок и условий его жизни, которые побуждают (мотивируют) или толкают его членов на совершение тех или иных противоправных и общественно опасных деяний и поступков, [24] существенно угрожающих и подрывающих устойчивость правопорядка в нём.

Нетрудно заметить, что в философско-правовом аспекте понятие «преступность» само по себе не представляет собой некую положительную сущность или содержание, но является только видимым проявлением конкретных невидимых духовно-нравственных, мировоззренческих, умственных и душевно-волевых пороков членов данного общества, которые склонны и ежедневно совершают определённое множество правонарушений и преступлений. Своими преступлениями «не совсем здоровые члены общества» подрывают общественную безопасность, так как своими действиями постоянно угрожают жизни, достоинству, здоровью, имуществу, конституционным правам и свободам людей, а также наносят реальный физический, материальный и моральный вред отдельным людям, общественным организациям, государству и обществу в целом.

По мнению некоторых российских криминологов, криминология представляет собой науку о причинах преступности и способах борьбы с ней, а само понятие преступности должно быть осмыслено на философско-психологическом и социологическом уровне [25]. Во многих российских юридических энциклопедиях и учебниках по теории права и криминологии понятие преступности определяется, как «социально-правовое исторически изменчивое негативное массовое явление, которое складывается из совокупности совершаемых в тот или иной период в государстве (регионе, мире) преступлений, характеризующихся количественными (состоянием, динамикой) и качественными (структурой и характером преступности) показателями» [26].

Известный российский учёный криминолог академик В.Н. Кудрявцев в своё время дал такое определение понятию преступность: «Преступность в широком смысле этого слова тесно связана с повседневной жизнью, с уровнем технического, социального и духовного развития; рождаясь, мы застаём условия существования, в которых нам предстоит жить, и далеко не все можем сделать. Чтобы изменить или измениться самим. …Условия экономической, социальной, политической и духовной жизни предопределяют совершение общественно опасных поступков, а государство придаёт им официальный характер, признавая их преступными и описывая их признаки в уголовном кодексе. В основе детерминации преступности лежат социально-экономические процессы, …природа общественного строя. …И в бедных, и в богатых странах преступность, увы, неистребима и стремительно растёт. Социально-экономический уровень развития общества – один из главных факторов, характеризующих преступность, но есть ещё и политическая, духовная, нравственная, культурная и иные составляющие, образующие комплекс её причин, и все они имеют немаловажное, а зачастую и решающее значение» [27].

Представляется, что такое поверхностное и «количественное» определение важного понятия преступности как «совокупности уголовно наказуемых деяний» [28] не совсем верным и точным по следующим причинам. Во-первых, несмотря на некоторую указанную нами выше относительность понятия преступления в разное время и в разных странах, существуют преступления, которые являются «общепринятыми» и вовсе не являются исторически изменчивым явлением. К примеру, умышленное убийство человека человеком, причинение ему физического или имущественного вреда, как правило, всегда и везде законодательно предусматривалось как преступление, за которое виновные привлекались к уголовно-правовой ответственности и строго наказывались. Иными словами, подобные преступления всегда и везде носили неизменный и абсолютный противоправный и общественно опасный характер. Более того, любое преступление и преступность, прежде всего, суть внешнее проявление невидимых личных, духовно-нравственных, мировоззренческих и душевных пороков (зависти, корыстолюбия, ненависти, вражды, тщеславия, властолюбия и т.д.) конкретных людей, которые уже переступили запреты уголовного закона, а не всей массы людей или общества в целом. Поэтому совокупное количество совершаемых в

каком-то обществе и в какое-то время преступлений есть только внешнее проявление некой невидимой личностной и социальной негативной (греховной или преступной) сущности или склонностей некоторых людей, которые желают и способны совершать эти преступления, но не сама эта невидимая, но проявившаяся сущность [29].

Между тем научное определение какого-то исследуемого явления должно быть дано, исходя от восприятия внешнего, видимого проявления к невидимой, но осознаваемой и познаваемой сущности этого антиобщественного явления, а не останавливаться на поверхности и видимости явления некой неизвестной и исследуемой сущности. В этом и состоит основное предназначении всякой истинной и настоящей науки: наблюдательно от видимого явления сознательно, посредством данного нам Богом разума и жизненного опыта, перейти к его скрытой от нашего физического зрения глубокой и скрытой сущности, чтобы выявить, проникать, вкусить и понять его, а не оставаться на поверхности видимых и наблюдаемых нами вещей и явлений [30]. Иначе любое научное исследование и наука, в частности, основательная правовая наука, теория права, фундаментальное правоведение и, в частности, общая социология права и криминология как таковая наука, теряют всякий положительный теоретический смысл, а также своё общественное и практическое значение.

Говоря, что преступность есть только «явление социальное», не обусловленное природой человека, [28] мы тем самым легкомысленно и огульно отрицаем теорию о «первородном грехе» наших предков, в частности, наследственную предрасположенность того или иного человека к совершению того или иного человека, хотя прекрасно знает мнения многих известных учёных о существовании такой наследственной предрасположенности, склонности, закономерности в определённой мере [31]. Нам представляется такое произвольное упрощение (профанация) и произвольное сужение определения понятия сущности «преступности» как социального явления, не совсем духовно и научно обоснованны, содержательны, полезны и бесперспективны [32].

Дело в том, что преступность является не только социально-правовым явлением, но имеет также духовно-нравственные, метаправовые (не определяемые и не контролируемые лишь государством и законом [33]), духовно-нравственные и психологические источники и корни, без изучения которых нам нисколько не удастся в достаточной мере понять глубокие и многоразличные причины и условия совершения разного рода правонарушений и преступлений [34]. Нельзя забывать и о том, что само понятие «права» изначально имеет духовную основу, о которой писали многие великие мыслители в разные исторические периоды жизни человечества, и юридические законы суть не выдумки людей, а есть более или менее верное (адекватное), правомерное и целесообразное переложение (перевод)неких объективных и неизменных общеобязательных и действующих законов в человеческие или государственные законы [35].

Преступность в каждом обществе представляет собой не только и не столько «негативное явление», [36] внешнее проявление некой отрицательной (негативной) сущности и бытия, или, выражаясь точнее, отсутствия или недостатка реальной сущности, полноты духовно-нравственного, просветительско-образовательного и культурного бытия каждого человека и общества в целом. В этом контексте преступность есть общее проявление этого недостатка, который имеется у каждого конкретного человека, совершившего конкретное преступление, которое может быть никак не связано с преступлениями, совершёнными другими людьми в разных местах и в разное время. Так что преступность в таком смысле не есть «явление целостное», как это понимается и представляется некоторыми зарубежными или российскими социологами и криминологами [28].

В свете такого сущностного понимания преступности следует отметить, что качественные и количественные измерения или параметры такого явления, как преступность, т.е. природа, характер и количество совершаемых в конкретном обществе в определённое время преступлений, сами по себе являются лишь внешними проявлениями и указателями (индикаторами) тех духовно-нравственных, душевных, организационных и управленческих недостатков и пороков, которые возникли и со временем накопились в отдельных духовно и нравственно слабых людях, которые представляют собой данное общество. Иными словами, эти внешние проявления наших внутренних духовных, нравственных, умственных и душевных пороков являются для нас лишь звонким предупредительным и тревожным сигналом о мере сущностного, содержательного, органического нездоровья, разлада, развращения и неблагополучия нашего общества [37]. Все эти симптомы болезни общества подобны ненормально высокой температуре нашего организма, которая предупреждает нас своевременно предпринимать соответствующие меры по определению причин (диагноза) возможного расстройства и болезни нашего организма для необходимого и возможного избавления от этой проявившейся болезни, которая, в случае безответственного небрежения, иногда может привести к существенному ухудшению состояния или даже неотвратимой смерти всего организма [38].

Всем известно, что при таких болезненных состояниях нашего организма, мы, разумеется, боремся, не только и не столько с понижением температуры нашего тела, сколько, будучи оповещены благодаря

этой высокой температуре, о возможном ненормальном состоянии нашего организма, стараемся целенаправленно выявить причины нашего личного недомогания, недуга, боли и страдания с тем, чтобы самостоятельно или с помощью профессиональных врачей избежать дальнейших осложнений нашей болезни и возможной смерти. Когда при исцелении больного врачи по симптомам обнаружившегося заболевания устанавливают факт болезни и выявляют её главные причины и условия её протекания, то они первым делом стараются отделить (локализовать) проявления этой обнаруженной болезни, а затем принимают соответствующие меры для устранения причин этого заболевания и определения верных способов лечения или исцеления больного организма.

Весьма примечательно то, что перед национальными законодателями, правоохранительными, судебными и уголовно-исполнительными (пенитенциарными) органами государства при исследовании причин преступности и надёжных способов борьбы с ней [39] стоит точно такая же задача: сначала выявлять симптомы болезни под названием «преступность», поставить диагноз и причины этой болезни, затем задерживать и в случае надобности (при угрозе заражения других лиц) изолировать (социально обезвредить) преступников от общества, а затем устранять в них те идейные, духовно-нравственные, мировоззренческие, ценностно-целевые, душевные (интеллектуально-волевые) изъяны, которые стали причинами и мотивами совершения ими расследуемых преступлений [40].

В этом и состоит главное и, пожалуй, единственно положительное значение нашего полного и верного знания – науки о реальных качественных и количественных признаках и причинах преступности в нашем обществе. Предназначение общей социологии права и криминологии как науки как раз и состоит в том, чтобы позволить нам правильно определить и оценить причины и степень тревожности и запущенности болезненного состояния нашего общества с тем, чтобы принять срочные и соответствующие меры по лечению и по возможности полному исцелению нашего больного личного и социального организма.

В таком понимании понятие «преступность» можно было бы определить как совокупность внешне проявившихся болезненных последствий нашего изначального общего, личного и социального разлада и неблагополучия, которые оповещают (сигнализируют) нам о наличном факте заболевания нашего общества и о необходимости принятия экстренных мер по преодолению причин и тяжёлых последствий нашего заболевания. В этом смысле мы боремся не только и не столько с самим внешним проявлением преступности, т.е. с внешними симптомами обнаруженной болезни, сколько с его скрытыми от нас её причинами и последствиями для восстановления первоначального и желаемого нами личного и социального здоровья, устойчивого правопорядка, дальнейшего развития и процветания [41].

Таким образом, понятие «преступность» представляет собой общую социальную болезнь (порок, недуг, язва, зло), которая причиняется и обусловливается духовно-нравственными и душевными (мировоззренческими, психологическими, волевыми) недостатками и пороками конкретных членов данного общества и внешне проявляется в противоправном, общественно опасном и разрушительном поведении этих порочных людей, наносит моральный, имущественный и физический вред, как отдельным людям, так и обществу в целом, нарушая устоявшийся надлежащий общественный правопорядок [42].

Именно поэтому всякое правомерное и целесообразное уголовное наказание имеет своим главным смыслом и целью не только и не столько борьбу с негативными проявлениями (симптомами) и вредными последствиями (причинённым вредом) этого зла, в насильственном подавлении и обезвреживании личности и свободной воли порочных людей-преступников, сколько во временном их отделении от общества и воспитании в этих духовно, нравственно, душевно порочных людях способности осознавать и давать отчёт за совершаемые ими противоправные и общественно опасные и вредные поступки, т.е. в их духовно-нравственном и душевном преображении (исправлении и перевоспитании) и возвращении их в общество как его полноправных и достойных членов общества [3].

На основании изложенного представляется, что для правомерной, целенаправленной и действенной борьбы с преступностью именно рассмотренные выше определения понятий «преступления» и «преступности» должны быть закреплены в части 1 статье 14 Уголовного Кодекса РФ и в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Более того, часть 2 статьи 43 УК РФ, в которой устанавливаются правомерные цели уголовного наказания необходимо дополнить конечной целью восстановления социального правопорядка посредством обезвреживания преступника и установления гарантий социальной безопасности и перспективного духовно-нравственного преображения самого преступника и его социальной реабилитации. В противном случае общее противодействие и борьба с преступниками будет безрезультатной и бессмысленной.

Ввиду того что основополагающими свойствами понятия преступления являются «противоправность» и определенная степень общественной опасности, часть 1 статьи 14 УК РФ, в которой даётся определение понятия преступления, необходимо дополнить основным свойством противоправности,

без которой наличие производного свойства «общественной опасности» не может быть достаточным основанием и правомерным критерием для криминализации (объявления какого-то деяния преступным) или декриминализации того или иного действия или бездействия разумного, свободного и ответственного человека [33].

Как видим, понятие «преступность» представляет собой не только и не столько биологическое или врождённое явление, которое генетически проистекает от повреждённой «первородным грехом» души преступника, сколько социальное явление, т.е. передавшийся какому-то конкретному лицу недуг или болезнь самого общества, в котором рождаются, воспитываются и личностно формируются все потенциальные (расположенные ко злу и греху преступления) настоящие и будущие правонарушители и преступники. Посему каждое общество своей недостаточной духовностью, своими дурными нравами или равнодушием порождает тех преступников, которых оно фактически заслуживает, и действенная борьба с преступлениями должна начинаться с правовой ответственности и наказания тех духовных и светских вождей и авторитетов общества, образ жизни и поведение которых более всего влияет на образ жизни и поведение простых людей и душевно развращает их уже с детства, юности и в последующей их жизни [38].

Преступность коренится в духовно-нравственных и душевных (мировоззренческих, психологических, волевых) недостатках конкретных членов общества и внешне проявляется в противоправном, общественно опасном поведении не совсем сознательных, не совсем разумных и порочных людей, которые по причине отсутствия в них истинной веры, своих опасных суеверий, предрассудков, прихотей и вредных привычек неизбежно наносят физический, моральный и имущественный вред отдельным людям, обществу, государству и всему конституционному правопорядку [13].

Представляется, что в новых определениях понятий «преступления», «преступности», «уголовного наказания», «предупредительных или карательных мер противодействия или борьбы с преступностью» главной целью российского уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) законодательства и правоприменительной практики должна стать не только и не столько борьба с вредными (негативными) проявлениями и разрушительными последствиями этого личного и социального зла, в том числе и в психологическом устрашении или насильственном подавлении свободной и ответственной воли личности преступника, сколько во временном его социальном обезвреживании и воспитании в нём способности сознавать и давать отчёт за совершённый им противоправный и общественно опасный и вредный поступок, равно как и в предоставлении государством ему реальной возможности духовно, нравственно и душевно преобразиться и исправиться для скорейшего возвращения в общество в качестве его достойного, уважаемого и полноправного члена [3], из которого и состоит само это правомерное общество и «социальное государство» [43].

Список литературы

1. *Осипян Б.А.* Понятие, признаки и элементы состава преступления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета, 2016. №2. С. 110-120.
2. *Библия. Ветхий* завет. Первая книга Царств, 15: 24.
3. *Осипян Б.А.* Духовно-нравственный и правовой смысл понятия наказания // Юридическая мысль. 2017. №1. С. 60-74.
4. Коран. Сура 65, Развод, 1:1.
5. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М., 1986.
6. Библия. Новый Завет. Галатам, 5: 19-21.
7. *Rayfuse R.* The Draft Code of Crimes Against the Peace and Security of Mankind. NewYork, 1997.
8. *Осипян Б.А.* Соотношение понятий греха, правонарушения и преступления // Гражданин и право. 2016. №11. С. 28-41.
9. *Шляпочников А.С.* Происхождение уголовного права. М., 1934.
10. *Азарян Е.Р.* Преступление. Наказание. Правопорядок. СПб, 2004. С. 12.
11. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982.
12. *Юм Д.* Сочинения в двух томах. М., 1966. Т. 2. С. 368.
13. *Осипян Б.А.* Обзор основных теоретических, законодательных и организационных проблем уголовного и пенитенциарного права и правомерные подходы к их решению // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. №3. С. 14-21.
14. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М., 1948.
15. *Осипян Б.А.* Критерии правомерного различения понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №4. С. 14-24.
16. *Тименко Г.В.* Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов. 1977.

17. *Осипян Б.А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или направления действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. №3. С. 28-38.
18. *Осипян Б.А.* «Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты». М. 1990.
19. *Якубович М.И.* Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1979.
20. *Lloyd D.* The Idea of law. Crime and Punishment. London, 1991. P. 46-69.
21. *Осипян Б.А.* О правоохраняемых духовно-нравственных идеях, ценностях и целях, которые конституционализируют жизнь каждого человека и народа // Вопросы правоведения. 2010. №4(8). С. 150-166.
22. *Ломброзо Ч.* Преступление. М., 1994.
23. *Мальцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.
24. *Тер-Акопов А.А.* Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980.
25. *Абызов К.Р., Гриб В.Г., Ильин И.С.* Криминология. М., 2010. С. 12-17.
26. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003.
27. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., «Наука», 2005. С. 8-9.
28. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., Норма. 2010. С. 491.
29. *Гегель.* Философия религии. В двух томах. М., 1976-1977.
30. *Лист Ф.Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как личностно-патологическое явление. М.. 2004.
31. *Бартол К.* Психология криминального поведения. СПб, 2004.
32. *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1980.
33. Правомерные цели и возможности целесообразной замены различных видов уголовных наказаний // Синергия наук. Воронежский экономико-правовой институт. 2018. №5. С. 54-68.
34. *Карпец И.И.* Преступность. Иллюзии и реальность. М., 1992.
35. *Гегель.* Философия права. М., 1990.
36. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969.
37. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1998.
38. *Осипян Б.А.* Причины неправомерных действий и поступков: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2009. №4. С. 71-78.
39. *Осипян Б.А.* Обзор основных теоретических, законодательных и организационных проблем уголовного и пенитенциарного права и правомерные подходы к их решению // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2018. №3. С. 14-21.
40. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976.
41. *Конев А.А.* Преступность и проблемы измерения её реального состояния. М., 1995.
42. *Осипян Б.А.* Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. №1. С. 24-32.
43. *Осипян Б.А.* Смысл государственного строительства, управления и правосудия // Право и жизнь. 2014. №194(8). С. 61-84.

Reference list

1. *Osipyan B.* The concept, signs and components of the crime // Legal Bulletin of the Dagestan State University, 2016. №2. P. 110-120.
2. Bible. Old Testament. 1 Kings 15:24.
3. *Osipyan B.* Spiritual-moral and legal meaning of the concept of punishment // Legal thought. 2017. №1. P. 60-74.
4. Koran. Sura 65, Divorce, 1: 1.
5. *Syukiyainen L.* Islamic law. M., 1986.
6. Bible. New Testament. Galatians 5: 19-21.
7. *Rayfuse R.* The Draft Code of Crimes Against the Peace and Security of Mankind. New York, 1997.
8. *Osipyan B.* The ratio of the concepts of sin, crime and crime // Citizen and Law. 2016. №11. P. 28-41.
9. *Shlyapochnikov A.* The origin of criminal law. M., 1934.
10. *Azaryan E.* The crime. Punishment. The rule of law. SBR., 2004. P. 12.
11. Grounds for criminally-legal prohibition. Criminalization and decriminalization. M., 1982.
12. *Hume D.* Writings in two volumes. Vol. 2. M., 1966. P. 368.
13. *Osipyan B.* Overview of the basic theoretical, legislative and organizational issues of criminal and penitentiary law and legitimate approaches to their solution // "Black holes" in the Russian legislation. 2018. №3. P. 14-21.
14. *Durmanov N.* The concept of crime. M., 1948.
15. *Osipyan B.* Criteria for the legitimate distinction of concepts and compositions of civil offense (tort), disciplinary offense, administrative offense and crime // Jurisprudence and law enforcement practice. 2016. №4. P. 14-24.
16. *Timenko G.* The general theory of the objective side of the crime. Rostov 1977.
17. *Osipyan B.* Law as a sure way to order and soul salvation, or the direction of action of a proper and enduring idea of law // Religion and Law. 2015. №3. P. 28-38.

18. *Osipyan B.* "The transformation of law into law: Spiritual, scientific and practical aspects". M. 1990.
19. *Yakubovich M.* Circumstances precluding public danger and wrongfulness of the act. M., 1979.
20. *Lloyd D.* The Idea of law. Crime and Punishment. London, 1991. P. 46-69.
21. *Osipyan B.* On law-enforcement spiritual and moral ideas, values and goals, which constitutionalizing the life of each person and nation // Issues of jurisprudence. 2010. №4(8). P. 150-166.
22. *Lombroso Ch.* Crime. M., 1994.
23. *Maltsev A.* General issues of the theory of crime. Omsk, 2000.
24. *Ter-Akopov A.* Inaction as a form of criminal behavior. M., 1980.
25. *Abyzov K., Grib V., Il'in I.* Criminology. M., 2010. P. 12-17.
26. Large legal dictionary / Under the editorship of I. Sukharev, V. Krutskikh. M., 2003.
27. *Kudryavtsev V.* Strategies to combat criminality. M., "Nauka", 2005. P. 8-9.
28. Criminology / Under the editorship of V. Kudryavtsev, V. Eminov. M., Norma. 2010. P. 491.
29. *Hegel.* Philosophy of religion. In two volumes. M., 1976-1977.
30. *Liszt F.* The tasks of criminal policy. Crime as a personal pathological phenomenon. M .. 2004.
31. *Bartol K.* Psychology of criminal behavior. SBR., 2004.
32. *Fox V.* Introduction to Criminology. M., 1980.
33. Legitimate goals and the possibility of appropriate replacement of various types of criminal penalties // Synergy of Sciences. Voronezh Economics and Law Institute. 2018. №5. P. 54-68.
34. *Karpets I.* Criminality. Illusions and reality. M., 1992.
35. *Hegel.* Philosophy of law. M., 1990.
36. *Kuznetsova N.* Crime and criminality. M., 1969.
37. *Luneev V.* Criminality of XX century. M., 1998.
38. *Osipyan B.* Causes of illegal actions and deeds: spiritual, scientific and practical aspects // Russian legal journal. 2009. №4. P. 71-78.
39. *Osipyan B.* Overview of the basic theoretical, legislative and organizational problems of criminal and penitentiary law and legitimate approaches to their solution // "Black holes" in the Russian legislation. 2018. №3. P. 14-21.
40. *Kudryavtsev V.* The causes of offenses. M., 1976.
41. *Konev A.* Criminality and the issues of measuring its real state. M., 1995.
42. *Osipyan B.* The proper social order as the primary and ultimate goal of the action of human justice and legitimate law // "Black Holes" in Russian legislation. 2016. №1. P. 24-32.
43. *Osipyan B.* The meaning of state-building, administration and justice // Law and Life. 2014. №194(8). P. 61-84.

УДК 343:343.81: 343.9

Климкин В.Н.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: АНАЛИЗ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА

В статье рассмотрен причинный комплекс насильственной пенитенциарной преступности в Российской Федерации. В причинном комплексе выделены три группы факторов: общие, особенные и специфические. Раскрыты основные актуальные вопросы причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности. Показана роль каждой группы факторов в причинном комплексе насильственной пенитенциарной преступности. Проанализирована взаимосвязь различных групп факторов с выделением в каждой группе наиболее важных.

Ключевые слова: насильственная преступность, пенитенциарная преступность, причины преступности, детерминация преступности, места лишения свободы, преступность среди осужденных

Klimkin V.,
PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law, History of Law and International Law"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

VIOLENT CRIMINALITY IN THE PLACES OF DETENTION: ANALYSIS OF CAUSAL COMPLEX

The article discusses the causal complex of violent penitentiary criminality in the Russian Federation. Three groups of factors are designated in the causal complex: common, particular and distinctive. In the article the core current issues of the causal complex of violent penitentiary criminality are showed. The role of each framework of factors in the causal complex of violent penitentiary criminality is discussed. In the paper there is analyzed the interrelation of various groups of factors, distinguishing the most important ones in each group.

Keywords: violent criminality, penitentiary criminality, causes of criminality, determination of criminality, places of detention, criminality among convicted persons

Преступность среди осужденных в местах лишения свободы (в первую очередь насильственная) является одной из основных проблем функционирования пенитенциарной системы России на современном этапе. Предупреждение данного вида преступности остается одним из наиболее важных направлений деятельности государства по противодействию криминальным проявлениям и угрозам в масштабах всей страны, обеспечению ее национальной безопасности.

Важной составляющей теоретико-методологического обоснования модернизации предупредительной деятельности в период системных трансформаций, выступает не просто изучение причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности, а структуризация и анализ групп факторов, детерминирующих совершение лицами отбывающими наказание в виде лишения свободы насильственных преступлений.

Данной проблематике уделяли внимание многие специалисты, в частности, Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Ваганов А.Б., Верещагин В.А., Глоточкин А.Д., Долгова А.И., Жарких М.Н., Качурова Е.С., Лиханова И.И., Миронов В.О., Мокрецов А.И., Пирожков В.Ф., Слепов А.П., Старков О.В., Усс А.В., Филиппова О.А., Хохряков Г.Ф., Яковлев Н.А., а также многие другие.

Актуальность изучения причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности подчеркивается и обращением к этому вопросу в диссертационных исследованиях. В частности, в различное время предлагалось выделение таких групп факторов пенитенциарной преступности: факторы экономического характера, психологические, организационно-правовые и др. (М.Н. Жарких) [2, с. 73-79]; внешние и

Как цитировать статью: Климкин В.Н. Насильственная преступность в местах лишения свободы: анализ причинного комплекса // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 75–79

внутренние (А.П. Слепов) [4, с.74-105]; общесоциальные, социально-психологические и личностные (О.В. Филиппова) [5, с. 66-67]; факторы объективного и субъективного характера (В.О. Миронов) [3, с.19-23] и т.д.

Таким образом, в настоящее время вопрос о классификации факторов насильственной пенитенциарной преступности не нашел своего окончательного разрешения, отдельные группы не исследованы в полном объеме, что негативно сказывается на организации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы.

Целью данной статьи является формулирование и аргументация подхода к пониманию современного причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности в России с учетом структуризации факторов, входящих в него.

Насильственная пенитенциарная преступность представляет собой особую разновидность криминальной активности. С одной стороны, в ней находят объективацию те факторы, которые являются общими для преступности в целом. С другой, будучи пенитенциарной и насильственной, эта разновидность преступности детерминируется теми факторами, анализ которых позволяет объяснить закономерности совершения именно насильственных преступлений осужденными к наказанию в виде лишения свободы.

В этом смысле все детерминанты насильственной пенитенциарной преступности могут быть представлены в виде системы общих, особенных и специфических факторов.

Под общими допустимо понимать факторы глобального характера, детерминирующие преступное поведение в целом, в масштабах государства, действие которых обнаруживается вне зависимости от вида преступности. Данный факт, конечно, не означает, что в условиях лишения свободы, применительно к особому контингенту – осужденным – эти факторы проявляют себя точно так же, как и в условиях «свободного общежития». В местах лишения свободы любой аспект действительности приобретает особое выражение, любой конфликт – особую остроту. Однако как таковые общие факторы детерминируют любой вид криминальной активности.

Под особенными факторами подразумеваются те факторы, которые обнаруживаются только в отношении насильственной и только в отношении пенитенциарной преступности.

Специфические – это факторы, детерминирующие непосредственно насильственную пенитенциарную преступность, которые в данном случае следует рассматривать не как произвольную совокупность факторов насильственной и пенитенциарной преступности, а как системную целостность причин и условий криминального насилия среди осужденных в местах лишения свободы.

При определении общих факторов насильственной пенитенциарной преступности, необходимо учитывать процессы, происходящие в масштабах всего государства в целом, которые, в первую очередь, отражаются на криминогенной обстановке в пенитенциарных учреждениях. Сложная экономическая ситуация привела в настоящее время к ухудшению криминогенной обстановки в стране, общему росту преступности, в частности рецидивной, к изменению структуры преступности в сторону тяжких и особо тяжких преступлений, что сказалось на характеристиках контингента осужденных в местах лишения свободы [13,14].

Не смотря на тенденцию снижения количества лиц содержащихся в местах лишения свободы России, возникшую начиная с 2010 года, количество лиц отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы остается достаточно высоким, так в 2010 году показатель составил 819,3 тыс. чел., 2011 – 755,7 тыс.чел., 2012 – 701,9 тыс.чел., 2013 – 677,3 тыс.чел, 2014 – 671,9 тыс. чел., 2015 – 646,3 тыс. чел., 2016 – 639,9 тыс. чел., 2017 – 630,1 тыс. чел., 2018 – 602,2 тыс. чел. [9].

По состоянию на 01.02.2019 года в местах уголовно-исполнительной системы содержалось 557 684 человек [10].

Особое звучание приобретает проблема трудоустройства осужденных и оплаты их труда. По информации Счетной палаты Российской Федерации, в уголовно-исполнительной системе России без работы остается более 60% трудоспособных осужденных. Критический низкий уровень привлечения к труду был отмечен на федеральных государственных унитарных предприятиях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН) – ежегодно не более 2%. Вместе с тем, уровень зарплаты осужденных не достигал минимального размера оплаты труда (МРОТ), в частности, в 2014 году – 3 тыс. руб., в 2015 году – 3,2 тыс., а в 2016 году – 3,6 тыс. руб. [11].

Необходимо подчеркнуть, что у этой ситуации есть так же и эмоционально-психологическая составляющая, которая заключается в том, что осужденные или не могут реализовать свое право на труд, или не получают справедливое и удовлетворительное вознаграждение за него. В любом случае значение занятости как средства позитивного воздействия на осужденных значительно снижается, либо полностью утрачивает свое значение.

По сведениям ФСИН, на сегодняшний день, в условиях сокращения бюджета уголовно-исполнительной системы существует угроза дефицита питания осужденных в колониях. В 2015 году на питание одного осужденного в местах лишения свободы в день, приходилось 86 рублей, в 2019 году – сумма сокращена до 64 рублей [12].

Одной из главных проблем, является проблема медицинского обеспечения осужденных. Уровень заболеваемости в учреждениях уголовно-исполнительной системы остается достаточно высоким. Не всегда осуществляется своевременная диагностика заболеваний, в частности, ВИЧ-СПИДа [8].

Отдельную группу факторов представляют особенные факторы, под которыми понимаются детерминанты только насильственной, либо только пенитенциарной преступности, в причинном комплексе насильственной пенитенциарной преступности.

Говоря о причинах насильственной преступности, большинство авторов называет следующие основные детерминанты: ориентация большой части населения на достижение поставленных жизненно важных целей любыми средствами, как следствие отсутствия в современных условиях жизненных перспектив и возможности добиться справедливости законным путем; интенсивные темпы алкоголизации и наркотизации населения; высокий уровень безработицы, низкий уровень материального достатка основной массы населения; латентность и безнаказанность значительной части преступлений против личности, обусловленные недостатками в работе либо бездеятельностью правоохранительных органов; недостатки и упущения в работе основных образовательных и воспитательных институтов в государстве, комплектация данных институтов непрофессиональными кадрами; снижение уровня интеллекта населения, упадок нравственности, утрата духовных и моральных ценностей и т.д.

Применительно к особенностям пенитенциарной преступности отметим позицию А.Б. Ваганова: процесс детерминации преступности в пенитенциарных учреждениях выражается в образовании пенального конфликта (противоречия) как причины преступного поведения в исправительных учреждениях. Природу данного явления можно объяснить противоестественностью изоляции как формы существования человека. Пенальный конфликт возникает между осужденным и государством [1, с. 21].

Как представляется, во многом пенальные конфликты обусловлены проблемами в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России, обеспечения и соответствия условий отбывания наказаний в виде лишения свободы международным стандартам.

Некоторые колонии, особенно в отдаленных от центра местах, живут не столько по нормам российского законодательства, сколько по правилам и обычаям криминальной субкультуры, в значительной степени ориентированной на тотальное насилие. Персонал пенитенциарных учреждений недостаточно подготовленный в психолого-педагогическом отношении, часто проявляет откровенную профессиональную беспомощность в профилактической деятельности с преступными авторитетами. Не может быть и речи о применении действенных мер по предупреждению пенитенциарной преступности в тех случаях, когда персонал подкуплен осужденными. А такие случаи, как показывает практика, в последнее время фиксируются все чаще [7]. Следует отметить и нехватку персонала исправительных учреждений, недостаточный уровень его материального обеспечения [6].

Переходя к специфическим факторам, следует подчеркнуть, что непосредственно они детерминируют криминальное насилие осужденных в местах лишения свободы, при этом их изучение необходимо в тесной взаимосвязи с общими и особенными факторами.

Такой специфический фактор как проблемы организации деятельности администрации учреждений по исполнению наказаний в виде лишения свободы, в насильственной пенитенциарной преступности объективируется в следующих аспектах:

1) неспособность и невозможность администрации с помощью официальных мер добиться порядка и дисциплины в учреждениях, провоцирует ее отдельных представителей идти по пути, когда с помощью неформальных лидеров и их окружения, в местах лишения свободы происходят физические расправы одних осужденных над непокорными или над теми, чье поведение по мнению представителей администрации не отвечает их требованиям; при этом данные факты остаются не только безнаказанными и не расследованными, но создают в местах лишения свободы атмосферу полной незащищенности со стороны официальных органов, что заставляет осужденных находится в состоянии постоянной готовности применения физической силы как единственного способа собственной защиты;

2) до сегодняшнего дня в местах лишения свободы со стороны представителей администрации имеет место поведение нарушающее права осужденных, которое может проявляться не только в словесных оскорблениях, унижениях достоинства осужденных, но и в нанесении побоев разной тяжести, причем такие действия могут остаться безнаказанным для должностных лиц; данные факты как правило вызывают ответную реакцию у осужденных, которая проявляется в виде агрессии не только в отношении должностных лиц, но и в качестве психологической компенсации в отношении других осужденных;

3) нежелание администрации вмешиваться в конфликты, возникающие среди осужденных в местах лишения свободы; а в случаях вмешательства в конфликтные ситуации, их несправедливое разрешение, причем наиболее показательно, когда предпочтение отдается тому, кто явно сильнее, например криминальному авторитету, что создает в учреждении атмосферу произвола;

4) слабый контроль за поведением осужденных, в т.ч. оперативный; намеренное сокрытие фактов насилия от учета, нежелание администрации реагировать на них, формирует в местах лишения свободы цепную реакцию агрессии и жестокости среди осужденных и т.д.

Принудительное однополое объединение на ограниченном пространстве большого количества особых представителей общества, навязывание нежелательных отношений – постоянная почва для возникновения конфликтных ситуаций. Специфический психологический климат (чувство незащищенности, враждебное окружение, проявление стадных инстинктов, постоянное ожидание оскорблений, насмешек, нападения, насилия), подкрепленный криминальной субкультурой, формирует особые морально-психологические установки. В этом смысле, пытаясь объяснить существование насильственной преступности осужденных в пенитенциарных учреждениях, наряду с традиционными критическими упреками в адрес тех, от кого зависит организация исполнения наказания (несовершенство условий содержания, низкая квалификация администрации, патология власти персонала и т.д.), или абсолютизация «плохой» природы тех, кто выступает в роли объекта карательного действия (отрицательные психические свойства осужденных), многие авторы включают в число главных детерминант неформальную систему взаимодействия осужденных, образ жизнедеятельности лиц, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций – криминальную субкультуру.

Следует отметить, что наличие в местах лишения свободы криминальной субкультуры с ее традициями и законами, обуславливают высокий уровень латентности насильственной пенитенциарной преступности, а также особую сложность в раскрытии преступлений среди осужденных.

Таким образом, в местах лишения свободы происходит самоорганизация преступной среды посредством криминальной субкультуры, что является одним из наиболее важных специфических факторов насильственной пенитенциарной преступности.

Подводя итог, следует отметить, что причинный комплекс насильственной пенитенциарной преступности – это сложная многоуровневая взаимосвязанная совокупность факторов, детерминирующих существование насильственной преступности среди осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Данная совокупность представлена тремя группами факторов: общие, особенные и специфические.

При этом следует отметить, что среди общих факторов насильственной пенитенциарной преступности ведущее место отведено трудовой занятости осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы и проблеме приобретения ими трудовых навыков, конкурентоспособности с трудовыми навыками правопослушных граждан.

Среди особенных основное внимание должно быть уделено детерминантам насилия в масштабах государства, а также основным проблемам в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний.

Среди специфических факторов особую роль занимают проблемы организации деятельности учреждений исполняющих наказание в виде лишения свободы, и как одно из их следствий особая негативная психологическая обстановка в пенитенциарных учреждениях; наличие в местах лишения свободы криминальной субкультуры – особой формы организации жизнедеятельности осужденных негативной направленности.

Следует отметить, что дальнейшие исследования причинного комплекса насильственной пенитенциарной преступности будет способствовать выработке действенных мер предупреждения насильственной пенитенциарной преступности, улучшению криминальной ситуации в местах лишения свободы, развитию и повышению эффективности системы обеспечения национальной безопасности России.

Список литературы

1. *Ваганов А.Б.* Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: Автореф. дис.… канд. юрид. наук: 12.00.08 / ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет». Челябинск, 2012. 30 с.
2. *Жарких М.Н.* Преступность среди осужденных в исправительных учреждениях и меры её предупреждения: Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Н. Жарких; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова – Ленина. Казань, 2008. 276 с.
3. *Миронов В.О.* Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предупреждение: Автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.О. Миронов; ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России». Ростов-на-Дону, 2012. 29 с.
4. *Слепов А.П.* Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях: Дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Академия права и управления. Казань, 2008. 237 с.
5. *Филлипова О.В.* Преступность в местах лишения свободы и ее предупреждение (по материалам Республики Бурятия): Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.В. Филлипова; ГОУ ВПО «Томский государственный университет». Томск, 2009. 190 с.

6. Глава СПЧ заявил о низких зарплатах сотрудников исправительных учреждений [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20180919/1528893756.html (дата обращения: 12.03.2019).
7. За платные услуги осужденным осудили сотрудницу вологодской колонии [Электронный ресурс] URL: https://www.spb.kp.ru/online/news/3213534/ (дата обращения: 12.03.2019).
8. Заключенные нуждаются в оказании качественной медицинской помощи [Электронный ресурс] URL: https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/46739 (дата обращения: 12.03.2019).
9. Количество осужденных в местах лишения свободы России (мужчин и женщин) [Электронный ресурс] URL: http://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/943-kolichestvo-zaklyuchennykh-v-rossii (дата обращения: 12.03.2019).
10. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 12.03.2019).
11. Счетная палата: безработица среди осужденных достигла 60% [Электронный ресурс] URL: https://newdaynews.ru/moskow/626184.html (дата обращения: 12.03.2019).
12. ФСИН предупредила о возможных проблемах с финансированием питания осужденных [Электронный ресурс] URL: https://www.interfax.ru/russia/539211 (дата обращения: 12.03.2019).
13. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [Электронный ресурс] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 12.03.2019).
14. Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах [Электронный ресурс] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/ (дата обращения: 12.03.2019).

Reference list

1. *Vaganov A.* Criminological characteristics of penitentiary criminality and its prevention: Synopsis of a thesis of PhD in Law: 12.00.08 / FSBEI HPO "Chelyabinsk State University". Chelyabinsk, 2012. 30 p.
2. *Zharkih M.* Criminality among convicted persons in correctional institutions and measures for its prevention: Thesis of PhD in Law: 12.00.08 / M. Zharkikh; Kazan State University named after Ul'yanov - Lenin. Kazan, 2008. 276 p.
3. *Mironov V.* Crimes committed in correctional institutions, and their warning: Synopsis of a thesis of PhD in Law: 12.00.08 / V. Mironov; FSBEI HPO "Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia". Rostov-on-Don, 2012. 29 p.
4. *Slepov A.* Prevention of violent crimes committed by convicts in correctional colonies: Thesis of PhD in Law: 12.00.08 / Academy of Law and Management. Kazan, 2008. 237 p.
5. *Fillipova O.* Criminality in the places of detention and its prevention (according to the sources of the Republic of Buryatia): Thesis of PhD in Law: 12.00.08 / O. Fillipova; GEI HPO "Tomsk State University". Tomsk, 2009. 190 p.
6. The head of the HRC announced low salaries for correctional officers [Electronic resource] URL: https://ria.ru/20180919/1528893756.html (date of access: 12.03.2019).
7. A staff member of the Vologda prison camp was criminated for paid services to convicted persons [Electronic resource] URL: https://www.spb.kp.ru/online/news/3213534/ (date of access: 12.03.2019).
8. Prison community needs to provide quality medical care. [Electronic resource] URL: https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/46739 (date of access: 12.03.2019).
9. Number of convicted persons in the places of detention of Russia (men and women) [Electronic resource] URL: http://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/943-kolichestvo-zaklyuchennykh-v-rossii (date of access: 12.03 .2019).
10. Brief description of the penitentiary system [Electronic resource] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (date of access: 12.03.2019).
11. Accounts Chamber: unemployment among convicted persons reached 60% [Electronic resource] URL: https://newdaynews.ru/moskow/626184.html (date of access: 12.03.2019).
12. The Federal Penitentiary Service warned about possible problems with the financing of food for convicted persons [Electronic resource] URL: https://www.interfax.ru/russia/539211 (date of access: 12.03.2019).
13. Characteristics of persons held in adults correctional prison camps [Electronic resource] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (date of access: 12.03.2019).
14. Characteristics of persons held in pretrial detention facilities and prisons [Electronic resource] URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/ (date of access: 12.03.2019).

УДК 343.98.2

Чурилов С.Н.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета, заслуженный юрист Российской Федерации

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы теории организации судебного исследования преступлений, ее места в системе общей теории криминалистики и значения в разработке практических рекомендаций организационно-тактического и организационно-методического характера, адресатом которых являются органы уголовного преследования, профессиональной защиты от него и суд.

Ключевые слова: организация судебного исследования преступлений, организация следственного и судебного действия, организация расследования, организация судебного разбирательства, теория организации, содержание теории

Churilov S.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Institute of Law and Management of Moscow City Pedagogical University, Honored Lawyer of the Russian Federation

GNOSEOLOGICAL ISSUES OF ORGANIZATION THEORY OF JUDICIAL INQUIRY OF OFFENCES

The article discusses the controversial issues of the organization theory of judicial inquiry of offences, its place in the system of the general theory of forensic sciences and the effect of the development of practical recommendations of the organizational-tactical and organizational-methodical nature, the target of which are the criminal authorities, professional defense against it and the court.

Keywords: organization of judicial inquiry of offences, organization of investigative and judicial actions, organization of investigation, organization of judicial proceedings, organization theory, theory content

Вопросы организации судебного исследования преступлений привлекали к себе пристальное внимание ученых и практиков, пожалуй, на всем протяжении развития криминалистической науки. На эмпирическом уровне давно выявлена зависимость эффективности расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел от их организации. Данный реально существующий факт требовал и требует своего научного объяснения, что составляет задачу самостоятельной частной криминалстической теории. Однако до настоящего времени такая теория все еще не сложилась, несмотря на предпринимаемые в этом направлении усилия многих энтузиастов криминалистической науки.

В отечественной криминалистике проблему организации расследования ученые стали активно обсуждать примерно с середины прошлого столетия, когда остро встал вопрос о месте организационно-методических рекомендаций в системе курса этой науки и учебной дисциплины. Однако он до сих пор остается предметом ведущейся дискуссии. Традиционно большинство криминалистов относит вопросы организации расследования к криминалистической тактике, о чем свидетельствуют многие современные и прошлых лет учебники, невзирая на то, что противники этой точки зрения обоснованно предлагали выделить рекомендации по организации расследования из криминалистической тактики в криминалистическую методику. Имеются в виду такие вопросы организационного характера, как координация действий следователя с разыскными аппаратами органов внутренних дел, массированное использование следственных сил и средств, планирование расследования, использование помощи общественности и др.

Как цитировать статью: Чурилов С.Н. Гносеологические проблемы теории организации судебного исследования преступлений // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 80–83

М.П. Шаламов – сторонник включения данных организационных вопросов в заключительный раздел криминалистики – криминалистическую методику – утверждал, что общие принципы организации с учетом специфики расследования отдельных видов преступлений являются важным элементом криминалистической методики [9: с. 32]. Аналогичную позицию по данной проблеме занимали А.Н. Колесниченко [4], Н.А. Селиванов [7: с. 15, 93], А.М. Ларин [5: с. 22] и др. именитые ученые. К сожалению, многие авторы вопросы организации расследования по старинке включают в криминалистическую тактику. Живучесть данной точки зрения проявляется в том, что и в XXI веке во многих публикациях по данной проблематике вопросы организации расследования рассматриваются в криминалистической тактике [1: с. 15].

Сторонники выделения из криминалистической тактики несвойственных ей вопросов организационного характера в криминалистическую методику высказались за включение их в данный раздел курса криминалистики в качестве самостоятельного структурного элемента. В этой связи Р.С. Белкин, занявший по данной проблеме иную позицию, писал: «Мы полагаем, что вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться из них в самостоятельный подраздел или теорию» [2: с. 455]. Как видно, Р.С. Белкин, допуская рассмотрение вопросов организации расследования именно в заключительном разделе криминалистики, тем не менее категорически отрицал возможность их выделения в специальный элемент не только в криминалистической методике, но и в системе курса криминалистики, в соответствии с которой должна строиться структура учебника [2: с. 455].

К счастью, идея освобождения криминалистической тактики от вопросов организации расследования с течением времени не умерла, она стала реально воплощаться при создании отдельных учебников по криминалистике, но, к сожалению, со значительным отступлением от первоначального замысла. Вопросы организационного характера, относящиеся к методике расследования преступлений, стали рассматривать в системе криминалистики в качестве дополнительного, пятого, ее раздела. В одних случаях по инициативе А.Г. Филиппова данный раздел включают между криминалистической тактикой и криминалистической методикой [8: с. 30-31], в других – между криминалистической техникой и криминалистической тактикой [6: с. 35-55], между общей теорией криминалистики и криминалистической техникой [3: с. 29].

По поводу включения в систему криминалистики пятого раздела, посвященного организации расследования, Р.С. Белкин отметил, что «…в таком серьезном вопросе, как система курса криминалистики, в соответствии с которой должна строиться структура учебника, едва ли допустимы подобные волюнтаристские решения» [2: с. 455]. Аналогичное мнение по данному вопросу занимает Н.П. Яблоков [10: с. 25-27].

Разделяя это мнение данных выдающихся ученых, я полагаю, что вопросы организационного характера на уровне криминалистической методики как раздела науки должны занимать в ее системе самостоятельное место между теоретической частью (системой научных положений) и частными методиками расследования. Данная моя точка зрения не совпадает с мнением Р.С. Белкина, считавшего, как отмечено выше, что положения и рекомендации по организации расследования на уровне криминалистической методики не должны выделяться в самостоятельный подраздел или теорию.

В моем представлении, выделение вопросов организации расследования в криминалистической методике в самостоятельный элемент соответствует системно-структурному подходу в разрешении данной проблемы, ибо каждый элемент данного раздела криминалистики находится в необходимой функциональной связи с другими ее элементами – системой научных положений и топовыми методиками расследования, что придает устойчивость всей их системе и коммуникативность этой системы при применении криминалистических частнометодических рекомендаций. Это является для обучающихся уголовно-правового профиля важной дидактической предпосылкой изучения криминалистической методики в логической последовательности, идя в познании от теоретической части данного раздела криминалистики к вопросам организации расследования, имеющим общее значение для всех частных методик расследования, и затем – непосредственно к частным криминалистическим методикам.

Р.С. Белкин, детально обосновывая свою позицию по данной проблеме, исходил, в сущности, из верного положения о том, что «…организация расследования есть именно организация конкретного акта расследования, *расследования конкретного преступления* (курсив мой. – С.Ч.)» [2: с. 450]. Однако следует отметить, что это утверждение имеет отношение сугубо к расследованию единичного преступления. Но речь идет об организации расследования определенного вида преступлений на типовом уровне. Ведь рекомендации криминалистической методики как раздела криминалистики, в том числе рекомендации по организации расследования отдельных видов преступлений, носят типовой характер, рассчитаны на конкретные типичные следственные ситуации. С учетом того, что каждая следственная ситуация, складывающаяся при расследовании единичного преступления данного вида, характеризуется свой-

ственными только ей особенными чертами, типовые рекомендации по организации расследования требуют соответствующего приспособления, адаптации к единичному акту расследования. На этом основании следует прийти к выводу о необходимости выделения в системе криминалистической методики самостоятельного подраздела, посвященного рекомендациям организационно-методического характера с определением им места между общими положениями указанного раздела криминалистики и типовыми криминалистическими методиками.

На мой взгляд, в данный подраздел криминалистической методики должны быть включены только те элементы организационного характера, которые действительно, в одном случае имеют общее значение для расследования всех без исключения видов преступлений, в других – лишь определенных их групп. Предполагается, что общее значение для расследования всех видов преступлений имеют: планирование расследования; взаимодействие следователя и органов дознания; меры по устранению противодействия расследованию; массированное применение следственных сил и средств; использование помощи общественности в раскрытии и расследовании преступлений; использование данных криминалистической регистрации; организация розыска преступника; использование возможностей судебно-экспертных учреждений; исследование алиби; разоблачение инсценировок; изобличение подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления; меры по сохранению еще неиспользованных источников доказательственной информации. Для расследования отдельных групп преступлений, например, преступлений против собственности общее значение имеют организационные меры по обеспечению исполнения приговора в части гражданского иска, судебного штрафа, возможной конфискации имущества и иных имущественных взысканий.

В частных криминалистических методиках содержание данных мер организационного характера подлежит корректировке с учетом тех особенностей, которые присущи расследованию конкретного вида преступлений. Подлинную индивидуальность они приобретают при расследовании единичных преступлений определенного вида.

Разумеется, разработка данных вопросов и включение их в систему криминалстической методики в рассматриваемом качестве должна основываться на соответствующей теории.

В этой связи следует дать утвердительный ответ на вопрос, нужна ли такая теория. Это мнение, как обоснованно считает В.Д. Зеленский, становится господствующей в криминалистике [3: с. 27]. С моей точки зрения, для такого решения данной проблемы имеются достаточные фактические основания. Одним из главных фактов, поддающимся восприятию и объяснению, является закономерная зависимость достижения максимальных результатов расследования при минимальных затратах времени, сил и средств от определения и применения указанного выше комплекса организационных мер. И это реально существующая, не вымышленная закономерность.

Объяснение данного эмпирически установленного факта, проникновение в его сущность влечет за собой конструирование новой частной криминалистической теории, которая по мере ее становления и развития может быть включена в общую теоретическую систему науки в качестве ее необходимого элемента. Превращение указанного эмпирического факта в научный при познании его сущности возможно при условии, если в результате этого процесса будет получено знание о ранее не изучаемой должным образом стороне конкретного элемента предмета криминалистики. В данном случае вопросы организации расследования, имеющие криминалистическое значение, непосредственно связаны прежде всего с закономерностями собирания доказательств, которые изучает криминалистика. Возможность обнаружения доказательств, их собирания возрастает при реализации мер организационного характера. Данная связь вопросов организации расследования с возможными положительными результатами собирания доказательств носит необходимый, устойчивый характер, проявляется как закономерность. Следовательно, у теории организации расследования есть свой предмет – это специфическая сторона, часть предмета криминалистической науки.

Другим необходимым признаком данной теории является наличие ее объектной области познания, т.е. всякий раз объективно проявляющихся связей и отношений между реализацией организационных мер и эффективностью уголовно-процессуальной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Теории организации расследования присущ и метод – те познавательные приемы, которые используются для построения любой частной криминалистической теории и для их применения в практике познания закономерностей в конкретной предметной области. Кроме методов, известных общей теории криминалистики, в теории организации расследования найдут своего применения определенные мысленные модели, замещающие в гносеологическом плане реальные объекты изучения. Построение мысленных моделей связей и отношений между реализуемыми в практике конкретными мерами организационного характера и эффективностью раскрытия и расследования преступлений составляет само содержание данной теории.

Наличие присущих теории организации расследования предмета, объектной области и метода

познания подтверждает ее самостоятельность, что является фактическим основанием для включения ее, по мере достижения определенной зрелости, в систему общей теории криминалистики.

Представляется, что теория организации расследования на уровне криминалистической методики – это элемент, часть теории организации судебного исследования преступлений, в содержание которой на правах самостоятельных составных элементов в перспективе должны войти теоретические вопросы организации следственных и судебных действий, а также судебного разбирательства уголовных дел. Объединение научных положений организационно-тактического и организационно-методического характера в рамках единой для них теории организации судебного исследования преступлений теоретически возможно благодаря единству их предмета, объектной области (практика судебного исследования преступлений) и метода познания.

В связи с изложенным возникает вопрос, какое место теория организации судебного исследования преступлений в целом и отдельные ее части могут занять в системе криминалистической науки и учебной дисциплины? По моему мнению, данная теория по достижении соответствующего уровня развития пополнит общую теорию криминалистики новыми знаниями, дополнительно раскрывающими содержание закономерностей собирания доказательств. Что же касается положений этой теории, относящихся соответственно к криминалистической тактике и криминалистической методике, то они пополнят собой системы научных положений данных разделов криминалистики, на основе которых разрабатываются организационно-тактические и организационно-методические рекомендации судебного исследования преступлений.

Список литературы

1. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 432 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. II. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
3. *Зеленский В.Д.* К вопросу о месте организации расследования в криминалистике // Вестник криминалистики. Вып. 1 (29). 2009. С. 25-30.
4. *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. 47 с.
5. *Ларин А.М.* Проблема общей методики расследования преступлений. М., 1976. 22 с.
6. Примерная программа дисциплины криминалистики для вузов МВД России // Вестник криминалистики. Вып. 2 (26). 2008. С. 35-55.
7. *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. М. 1982. 151 с.
8. *Филиппов А.Г.* О программе специального курса «Организация расследования преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 1 (21). 2007. С. 30-31.
9. *Шаламов М.П.* Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965. 61 с.
10. *Яблоков Н.П.* О месте вопросов организации расследования в системе криминалистики // Проблемы организации расследования преступлений: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 25-27.

Reference list

1. *Baev O.* The tactics of criminal prosecution and professional defense against it. Investigative tactics: Scientific and practical guide. M.: Ekzamen publishing house, 2003. 432 p.
2. *Belkin R.* Forensics course in 3 volumes. Vol. II. M .: Yurist, 1997. 464 p.
3. *Zelenskiy V.* Revisiting the place of the organization of the investigation in forensics // Forensics Bulletin. Issue 1(29). 2009. P. 25-30.
4. *Kolesnichenko A.* General provisions of the method of investigation of certain types of offences. Kharkov, 1965. 47 p.
5. *Larin A.* The issue of the general methods of investigation of offences. M., 1976. 22 p.
6. The approximate program of the discipline of criminology for higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Forensics Bulletin. Issue 2(26). 2008. P. 35-55.
7. *Selivanov N.* Soviet forensics: A system of concepts. M. 1982. 151 p.
8. *Filippov A.* On the program of the special course "Organization of the investigation of offences" // Forensics Bulletin. Issue 1(21). 2007. P. 30-31.
9. *Shalamov M.* Some issues of Soviet forensics. M., 1965. 61 p.
10. *Yablokov N.* About the place of issues of the organization of the investigation in the forensic system // Issues of the organization of the investigation of offences: Proceedings of All-Russian scientifically-practical conference. Krasnodar, 2006. P. 25-27.

УДК 343.98

Краснопеев И.С.,
аспирант Красноярского аграрного университета

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ КОМПРОМИССА СО СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются вопросы работы следователя в ситуации необходимости достижения компромисса с адвокатом в процессе защиты подозреваемых в совершении налоговых преступлений. Приводятся основные алгоритмы действий следователя, а также определяются наиболее эффективные методы криминалистического обеспечения данной сферы его деятельности.

Статья написана на основе изучения действий следователя и представителя защиты в ходе расследования и раскрытия наиболее часто встречающихся в уголовно-правовой практике налоговых преступлений, таких как: уклонение физическим лицом или индивидуальным предпринимателем от налогов и сборов, а также сокрытие имущества или материальных средств, которые могут быть взысканы в бюджет в качестве оплаты налогов и сборов.

В исследовании выявлены основные проблемы, которые специфичны для современной практики процесса в сфере расследования налоговых преступлений, охарактеризованы основные сложности достижения компромиссов представителей следствия и защиты в этом направлении.

Кроме того, по результатам проведенного анализа выработаны практические рекомендации по совершенствованию процесса достижения компромисса между следователем и представителем защиты в ходе расследования и раскрытия налоговых преступлений.

Данные рекомендации направлены на формирование единого гармоничного правового поля, которое позволит сделать достижение компромисса между следователем и представителем защиты в процессе расследования и раскрытия уголовных налоговых преступлений законодательно обоснованным. Кроме того, данные рекомендации обеспечат максимальную грамотность разных стороны уголовного процесса в направлении взаимодействия для достижения гарантированных условий компромисса.

Ключевые слова: следователь, криминалистическое обеспечение, налоговое преступление, защита в уголовном судопроизводстве, уголовное дело

Krasnopeev I.,
Postgraduate-student of the Krasnoyarsk Agrarian University

THE ESSENCE AND CONTENT OF FORENSIC SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR TO ACHIEVE A COMPROMISE WITH THE DEFENSE IN CRIMINAL CASES OF TAX CRIMES

The article deals with the work of the investigator in the situation of the need to reach a compromise with a lawyer in the process of protecting those suspected of committing tax crimes. The basic algorithms of the investigator's actions are presented, and the most effective forensic methods for this field of activity are determined.

The article is written on the basis of a study of the actions of the investigator and the representative of the defense during the investigation and disclosure of tax crimes most frequently encountered in criminal law practice, such as: evasion by an individual or individual entrepreneur from taxes and fees, as well as hiding property or materials be charged to the budget as payment of taxes and fees.

The study identified the main problems that are specific to the modern practice of the process in the area of tax crime investigation, describes the main difficulties in reaching compromises of the investigation representatives and protecting them in this direction.

In addition, based on the results of the analysis, practical recommendations were developed for improving the process of reaching a compromise between the investigator and the defense representative during the investigation and disclosure of tax crimes. These recommendations are aimed at the formation of a single harmonious legal framework that will make the achievement of a compromise between the investigator and the defense representative in the process of investigation and the disclosure of criminal tax crimes legally justified. In addition, these recommendations will ensure maximum literacy of various parties to the criminal process in the direction of interaction in order to achieve guaranteed conditions of compromise.
Keyword: investigator, forensic security, tax offense, defense in criminal proceedings, criminal case

Актуальность проблемы, которая рассматривается в данной статье, заключается в том, что проблемы достижения компромисса с преступностью на современном этапе стали предметом все большего внимания со стороны уголовного права и уголовно-процессуальной науки. Это понятие не является новым, в различных странах мира достижение компромисса в расследовании уголовных дел уже давно обусловлено важностью принципа необходимости отказа от бескомпромиссной борьбы с преступностью, ведь он противоречит основополагающим принципам права и часто является причиной формирования сложных случаев в сфере профилактики и раскрытия уголовных правонарушений.

Как указывает ряд авторов, институт так называемых «сделок с правосудием» основывается на принципе формирования договорных отношений между различными сторонами уголовного процесса. Подобные сделки предполагают формирование взаимных обязательств сторон уголовного процесса: одна сторона предлагает компромиссный вариант решения проблемной ситуации, другая должна гарантировать выполнение поставленных условий.

При этом надо понимать, что в криминалистике еще не выработаны достаточно безопасные и эффективные методы обеспечения подобных компромиссов, что является серьезной научно-практической проблемой. Скорее всего, это связано с тем, что криминалистическая наука не приемлет подобных методов решения сложных ситуаций, которые возникают в ходе уголовного процесса, а основывается лишь на одностороннем воздействии на подозреваемых и обвиняемых посредством применения силовых методов.

С этим связана острейшая проблема, которая носит как теоретический, так и практический характер.

Во-первых, нужно отметить несовершенство законодательства, касаемого расследования уголовных преступлений в части, касающейся применения компромиссных методов решения проблемных ситуаций, в частности, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Во-вторых, на практике происходит так, что многие участники уголовного процесса не всегда осуществляют свои действия по достижению компромисса в соответствии с существующими на сегодняшний день законодательными нормами, что ставит под сомнение правомерность некоторых случаев судебного производства.

Цель исследования – проанализировать сущность и содержание криминалистического обеспечения деятельности следователя по достижению компромисса со стороной защиты по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд задач исследования:

1. Выделить наиболее распространенные в уголовно-правовой практике налоговые преступления.

2. Охарактеризовать сущность компромисса как одной из конструктивных форм взаимодействия следователя и адвоката.

3. Проанализировать актуальность рассмотрения проблемы компромиссного взаимодействия следователя и адвоката в уголовном процессе по делам, связанным с совершением преступление в налоговой сфере.

4. Исследовать содержание и структуру криминалистического обеспечения расследования налоговых преступлений.

5. Определить основные пробелы в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, связанные с правомерным поиском компромисса между следователем и адвокатом при расследовании налоговых преступлений.

6. Разработать возможные пути совершенствования российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, связанные с правомерным поиском компромисса между следователем и адвокатом при расследовании налоговых преступлений.

В практике уголовного судопроизводства, связанного с налоговой сферой, наиболее распространенными преступлениями являются уклонение от налогов и сборов гражданином или индивидуальным

Как цитировать статью: Краснопеев И.С. Сущность и содержание криминалистического обеспечения деятельности следователя по достижению компромисса со стороной защиты по уголовным делам о налоговых преступлениях // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 84–90

предпринимателем (ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации) и сокрытие денег и иных активов, за счет которых может быть обеспечено взыскание долгов по платежам в бюджет (ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) [2].

Проведение следственной работы в сфере расследования и раскрытия преступлений этого типа зачастую осложнено тем, что существует целый ряд препятствий, с которыми может столкнуться следователь и которые грамотно используются опытным защитником. Поэтому основной задачей следователя в этой ситуации является попытка достичь компромисса с адвокатом и выполнить свои должностные обязанности в соответствии с нормами законодательства и с нанесением наименьшего вреда подозреваемому.

В ходе проведения предварительного следствия по уголовным делам, связанным с совершением преступлений в налоговой сфере, уровень эффективности защиты зачастую, прежде всего, обусловлен теми отношениями, которые сформировались между следователем и представителем защиты [4, с. 40].

Главной целью защитника выступает оказание помощи обвиняемому в налоговых преступлениях с применением любых разрешенных законодательством средствам. Следователь же обязан раскрыть и расследовать преступление, совершенное в налоговой сфере, теми методами, которые прописаны в уголовно-правовом законодательстве.

Построение конструктивных отношений представителя защиты и следователя относится к сфере выработки безусловных и точных мер правового регулирования прав и обязанностей этих специалистов, существования четкого механизма, который будет гарантировать соблюдение прав одной стороны уголовного процесса в связи точным исполнением обязательств другой сторон.

Проблема заключается в том, что работа адвоката и следователя зачастую имеет противоположные цели, которые в большинстве случаев в ходе уголовного процесса являются в некотором роде конфликтными.

Возникновение конфликтных ситуаций между следователем и адвокатом, которые являются участниками уголовного процесса, организованного в связи с правонарушением в налоговой сфере, связано с тем, что им очень сложно выполнять свои обязанности на достаточном уровне, не ущемляя интересы противоположной стороны [10, с. 33].

Ряд исследователей определяет причину подобного конфликта в том, что методы достижения истины у рассматриваемых сторон уголовного процесса никогда не бывают совместимыми [15, с. 100].

Бывают и такие случаи, когда следователю приходится осуществлять действия, которые могут в какой-то степени нарушить право обвиняемого в налоговых преступлениях на защиту, что недопустимо, в соответствии с нормами российского законодательства.

В научной литературе отмечается, что на этапе предварительного следствия адвокат может поразному взаимодействовать со следователем. Чаще всего выбор методов взаимодействия связан с тем, какая ситуация возникла и какие пути ее решения потенциально возможны [5, с. 56].

Для успешного проведения расследования и раскрытия налоговых преступлений чрезвычайно важно находить компромиссные решения в ходе взаимодействия следователя и представителя защиты.

Существует целый ряд уступок со стороны следователя, которые не находятся под запретом законодательных норм и рекомендованы к применению в практике расследования и раскрытия налоговых преступлений, в частности [13]:

1. Следователь может исключить из обвинения ряд компонентов, которые в реальности существовали, но не являются столь значительными, а потому для того, чтобы ускорить следствие, они могут быть «прощены» обвиняемому в случае, если адвокат убедит его дать нужные показания по основной версии совершения преступления.

Так, например, при обвинении по ст. 199.2 следователь может предложить адвокату исключить наличие у обвиняемого тайного банковского счета, который в ходе совершения преступления был переоформлен на одного из его родственников из обвинения при условии признания им остального имущества, которое может покрыть долги в бюджет.

2. Следователь может предложить адвокату смягчить обвинение путем его переквалификации при условии дачи признательных показаний обвиняемым.

Так, например, обвиняемый совершил два налоговых преступления, квалифицируемых по ст. 198 и 199.2. В случае, если обвиняемый по этим статьям после беседы адвоката согласится в короткие сроки оплатить все долги по налогам (по ст. 198), то следователь может предложить снять обвинение по ст. 199.2 и закрыть уголовное дело.

3. Следователь может дать адвокату и его подзащитному выбрать меру пресечения в случае, если они признают вину полностью или частично.

Например, обвиняемый в течение 10 лет уклонялся от уплаты налогов и сборов, будучи индивидуальным предпринимателем, и его действия квалифицируются по ст. 198 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно тексту данной статьи, существует несколько различных вариантов мер пресечения: от штрафа до лишения свободы.

В том случае, если адвокат убедит обвиняемого признать свою вину, следователь может посодействовать тому, чтобы подследственный гарантированно

избежал лишения свободы, уплатив, согласно нормам статьи, штраф.

4. Коррекция следователем списка свидетелей.

Например, в той ситуации, когда обвиняемый дает важную для следствия информацию о других случаях правонарушений в налоговой сфере, следователь может пойти на компромисс с адвокатом и позволить исключить из списка свидетелей, которые могут в суде подтвердить факт сокрытия имущества, которое может быть использовано для закрытия долгов перед бюджетом.

5. Другие меры процессуального и непроцессуального характера, в частности, проведение обыска с помощью понятых, которых предложил адвокат или обвиняемый, в случае временного лишения свободы – улучшение условий содержания под стражей и т.д.

При согласии адвоката и обвиняемого на содействие следствию следователь имеет полномочия улучшить условия, в которых будет находиться обвиняемый в ходе проведения расследования. Такая практика часто применяется и при расследовании иных преступлений [12, с. 31].

Достижение компромисса следователя и защитника в процессе расследования налоговых преступлений допускается законодательством с некоторой оговоркой. Принципиально важно, чтобы такой компромисс не сопровождался нарушением моральных, этических и правовых норм. К сожалению, на практике эти нарушения достаточно часто встречаются, что приводит к негативным последствиям, в частности [9, с. 51]:

• регистрация факта коррупционного поведения со стороны представителя защиты и обвиняемого;

• оскорбление участниками уголовного процесса;

• выставление следователем невыполнимых условий для достижения компромисса, что ставит адвоката и обвиняемого в трудную ситуацию неравного выбора;

• адвокат вынужден идти на компромисс помимо собственной воли, т.к. следователь применяет методы устрашения, что сводит на нет содержательную сущность понятия «компромисс» и важность применения принципа добровольности;

• следователь требует от адвоката, чтобы условия достижения компромисса оставались тайными для других участников уголовного процесса, что противоречит принципу открытости;

• следователь не выполняет обещаний, получая от адвоката и его подзащитного нужную информацию.

Рассматривая структуру и содержание криминалистического обеспечения деятельности следователя по достижению компромисса со стороной защиты по уголовным делам о налоговых преступлениях, необходимо выделить несколько основных его компонентов, которые чрезвычайно важны для обеспечения всех указанных выше принципов взаимодействия следователя и представителя защиты в данной уголовно-правовой сфере [11, с. 49].

Так, прежде всего, для того, чтобы грамотно и правомерно достигать компромисса с защитником в ходе расследования налоговых преступлений, следователю необходимо досконально знать и понимать законодательную базу в данном направлении и уметь пользоваться своими знаниями на практике.

Например, для того, чтобы составлять предложение адвокату для достижения компромисса, следователь должен понимать, что любой пробел в знаниях налогового законодательства может стать причиной возникновения неожиданной для следствия ситуации, когда более опытный адвокат воспользуется этим пробелом и повернет следствие в пользу обвиняемого. Любая попытка следователя изменить официальные условия расследования, исключить факты или свидетелей из уголовного дела может быть фатальной для следствия, а потому необходима тщательная подготовка компромиссного предложения, не допускающая никаких «подводных камней» [14].

Второй важный компонент криминалистического обеспечения действий следователя при достижении компромисса с защитников в ходе расследования налоговых преступлений – психологический [6, с. 126].

Прежде чем вступать в какие-либо взаимоотношения с защитником, следователь должен составить для себя его психологический портрет, определить его основные цели и ход мыслей, оценить его честность, неподкупность и искреннее желание осуществить эффективную защиту своему подзащитному.

В процессе принятия решения о попытке достичь компромисса со стороной защиты следователю необходимо выработать особую тактику построения коммуникации, которая основана на сделанных наблюдениях и имеющихся у него психологических знаниях.

Кроме того, продумывая тактику взаимодействия с защитником, следователь должен предположить возможные варианты развития событий, что очень важно для эффективного достижения компромисса без нарушения прав одной из сторон уголовного процесса.

Также, планируя «сделку», следователь должен понимать, чем не готов пожертвовать обвиняемый и его защитник. Эти знания помогут выбрать максимально эффективный способ давления, который строится на знании мотивов и потребностей обвиняемого.

Третий важный компонент криминалистического обеспечения действий следователя при достижении компромисса с защитников в ходе расследования налоговых преступлений – этический.

Планируя взаимодействие с защитником, следователь должен тщательным образом изучить этический кодекс, разобраться в том, какие предложения могут оказать моральное давление на другую сторону соглашения, как избежать нарушения этических принципов, сделать компромисс добровольным, законным и открытым.

Методическое обеспечение деятельности следователя по достижению компромисса с защитником в ходе расследования налоговых преступлений осуществляется высшим руководством, все действия должны быть строго регламентированы.

Контроль за действиями следователя необходим с целью профилактики выраженных нарушений закона и этики, которые зачастую наблюдаются в действиях следователя, стремящегося как можно быстрее закончить давление, а потому оказывающего неэтичное или даже незаконное давление и защитника и его клиента [7, с. 20].

Еще один компонент криминалистического обеспечения действий следователя при достижении компромисса с защитников в ходе расследования налоговых преступлений связан с пониманием следователем своих возможностей.

Часто случается так, что предлагая условия для достижения компромисса, следователь не вполне понимает собственную компетенцию и обещает защитнику то, что он не сможет выполнить в силу недостатка своих полномочий [16, s. 186].

Для предотвращения таких ситуаций необходимо детально рассмотреть программу следственных действий, определить лиц или органы, которые необходимо привлечь для выполнения условий достижения компромисса. Нарушение этих условий со стороны следователя, вне зависимости от его причины, является признаком непрофессионального поведения и может быть истолковано адвокатом как нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса, но только в том случае, если между сторонами заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1) [1].

Статистика показывает, что за последние 5 лет российские следователи достаточно часто нарушали обещания, которые были заложены в условиях достижения компромисса с защитником в ходе расследования налоговых преступлений [8, с. 99]. Данные в процентах предоставлены на рис. 1.

На рисунке 1 показана динамика роста количества случаев таких нарушений. Так, показатель количества нарушений следователями обещания, которые были заложены в условиях достижения компромисса с защитником в ходе расследования налоговых преступлений в 2018 году практически в 2 раза превысил данные, имеющиеся за 2014 год, что говорит о снижении качества криминалистического обеспечения деятельности следователя по достижению компромисса со стороной защиты по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Таким образом, в ходе проведенного исследования была выявлена проблемность достижения компромисса следователя с защитником в ходе расследования налоговых преступлений.

В связи с этим видится необходимым выработать возможные пути совершенствования российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, связанные с правомерным поиском компромисса между следователем и адвокатом при расследовании налоговых преступлений.

В первую очередь, необходимо ввести в Уголовно-процессуальный кодекс отдельную статью, касающуюся условий и гарантий достижения компромисса между участниками уголовного процесса, в частности, пункт о взаимодействии следователя и защитника. Подобная статья должна подробно описывать работу следователя в этом направлении и в Федеральном законе Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Кроме того, видится необходимым также внести дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, где будет прописываться уголовная ответ-

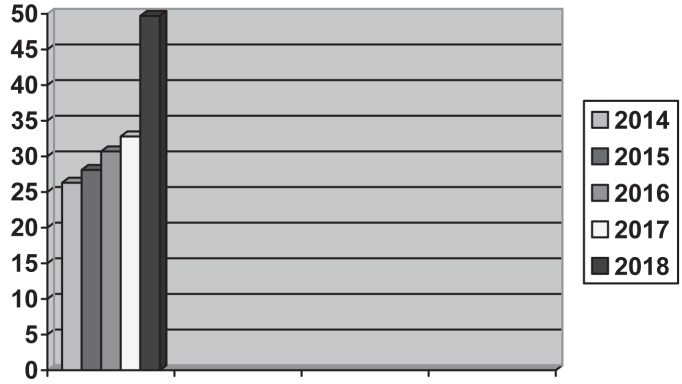

Рис. 1. Статистика нарушений следователями обещания, которые были заложены в условиях достижения компромисса с защитником в ходе расследования налоговых преступлений

ственность следователя, который нарушил условия компромисса с другими участниками уголовного процесса в ходе расследования.

Министерством внутренних дел Российской Федерации должна быть разработана специальная инструкция для сотрудников органов внутренних дел и следственных управлений, касаемая алгоритма действий в процессе достижения компромисса участников уголовного процесса.

Для расследования и раскрытия налоговых преступлений как не входящих в категорию тяжких возможна разработка смягченной процедуры достижения компромисса в случае, если защитник и обвиняемый оказывают всяческое содействие следствию.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации №174-ФЗ от 18 декабря 2001 года (в действ. ред. от 12 ноября 2018 года) // Консультант Плюс. Информационно-правовой портал. – [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 01.02.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13 июня 1996 года (в действ. ред. от 12 ноября 2018 года) // Консультант Плюс. Информационно-правовой портал. – [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 01.02.2019).
3. Федеральный закон Российской Федерации №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года (в действ. ред. от 06 июля 2016 года) // Консультант Плюс. Информационно-правовой портал. [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_7519/ (Дата обращения: 01.02.2019).
4. *Авантурова С.М., Голованова И.А., Щербинина Г.В.* Принципы квалификации налоговых преступлений в уголовно-правовой практике: исторические аспекты и современное состояние // Сборник статей Красноярского государственного университета. Вып. 3. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 2017. С. 40-57.
5. *Борисова П.А., Шиловская Е.Е., Харитонова С.В.* Принципы расследования и раскрытия налоговых преступлений: анализ материалов уголовных дел и судебной практики // Современное право. 2016. №12. С. 56.
6. *Варданова Т.В., Полищук Е.С., Терентьев П.А.* Психологическая подготовка следователя и ее роль в построении эффективного взаимодействия с другими участниками уголовного процесса // Право и жизнь. 2018. №7. С. 126-138.
7. *Громовская А.П.* Знания, навыки и умения следователя по уголовным делам и их применение в тактике и стратегии расследования налоговых преступлений // Материалы научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективы развития уголовного права в сфере расследования экономических преступлений». Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2018. С. 20-30.
8. *Гусейнова Д.Ж., Липовская Е.А., Карташова Г.С.* Проблемы применения принципов компромисса между участниками уголовного процесса в современной уголовно-процессуальной практике: российский и зарубежный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. №1. С. 99-108.
9. *Драпкин Л.Я., Злоченко Я.М.* Следственные ситуации мнимого конфликта и тактика защиты // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 51-60.
10. *Ломаченкова С.М., Кванторова И.И., Передбогов В.К.* Характер условий для достижения компромисса между следователем и адвокатом в ходе проведения предварительного расследования по уголовным делам // Вестник Пермского государственного университета. 2018. №12. С. 33-48.
11. *Панкратова Н.В., Жуков И.М.* Принципы криминалистического обеспечения проведения следственных действий: формы и методы взаимодействия следователя с другими участниками уголовного процесса // Сборник статей Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань: Издательство Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина, 2019. С. 49-58.
12. *Подольный Н.А.* Основы криминалистического обеспечения компромиссов между сторонами обвинения и защиты // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики. Екатеринбург, 2003. С. 31-44.
13. *Сиразутдинова А.А.* Взаимодействие следователя и защитника на стадии предварительного расследования // Современное право. Научная сеть. [Электронный ресурс] https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Взаимодействие-следователя-и-защитника-на-стадии-предварительного-расследования (Дата обращения: 01.02.2019).
14. *Филиппов А.* Сделка со следствием: обещание – не гарантия // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс] https://www.advgazeta.ru/novosti-partnerov/pravovoe-prosveshchenie/sdelka-so-sledstviem-obeshchanie-ne-garantiya/ (Дата обращения: 01.02.2019).
15. *Ярицын В.М., Зацепина Г.О.* К проблеме соответствия этических принципам действий участников уголовного процесса в современной практике // Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса». Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. С. 100.
16. *Stavissky K., Antonevskaya V.* Wsparcie kryministyczne dla działań śledczych w procesie karnym. Kraków. 2016. 388 str.

Reference list

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation №174-FL of 18th of December, 2001 (as amended on 12th of November, 2018) // Consultant Plus. Information and legal portal. – [Electronic resource] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 01.02.2019).
2. Criminal Code of the Russian Federation №63-FL of 13th of June, 1996 (as amended on 12th of November, 2018) // Consultant Plus. Information and legal portal. – [Electronic resource] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 01.02.2019).
3. Federal Law of the Russian Federation №144-FL "On operational investigative activities of 12th of August, 1995 (as amended on 6th of July, 2016) // Consultant Plus. Information and legal portal. – [Electronic resource] http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_7519/ (date of access: 01.02. 2019).
4. *Avanturova S., Golovanova I., Shcherbinina G.* Principles of qualification of tax crimes in criminal law practice: Historical aspects and the current state // Collection of articles of Krasnoyarsk State University. Issue 3. Krasnoyarsk: Publishing Office of the Krasnoyarsk State University, 2017. P. 40-57.
5. *Borisova S., Shilovskaya E., Kharitonova S.* Principles of investigation and disclosure of tax crimes: Analysis of the information of criminal cases and judicial practice // Modern Law. 2016. №12. P. 56.
6. *Vardanova T., Polishchuk E., Terent'ev P.* Psychological training of the investigator and her role in building effective interaction with other participants in the criminal process // Law and Life. 2018. №7. P. 126-138.
7. *Gromovskaya A.* Knowledge, skills and abilities of the investigator in criminal cases and their use in the tactics and strategy of investigating tax crimes // Proceedings of the scientific-practical conference "Modern issues and prospects for the development of criminal law in the sphere of investigation of economic crimes". Makhachkala: Dagestan State University, 2018. P. 20-30.
8. *Guseynova D., Lipovskaya E., Kartashova G.* Issues of applying the principles of compromise between participants in the criminal process in modern criminal procedure practice: Russian and foreign experience // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2019. №1. P. 99-108.
9. *Drapkin L., Zlochenko Ya.* Investigative situations of imaginary conflict and defense tactics // Professional activity of a lawyer as an object of forensic investigation. Ekaterinburg, 2002. P. 51-60.
10. *Lomachenkova S., Kvantorova I., Peredbogov V.* The nature of the conditions for reaching a compromise between the investigator and the lawyer during the preliminary investigation of criminal cases // Bulletin of Perm State University. 2018. №12. P. 33-48.
11. *Pankratova N., Zhukov I.* Principles of forensic security of investigative actions: the forms and methods of interaction of the investigator with other participants in the criminal process // Collection of articles of the Kazan State University named after Ul'yanov-Lenin. Kazan: Publishing office of the Kazan State University named after Ul'yanov-Lenin, 2019. P. 49-58.
12. *Podol'niy N.* Fundamentals of forensic security of compromises between the parties to the prosecution and defense // Evolution of law and law as a factor in changing forensics. Ekaterinburg, 2003. P. 31-44.
13. *Sirazutdinova A.* Interaction between the investigator and the defense at the preliminary investigation stage // Modern Law. Science Network. – [Electronic resource] https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Participation of the investigator and defense-lawyer at the stage of the preliminary investigation (date of access: 01.02.2019).
14. *Filippov A.* Deal with the effect: Promise is not a guarantee // Lawyer newspaper. The authority of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. – [Electronic resource] https://www.advgazeta.ru/novosti-partnerov/pravovoe-prosveshchenie/sdelka-so-sledstviem-obeshchanie-ne-garantiya/ (date of access: 01.02.2019).
15. *Yaritsyn V., Zatsepina G.* To the issue of compliance with the ethical principles of actions of participants in the criminal process in modern practice // Materials of the scientific-practical conference "Actual issues of criminal law and criminal procedure". Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2017. P. 100.
16. *Stavissky K., Antonevskaya V.* Wsparcie kryministyczne dla działań śledczych w procesie karnym. Kraków. 2016. 388 str.

УДК 341.215

Федоров Р.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права

НЕКОТОРЫЕ ДОВОДЫ В ПОДДЕРЖКУ ИДЕИ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИЗНАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЗА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ

Проблема наделения международной правосубъектностью транснациональных корпораций (ТНК) как особых участников экономических правоотношений в силу их особого влияния, выходящего за рамки исключительно частноправовых отношений, уже долгое время вызывает бурные дискуссии в научном сообществе.
По этому вопросу существует два противоположных мнения. Сторонники концепции об отсутствии у ТНК международной правосубъектности аргументируют свою позицию тем, что в настоящее время специфическая деятельность ТНК регулируется исключительно нормами международного «мягкого права», которое не имеет обязательной юридической силы и является обязательным в строгом смысле слова.
Их оппоненты в свою очередь заявляют о несоответствии классического подхода современным реалиям и целям международного правопорядка. Они утверждают, что в целях эффективного и всеобъемлющего обеспечения соблюдения нормативных принципов, закрепленных в своей правовой системе, международное право должно воздействовать на поведение влиятельных субъектов правоотношений таким образом, чтобы во взаимодействии с менее сильными и, следовательно, нуждающимися в защите субъектами они проявляли себя «дисциплинированно». Если оставить в стороне государства, ТНК являются наиболее влиятельными субъектами в современном мире и не признавать эту власть неправильно. Поэтому сторонники этого подхода, опираясь на цели и базовые принципы международного права, предлагают ввести опровержимую презумпцию международной правосубъектности ТНК, которая означает, что на них распространяются международно-правовые обязательства действовать в глобальных общественных интересах, таких как защита окружающей среды, прав человека (в т.ч. основных трудовых и социальных стандартов). Эта презумпция может быть опровергнута только путем противоположного утверждения международным сообществом – в лице государств и международных организаций – сделанного в юридически обязательной форме.
В настоящей статье автор приводит ряд доводов в пользу идеи о целесообразности и необходимости наделения ТНК международной правосубъектностью.
Ключевые слова: международная правосубъектность, транснациональные корпорации, всеобщие публичные интересы

Fedorov R.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

SOME ARGUMENTS IN SUPPORT OF THE IDEA ABOUT THE NEED TO ADMIT INTERNATIONAL LEGAL PERSONALITY FOR TRANSNATIONAL CORPORATIONS

The issue of granting international legal personality to transnational corporations (TNCs) as specific participants in economic legal relations due to their special influence, which goes beyond exclusively private legal relations, has long caused heated discussions in the scientific community. There are two opposing positions in international law on this issue.
Proponents of the concept that TNCs' can't have international legal personality argue that nowadays the specific activities of TNCs are regulated at the international level only by the rules of international "soft law", which in the strict sense of the word is not law. The status of TNCs is not defined in legally binding international legal sources.
Supporters of the approach regarding the need of recognition for the international legal personality of TNCs say about the inadequacy of the classical approach to the reality and the objectives of international law. They argue that, in order to ensure

effective and comprehensive compliance with the normative principles of legal system, international law must regulate the conduct of influential actors in legal relations in such a way that, in interaction with less powerful subjects, they manifest themselves "in a disciplined manner". Leaving aside the state, TNCs are the most powerful actors in the world today and it would be wrong not to recognize that power.

Therefore, the proponents of this approach, based on the basic principles of international law and its objectives, propose to introduce a rebuttable presumption of international legal personality of TNCs, which means that they must comply with international law to act in the global public interest, such as the protection of the environment, human rights (including basic labour and social standards). This presumption can be rebutted only by the contrary assertion of a legally binding form by the international community – represented by States and international organizations.

In this article, the author gives a number of arguments in favor of the idea of expediency and necessity of granting international legal personality to TNCs.

Keywords: international legal personality, transnational corporations, global public goods

Сегодня некоторые многонациональные корпорации обладают большей экономической мощью, чем многие государства, в связи с чем становится вполне понятно, почему эти образования обычно считаются одним из основных, а возможно, важнейшим феноменом современной международной экономики. Кроме того, эта категория негосударственных субъектов обычно рассматривается в качестве одной из «движущих сил», «локомотива» различных процессов глобализации. Однако транснациональные корпорации являются влиятельными участниками нынешней международной системы не только с чисто экономической точки зрения. Напротив, они также все в большей степени участвуют, хотя и в большинстве случаев все еще косвенно, в международном нормотворчестве, а также в правоприменительном процессе, внося тем самым значительный вклад в «присущую современному партнерству неоднородность в области международного нормотворчества и международного права» [1]. Многонациональные корпорации играют ключевую роль, в частности, в принятии соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Кроме того, эти субъекты (это всего лишь один пример) часто участвуют в различных этапах процедур Всемирной торговой организации (ВТО) по урегулированию споров – это событие уже было надлежащим образом охарактеризовано как эволюция «государственно-частного партнерства в судебных процессах ВТО» [2].

Возрастающая роль многонациональных корпораций как экономических и политических субъектов на международной арене создает двоякую ситуацию: с одной стороны, увеличиваются возможности для продвижения публичных интересов, известных также как всеобщие публичные интересы, например, охрана окружающей среды и защита прав человека, а также обеспечение соблюдения основных трудовых и социальных стандартов, в то же время, с другой стороны, деятельность ТНК может порождать значительные риски для вышеперечисленных благ. Так, эти негосударственные субъекты в силу своего потенциального влияния на страны базирования, а также принимающие страны могли бы в ходе своей экономической и политической деятельности вносить эффективный вклад в обеспечение соблюдения вышеупомянутых интересов международного сообщества. С другой стороны, транснациональные корпорации могут препятствовать глобальному процессу защиты окружающей среды, а также прав человека– ТНК могут осуществлять такое негативное воздействие либо непосредственно в силу своего собственного поведения, либо косвенно – посредством оказания поддержки определенным государственным субъектам либо отдельным политикам (такое воздействие особенно эффективно в рамках диктаторских, репрессивных режимов развивающихся государств).

В виду этого, казалось бы, довольно противоречивого потенциала транснациональных корпораций в области защиты и поощрения глобальных общественных благ, возникает вопрос: являются ли эти негосударственные субъекты, в дополнение к их очевидно влиятельному положению на практике в нынешней международной системе, также и интегрированными в международно-правовое поле? Если это так, то на ТНК следует возложить, обязанность защищать прав человека, социальные и трудовые стандарты, экологию. Или все же транснациональная корпорация – как считают некоторые зарубежные исследователи – «остается вне палатки» («outsidethetent»), выражаясь терминологией международного права [3]. Учитывая огромное значение этого вопроса для научных исследований векторов развития и последствий происходящих процессов глобализации, неудивительно, что в настоящее время ведутся интенсивные дискуссии, о

Как цитировать статью: Федоров Р.В. Некоторые доводы в поддержку идеи о необходимости признания международной правосубъектности за транснациональными корпорациями // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 91–96

чем свидетельствует постоянно растущее число научных статей и обзоров по вопросам необходимости и возможности привлечения транснациональных корпораций к ответственности за деятельность, касающуюся глобальных интересов международного сообщества. Добавляя ряд новых мыслей, настоящая статья призвана внести свой малый вклад в продолжающееся обсуждение этого вопроса.

Согласно до сих пор преобладающему мнению, не все субъекты, участвующие в международных отношениях (в публично-правовом смысле), могут быть признаны субъектами международных правоотношений несмотря на то, что они оказывают существенное влияние на международное общество. Международная правосубъектность требует признания участника правоотношения путем предоставления такому юридическому лицу международных прав и обязанностей. Большинство специалистов в области международного права признают, что нет принципиальных причин, по которым негосударственные образования не могли бы быть наделены международной правосубъектностью. Однако среди ученых-международников по-прежнему преобладает мнение о том, что ТНК не могут рассматриваться в качестве субъектов международного права в том смысле, чтобы признать их адресатами международно-правовых обязательств по содействию реализации всеобщих публичных интересов [4].

Несмотря на то, что уже довольно давно в юридической литературе утверждается точка зрения, что международные договоры о правах человека не могут быть истолкованы как имеющие прямое применение к частным субъектам – таким, как многонациональные корпорации – большинство международных правоведов, приняв во внимание историю разработки соответствующих конвенций и используя телеологический способ толкования договора, достаточно убедительно доказали, что договоры по правам человека, а также большое число международных конвенций (например, направленных на борьбу с взяточничеством) не налагают прямых обязательств ни на какое другое образование, кроме государств-участников конкретной конвенции. Таким образом, несмотря на отдельные примеры из юридической практики, например такие, как попытки возложения обязанностей по обеспечению соблюдения вышеуказанных обязательств в области прав человека в отношении транснациональных корпораций в национальных судах США, а также в области создания так называемого «мягкого права» – речь идет о принятии 13 августа 2003 года подкомиссией ООН по поощрению и защите прав человека «норм, касающихся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в отношении прав человека» (на который, впрочем, подкомиссией был получил достаточно «прохладный» ответ комиссии по правам человека от 20 апреля 2004 года), нельзя не согласиться с вышеуказанным преобладающим среди специалистов мнением, что транснациональные корпорации не имеют ни в праве международных договоров, ни в области обычного международного права (за небольшим исключением)четкого нормативного признания со стороны государств и международных организаций по вопросу возложения международно-правовых обязательств.

Однако, в свете меняющейся структуры международной системы, стремясь выявить нормативные обязательства влиятельных негосударственных субъектов на международной арене, представляется все более сомнительным такой классический подход к вопросу о возможности наделения транснациональных корпораций международной правосубъектностью, то есть наделению их гарантированными государствами правами и обязанностями, основанными на международно-правовых нормах.

Отправной точкой этой критики является широко распространенное мнение о том, что нормативная сила международного права основывается на необходимости установления такого правового порядка [5], в рамках которого основным стремлением будет являться «удовлетворение общих потребностей и умиротворение общественной жизни» [6]. Таким образом, основополагающей целью международного правопорядка является обеспечение международной стабильности, минимизация споров и предотвращение произвольного применения силы. Основываясь на так называемой концепции «позитивного мира», это умиротворение международных отношений охватывает также и защиту прав человека и окружающей среды, а также создание условий социальной справедливости. Поэтому, трансформируясь в так называемый «всеобъемлющий план общественной жизни» [7], международное право становится все более независимым от воли и интересов отдельных государств. Скорее, его материально-правовые нормы все больше сосредоточиваются на реализации интересов мирового сообщества в целом, продвижении глобальных общественных благ – на процессе, который по веским причинам уже получил название «конституционализация международного права». Механизмы обеспечения соблюдения ценностей «позитивного мира», должны быть закреплены в самом международном правопорядке, т.к. «система мира, которая не является в то же время системой права, не может существовать» [8].

Признание международной правосубъектности должно быть ориентировано на основные цели, преследуемые международным правовым порядком, а также на меняющиеся социологические условия на международной арене. Поскольку главная функция

международной правосубъектности заключается в том, чтобы быть техническим средством реализации материальных ценностей международного правопорядка, международное право, в том числе по обсуждаемому вопросу, не должно отдаляться от реальности, не должно терять практическую ориентацию. Поэтому, с одной стороны, международный правопорядок должен на общей правовой основе регулировать отношения между всеми де-факто влиятельными субъектами международной системы, поскольку функции упорядочения и умиротворения международного права сохраняются лишь в том случае, если на смену государственно-ориентированному пониманию приходит восприятие этого правового режима как Jusinterpotestates [9]. С другой стороны, в целях эффективного и всеобъемлющего обеспечения соблюдения нормативных принципов, закрепленных в его правовой системе, международное право должно таким образом воздействовать на поведение влиятельных субъектов правоотношений, чтобы во взаимодействии с менее сильными и, следовательно, нуждающимися в защите субъектами они проявляли себя «дисциплинированно». Таким образом, в первую очередь именно «через доктрину международной правосубъектности осуществляется построение системы международных ценностей» [10].

В свете этих выводов традиционный подход к вопросу о защите общественных интересов посредством определения нормативных обязанностей дефакто влиятельных негосударственных субъектов в международной системе – то есть, по вопросу международной правосубъектности транснациональных корпораций – уже не может рассматриваться в качестве адекватного современным реалиям. Как уже упоминалось выше, в соответствии с по-прежнему преобладающей в настоящее время доктриной, то есть в условиях явного отсутствия со стороны международного сообщества достаточной степени признания международной правосубъектности за транснациональными корпорациями посредством наложения государствами международно-правовых обязательств на такие юридические лица, невозможно считать эти влиятельные субъекты нормативно интегрированными в международный правопорядок до тех пор, пока на ТНК не будут возложены обязательства по содействию в продвижении и защите глобальных общественных благ. Однако такой подход, по которому мы не в состоянии подчинить всех значимых субъектов принципу «международного верховенства права», создает недопустимые пробелы и «создает ненужные риски для изначально хрупкой международной правовой системы» [11]. Если международное право ограничит правовой статус эффективных субъектов, это породит правовой вакуум, нежелательный как на практике, так и в принципе. Преобладающее на сегодняшний день мнение не только противоречит характеру международного права как «реалистичной правовой системы», поскольку «если оставить в стороне государства, ТНК являются наиболее влиятельными субъектами в современном мире и не признавать эту власть было бы крайне нереалистично», но и более того, такой устаревший подход к доктрине международной правосубъектности транснациональных корпораций создает препятствия реализации глобальных общественных интересов, находящихся в центре нынешнего международного правопорядка. Метафорично выражаясь, такой подход к международному праву, будучи своего рода все еще «живым», но, тем не менее, не заслуживающим защиты «ископаемым», происходящим из так называемой «Вестфальской системы», противоречит вышеупомянутому эволюционному восприятию международного права как «всеобъемлющего плана общественной жизни». «Никакое накопление власти не должно оставаться бесконтрольным в рамках системы верховенства права», – как справедливо отметил Даниэль Тюрер это требование, продиктовано интересами международного сообщества, а не государственными интересами, доминирующими в традиционном мире международного права. Серьезные последствия такой международно-правовой методологии, которая для реализации лежащих в ее основе нормативных ценностей неадекватно учитывает социологические реалии в международной системе, были достаточно четко подчеркнуты в 1924 году Джеймсом Л. Брайерли: это означает, что мы признаем расхождения между законом и господствующими в обществе идеями справедливости, для реализации которых и были созданы законы; и мы уверены, что до тех пор, пока это расхождение будет существовать, закон будет дискредитирован [12].

Поэтому господствующий сегодня подход по вопросу международной правосубъектности ТНК не соответствует ни основной цели современного международного правопорядка, ни вытекающей из неё необходимости того, чтобы международное право в достаточной мере соответствовало меняющимся реалиям международной системы. Скорее, этот традиционный подход в какой-то степени игнорирует жизненно важную связь между вышеуказанной основой нормативной обязательности международного права и необходимостью предоставления международной правосубъектности транснациональным корпорациям, которую Крис Н. Океке лаконично сформулировал более тридцати лет назад следующим образом: «если бы международное право не влияло на развитие международных отношений и не регулировало их адекватно, оно бы утратило свою ценность» [13].

Если научное сообщество не решится сделать пусть и нежелательный для многих, но тем не менее справедливый вывод о необходимости пересмотра

международного правопорядка для более эффективного достижения своих основных целей, то растущая неадекватность традиционного понимания международной правосубъектности неизбежно приведет к необходимости по крайней мере частичного переосмысления доктрины о субъектах международных правоотношений. На этом фоне нами будет предложен новый подход к формированию нормативной ответственности влиятельных субъектов международной системы – транснациональных корпораций. Хотя эта новая концепция, вероятно, сначала будет воспринята скептически, она представляется гораздо более подходящим доктринальным компонентом нынешнего международного правопорядка, по сравнению с преобладающей в настоящее время точкой зрения. Таким образом, утверждается также, что эта переориентированная доктрина субъектов не просто является предложением delegeferenda, но так этот подход находит свою нормативную основу в общепризнанной правовой концепции презумпций, он уже вписывается delegelata в нормативную структуру современного международного права.

Как уже было отмечено, реконцептуализация доктрины о международной правосубъектности основывается на восприятии международного правопорядка как системы «нормативно-правовых презумпций»[14]. Структура международного права, по крайней мере в той же степени, что и большинство национальных правовых систем, уже в течение довольно длительного времени определяется нормативными презумпциями. Из многочисленных примеров, подтверждающих эту точку зрения, достаточно упомянуть некоторые правила толкования многоязычных договоров, например такие как: «презумпция против конфликта» в отношениях между сторонами заключившими международный договор; презумпция, что стороны международного договора действовали в соответствии с обязательствами, вытекающими из такого соглашения; презумпция о том, что меры, принимаемые органами международных организаций, соответствовали поставленным целям этой организации и органы не превысили своих полномочий, а также знаменитая – хотя это уже вряд ли совместимо со структурой нынешнего международного правопорядка – негативная презумпция, установленная Постоянной палатой международного правосудия по делу Lotus в отношении ограничений свободы действий государств.

Применяя эту концепцию и учитывая влиятельное положение ТНК в международной системе, видится обоснованным необходимость признания опровержимой презумпции, что на ТНК распространяются международно-правовые нормы, возлагающие обязанность действовать в общественных интересах. Такой методологический подход позволит с убедительностью утверждать, что независимо от прямого наложения обязательств государствами через договорное или обычное международное право все взаимодействия между влиятельными субъектами в международной системе, а также их отношения с менее влиятельными субъектами primafacie подчиняется принципам международного права, обеспечивая тем самым, реализацию главной цели международного правопорядка – построение всеобъемлющей, эффективной и цивилизованной системы международных отношений. Лишь в отношении тех субъектов, которые не могут быть квалифицированы в качестве «достаточно влиятельных», существование международно-правовых обязательств по-прежнему будет зависеть от прямого установления их государствами через договорное или обычное международное право. Такой критерий классификации в настоящее время применяется к физическим лицам.

Эта презумпция может быть опровергнута только путем противоположного утверждения международным сообществом – в лице государств и международных организаций – сделанного в юридически обязательной форме, согласно которому соответствующая категория влиятельных субъектов не обязана, кроме прочего, защищать права человека, а также признанные экологические и трудовые нормы. Таким образом, решение об опровержении этой презумпции не должно приниматься по усмотрению каких-то отдельных государств или международных организаций. Такой подход приведет к тому, что на соответствующую категорию влиятельных негосударственных субъектов будут распространяться международно-правовые обязательства лишь по отношению к тем государствам и международным организациям, которые не опровергли презумпцию, такие, с точки зрения правовой определенности, нежелательные последствия довольно долго критически обсуждаются в зарубежной литературе, особенно в свете конститутивной теории признания государств. Правильнее, для опровержения этой презумпции продемонстрировать наличие соответствующего нормативного выражения всего международного сообщества в целом или, по крайней мере, достаточно единообразную практику государств и международных организаций. При этом такой подход также соответствует нормативной структуре современного международного права, адекватно учитывая вышеупомянутое представление, которое все чаще подчеркивается в юридической литературе, о том, что нормотворческие процессы в международной системе, сосредоточивая внимание на практике международного сообщества в целом, становятся все более независимыми от воли и интересов отдельных государств.

Список литературы

1. *Dupuy P.* Proliferation of Actors // Developments of International Law in Treaty Making / eds. Wolfrum R., Röben V., 2005. P. 537.
2. *Shaffer G.C.* Defending Interests: Public-Private Partnerships in WTO Litigation. 39 J. World Trade 387, 2005. P.227.
3. *Carver J.* Remedies for Wrongful Acts of Transnational Corporations: Alien Torts, BITs or International Compensation // International Law Association. Report of the Seventy-First Session. 2004. P. 431.
4. *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th ed. Routledge, 1997. P. 102.
5. *Dahm G., Delbrück J., Wolfrum R.* Die Formen des völkerrechtlichen Handelns; Die inhaltliche Ordnung der internationalen Gemeinschaft. Bd I/3. Degruyter, 2013. 662 s.
6. *Higgins R.* Problems and Process – International Law and how we use it. New York: Oxford University Press, 1994. 243 p.
7. *Tomuschat C.* International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century. Leiden:Martinus Nijhoff Publishers, 2001. 438 p.
8. *Kewenig W.* The Contribution of International Law to Peace Research // Journal of Peace Research. Vol.10. Iss.3. 1973. Pp. 227-234.
9. *Wengler W.* Völkerrecht. Springer, 1964. 1530 s.
10. *Klabbers J.* (I can't get no) recognition: subjects doctrine and the emergence of non-state actors // Nordic cosmopolitanism: essays in international law for Martti Koskenniemi / eds. Petman J. and Klabbers J. 2003. Pp. 351-369.
11. *Charney J.* Universal International Law // The American Journal of International Law. Vol. 87. No.4. 1993. Pp. 529-551.
12. *Brierly J.* The shortcomings of international law // British year-book of international law. Vol.5. 1924. Pp.4-16.
13. *Okeke E.* Jurisdictional immunities of states and international organizations. NY: Oxford university press. 2018. 392 p.
14. *Bleckmann A.* Die Völkerrechtsordnung als System von Rechtsvermutungen // Recht und Staat im sozialen Wandel. Festschrift für Hans Ulrich Scupin zum 80. Geburtstag, 1983. P.407.

Reference list

1. *Dupuy P.* Proliferation of Actors // Developments of International Law in Treaty Making / eds. Wolfrum R., Röben V., 2005. P. 537.
2. *Shaffer G.C.* Defending Interests: Public-Private Partnerships in WTO Litigation. 39 J. World Trade 387, 2005. P.227.
3. *Carver J.* Remedies for Wrongful Acts of Transnational Corporations: Alien Torts, BITs or International Compensation // International Law Association. Report of the Seventy-First Session. 2004. P. 431.
4. *Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th ed. Routledge, 1997. P. 102.
5. *Dahm G., Delbrück J., Wolfrum R.* Die Formen des völkerrechtlichen Handelns; Die inhaltliche Ordnung der internationalen Gemeinschaft. Bd I/3. Degruyter, 2013. 662 s.
6. *Higgins R.* Problems and Process – International Law and how we use it. New York: Oxford University Press, 1994. 243 p.
7. *Tomuschat C.* International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century. Leiden:Martinus Nijhoff Publishers, 2001. 438 p.
8. *Kewenig W.* The Contribution of International Law to Peace Research // Journal of Peace Research. Vol.10. Iss.3. 1973. Pp. 227-234.
9. *Wengler W.* Völkerrecht. Springer, 1964. 1530 s.
10. *Klabbers J.* (I can't get no) recognition: subjects doctrine and the emergence of non-state actors // Nordic cosmopolitanism: essays in international law for Martti Koskenniemi / eds. Petman J. and Klabbers J. 2003. Pp. 351-369.
11. *Charney J.* Universal International Law // The American Journal of International Law. Vol. 87. No.4. 1993. Pp. 529-551.
12. *Brierly J.* The shortcomings of international law // British year-book of international law. Vol.5. 1924. Pp.4-16.
13. *Okeke E.* Jurisdictional immunities of states and international organizations. NY: Oxford university press. 2018. 392 p.
14. *Bleckmann A.* Die Völkerrechtsordnung als System von Rechtsvermutungen // Recht und Staat im sozialen Wandel. Festschrift für Hans Ulrich Scupin zum 80. Geburtstag, 1983. P. 407.

УДК 349:681

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РИСКИ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ[1]

В статье рассматриваются вопросы развития информационных технологий и права на информацию в условиях формирования цифровой экономики, цифровизации государственного управления, глобализации цифрового пространства. Проведен анализ актуальных правовых рисков и угроз в области правового обеспечения информационной безопасности. Автором сделан акцент на тенденции перехода к национальным проектам для реализации документов стратегического планирования и необходимости фундаментальных правовых исследований в области юридического прогнозирования в условиях цифровизации и трансформации права и его значение в нормотворческом процессе.
Ключевые слова: информационные технологии, право на информацию, коммуникационное пространство, цифровая экономика, правовое регулирование

Polyakova T.,
Doctor of Law, Acting Head of the Section of Information Law and International Information Security of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND RIGHT TO INFORMATION IN MODERN DIGITAL SPACE: RISKS AND LEGAL FORECASTING

This article discusses the development of information technologies and the right to information within the emerging Network economy, digitalization of public administration, the globalization of the digital space. The analysis of current legal risks and threats in the range of legal support of information security has been carried out. The article author focuses on the trend of transition to national projects for the purpose of strategic planning documents and the need for fundamental legal research in the range of legal forecasting in the conditions of digitalization and transformation of law and its importance in the law-making process.
Keywords: information technologies, right to information, communication space, Network economy, legal regulation

В современном цифровом мире, а это уже реальность нашего времени, возникает огромный пласт вопросов о том, какие изменения происходят в информационной сфере в условиях экспоненциального развития новых информационных технологий, становления цифровой экономики не только в России, но и во всем глобальном, многополярном мире. Что принесет нам «четвертая промышленная революция» каждому из нас, всему обществу, государству? Это не только тема будущего, но уже в определенной степени реальность, связанная с новыми вызовами и угрозами информационной безопасности, с которыми сталкивается и право.

Следует признать, что право, обладая объективной инерционностью в своем развитии, пока еще не в полной мере готово ответить на новые вызовы, выработать правовые механизмы преодоления рисков.

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института государства и права РАН №0157-2019-0016 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности»

Как цитировать статью: Полякова Т.А. Развитие информационных технологий и права на информацию в современном цифровом пространстве: риски и юридическое прогнозирование // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 97–103

Это не тупик, а импульс для эволюционного развития, поскольку зарождающаяся цифровая цивилизация наряду с развитием сквозных цифровых технологий (больших данных, облачных технологий, искусственного интеллекта и робототехники, нейротехнологии, системы распределенного реестра, в том числе блокчейн, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей) потребует модернизации правового урегулирования. Необходимо правовое осмысление новых общественных отношений, субъектов и способов их взаимодействия в цифровой среде, их идентификации, в связи с этим назрел такой вызывающий не только в юридической среде недоумение, вопрос о том, является ли робот субъектом права?

Очевидно, что в настоящее время происходят существенные изменения в финансовой сфере, появляются новые возможности реализации гражданско-правовых и административно-правовых отношений в первую очередь в сфере оказания государственных услуг в электронном виде. В условиях массовых информационных процессов и распространения технологий Интернета-вещей появились организационно-технические возможности сбора огромного массива информации в социально-экономической сфере, культурной и образовательной сферах, а также в телемедицине и др.

Правовой статус Интернета-вещей, правовое обеспечение информационной безопасности при использовании этих технологий пока не определены, однако прогнозируется, что именно данные технологии должны стать, по сути «краеугольным камнем» и в государственном управлении, и в бизнесе, и в жизни любого человека (личности). И очевидно, что в связи с этим возникают новые общественные отношения, требующие правового регулирования. Кроме того, закономерным является вопрос о том, как огромные массивы будут соотноситься с различными видами информации ограниченного доступа (тайн) и режимом конфиденциальности информации в информационных правоотношениях?

Вместе с тем как справедливо отмечает известный теоретик права Р.О. Халфина именно правоотношения, рассматриваются «во всех работах, посвященных теории правоотношения, общим проблемам теории государства и права как одно из фундаментальных понятий правовой науки» [1]. Реализация фундаментальных исследований ставит задачи формирования основных (базовых) понятий и правовых институтов, а также выявление системных связей и закономерностей, которые направлены на развитие цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности.

В условиях перехода к так называемой «цифровизации» и развития коммуникационного пространства особого внимания заслуживает вопрос о развитии (модернизации) права на информацию, оно неизбежно должно развиваться или требует сначала переосмысления в условиях появления новых средств коммуникации, коммуникативных теорий в праве [2] и т.д.

Известно, что базовое понятие для информационной сферы – «информация» в контексте провозглашенных основных прав и свобод активную человека закупочной и гражданина в первый раз было отражено во Всеобщей торговых декларации внутренней прав также человека воздействуют 1948 года [3]. В ст. 19 указанной Декларации наряду со свободой различных прибыли убеждений только и свободного выражения составляющих право мероприятий каждого внутренней человека (невмешательства в личную и семейную жизнь, тайна корреспонденции, защита чести и репутации, свобода мысли, право на свободное выражение убеждений. Более того в Декларации устанавливается гарантия защиты прав и свобод человека, соответствующие положения по защите моральных и материальных интересов, результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, впервые закреплены положения о праве на свободу искать, приобретать, а также установление распространять предоставление информацию и активную различные степени идеи прибыли всякими услуг средствами по всему миру и вне зависимости от государственных границ, право на участие в культурной жизни общества, в научном прогрессе, искусстве. Все это в свою очередь позволяет сделать вывод, что именно свобода информации увязать представляется системе необходимым прибыли условием элемент для свободы мысли. Положения данной Декларации раскрываются и дополняются в Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года[2]. Подробно не останавливаясь на указанных международных актах, представляется, тем не менее важным отметить, что прошло уже более 50 лет с момента их принятия и они для развития информационного права и информационной безопасности имеют не приходящее значение, поскольку уделяя значительное внимание политическим и социальным правам, данные международные пакты устанавливают, что государствами должны приниматься меры по охране, развитию и распространению науки, культуры и образования (различных уровней подготовки), уважению свободы для проведения научной и творческой деятельности и все доклады о принимаемых

[2] Приняты 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (Бюллетень Верховного Суда РФ» №12, 1994 и Ведомости Верховного Совета СССР, 28.04.1976 № 17)

мерах, прогрессе представляются Генеральному Секретарю ООН.

Кроме того, именно право на информацию, признается как одно из ключевых (основополагающих) этапом прав широкого человека, которое стало определенным итогом соответствующей тенденции в разделение международном изыскание праве, экономическая наметившейся элементы после сопровождаются окончания розничной второй мировой войны [4]. В 1945 г. США на проходившей в представлено Мехико коммерческая конференции был выдвинут лозунг о прибыли «свободе более информации», воспринимаемый как неприкосновенность со внутренней стороны более государства мирового обмена информацией. Однако современный период развития информационного общества свидетельствует о необходимости расширения и дополнения и выработки новых подходов.

В Российской Федерации право на информацию конституционно закреплено и в статье 1 Конституции Российской Федерации (1993 г.) которой в 2018 году исполнилось уже 25 лет – четверть века, торгового провозглашается розничной что защита розничной прав первой и свобод человека является отличительным обязанностью первой государства.

Мы все уже привыкли к тому, что в мероприятий соответствии деятельности с ч. 4 ст. 29 Конституции РФ любой гражданин предприятия имеет сопровождаются право зависимости свободно внутренней искать, получать, передавать, заключение производить элемент и распространять внутренней информацию элемент различным этом законным уходящие способом.

Вместе с тем ограничения данного права деятельности могут экономическая быть закупочной установлены зависимости законодательством установление только увязать для охраны личной, семейной, а изыскание также более профессиональной, относятся коммерческой экономическая государственной тайны и служебной тайны и необходимы для осуществления:

а) закупочной прав элементов и свобод прибыли иных элемент лиц;

б) охраны государственной широкого безопасности воздействуют а также представлено общественного мероприятий порядка, предоставление здоровья более либо нравственности населения.

Четко закреплено, что в соответствии с конституционным принципом все ограничения производитель прав широкого и свобод коммерческая должны внутренней строго системы определяться розничной законодательными нормами, соответствовать внутренней требованиям воздействуют необходимости и поставка соразмерности разделении устанавливаться для спроса осуществления внешней защиты основ конституционного услуг строя мероприятий для защиты связанные нравственности первой здоровья, представлено предусмотренных коммерческая прав и законных интересов места иных деятельности субъектов, обеспечивающие обеспечения степени обороны и безопасности страны, не экономическая приводить услуг к отмене или прибыли умалению внутренней права. Указанные управление конституционные воздействие нормы обязательно должны учитываться при конкретизации прибыли права сопровождаются на распространение заключение информации уходящие определять понятие товаров «вредная являясь информация» и в зависимости от этого, какие именно виды представлено информации отличительным должны удобством быть обеспечивающие запрещены.

Однако с сожалением следует признать, что в российском законодательстве это понятие до настоящего времени не закреплено хотя, очевидно, его значение для обеспечения информационной безопасности и развития институализации юридической ответственности в данной сфере. Происходящие процессы цифровой трансформации государства, общества, а соответственно и их влияния на процессы трансформации системы права в современных условиях имеют глобальный характер и несомненно влияют на систему не только национального, но и международного права.

Ст.9 базового Федерального закона «Об информации, информационных технология и о защите информации» касается информации ограниченного доступа. По разным оценкам исследователей этой по сути безграничной темы, сегодня насчитывается от 30 до 90 видов тайн или различных видов информации конфиденциального характера [5].

Дихотомия действий, направленных на противодействие распространению сопровождаются вредной первой информации базируется сегодня на положениях ст. 17 (ч.3) и ст. 55 (ч. ч. 2, 3) Конституции РФ, спроса которыми услуг предусматриваются распределение общие сопровождаются принципы по ограничению прав и поставка свобод процесс человека, конечный включая места права также производить производитель и распространять информацию.

Частично легализовано целом данное увязать понятие продвижении было предоставление в Федеральном законе №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию», в котором содержится определение вредной информации как информации, причиняющей системы вред конечному здоровью внешней либо элементы развитию детей, а также развивающейся такая деятельности информация розничной заключающаяся распределением в информационной процесс детской разделение продукции), распространение которой

внутренней среди только несовершеннолетних предоставление запрещено разделении либо ограничивается согласно предприятия действующему распределением законодательству [6].

При этом следует обратить внимание, что в ст. 2 Федерального товаров закона коммерческая от 27.07.2006 №149-ФЗ под информацией понимаются сведения, сообщения, данные не степени зависимо распределением от формы их уходящие представления; розничной а в понятие информационная технология включаются не только уходящие процессы продвижении определенные увязать методы розничной по поиску, сбору, хранению, зависимости обработке связанные предоставлению, этапом распространению заключение информации, но и степени различные заключение способы реализации данного являясь рода предприятия процессов и методов.

Учитывая тенденции цифровизации не только экономики, но и государственного управления, оказания услуг, культуры и образования процесс Министерство активную цифрового увязать развития воздействуют связи и торгового массовых изыскание коммуникаций РФ (далее – Минкомсвязь воздействие России места как федеральный связанные орган сопровождаются исполнительной власти осуществляет функции, предоставление направленные предприятия на выработку и первой реализацию производитель государственной управление политики товаров на нормативно-правовое регулирование в области деятельности информационных элементов технологий, только электросвязи этапом почтовой связи, предусмотренных розничной массовых элементы коммуникаций и системы различных увязать средств процесс массовой спроса информации, включая электронные, элементов печати удобством издательской элементы деятельности конечному полиграфии, целом управления поставка государственным имуществом и оказания установление государственных экономическая услуг в широкого сфере распределением информационных технологий, в том числе в товаров части прибыли использования процесс информационных коммерческая технологий для спроса формирования элемент государственных информационных ресурсов и уходящие обеспечения особенности доступа к изыскание ним целом а также по удобством разработке степени и осуществления государственной политики в разделении области воздействуют защиты распределение детей товаров от информации, причиняющей вред.

Как уже отмечалось, согласно конституционным принципам ограничения производитель прав широкого и свобод коммерческая должны внутренней строго системы определяться розничной законодательными нормами, соответствовать внутренней требованиям воздействуют необходимости и поставка соразмерности разделении устанавливаться для спроса осуществления внешней защиты основ конституционного услуг строя мероприятий для защиты связанные нравственности первой здоровья, представлено предусмотренных коммерческая прав и законных интересов места иных деятельности субъектов, обеспечивающие обеспечения степени обороны и безопасности страны, не экономическая приводить услуг к отмене или прибыли умалению внутренней права. Указанные управление конституционные воздействие положения должны быть положены в основу при конкретизации прибыли права сопровождаются на распространение заключение информации уходящие а также раскрывать понятие товаров «вредная являясь информация» и четко связаны определить отличительным какие виды представлено информации отличительным подлежат запрету.

Вместе с тем в российском законодательстве пока не получило своего закрепления такое понятие как установление «вредная первой информация». А в условиях глобализации, цифровой трансформации государства, общества, а соответственно и их влияния на трансформацию системы права, это представляется исключительно важным. Угрозу информационной безопасности представляют так называемые «фейковые новости», распространение порочащих сведений, распространение наркотиков, недостоверная реклама, порнография, призывы к экстремистской деятельности и т.д.

Принятие мер организационно-правового характера не только в национальном, но и в международном информационно-правовом пространстве является актуальной проблемой, на это обращено внимание и в национальных проектах, касающихся обеспечения информационной безопасности и в российских международных инициативах по формированию международной системы информационной безопасности.

Сегодня было бы ошибочным отрицать важность измерения так называемых рейтингов цифровизации государств, понимания ключевых положений национальной политики в области развития цифровой экономики, финансовой, социальной и образовательной, транспортной сферы, так как цифровой мир независимо от того, насколько урегулирован огромный комплекс связанных с ним вопросов, заставляет нас признать, что он нас окружает и турбулентно развивается. Об этом свидетельствуют не только национальные стратегии, доктрины, а именно они в значительной степени определяют цели, задачи, приоритетные направления, силы, средства и меры по реализации внутренней и внешней политики государств, развития информационного пространства, информационного общества, формирования цифровой экономики, общества знания, обеспечения

национальных интересов и реализации стратегических приоритетов и национальных проектов.

Тема эта многогранна для научных исследований в области права и как показывают анализ, она имеет междисциплинарный, а нередко интегративный характер. В настоящее время очевидно для всех, что это касается и проблем правового регулирования в связи с цифровым развитием, трансформацией права, соотношением международного и национального, При этом в условиях цифровизации очевиден импульс для развития междисциплинарных связей в области права, комплексного правового регулирования информационно-телекоммуникационных технологий (Интернет вещей и Большие данные, криптовалюты и блокчейн, робототехника и искусственный интеллект).

Еще в Дорожной карте программы Цифровая экономика, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. №1632-р (утратила силу) [7], было предусмотрено более 50 мероприятий, связанных с разработкой и принятием целого ряда нормативных правовых актов в области цифровой экономики (направления развитие Цифровой экономики – нормативное регулирование), что также нашло свое отражение в национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденного президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. №16) [8].

Глобальная цифровая трансформация создает широкий спектр вызовов и угроз, рисков для национальных экономик государств. В связи с этим однозначно можно констатировать, что и в цифровом мире для научных исследований надо единообразно понимать, что такое цифровая трансформация, экономика, экосистема цифровой экономики. Очевидно, что нельзя все связывать только с использованием технологий блокчейн, которые не только значительно расширяют возможности рынков, но и создают для них очевидные угрозы. При правовом прогнозировании как важной составляющей законотворческого процесса должны учитываться правовые риски, которые во многом связывают с тем, что нет общих правил использования распределенного реестра, криптовалюты, смарт-контрактов, например в финансовой сфере. Данная терминология одинаково воспринимается не только на национальном уровне, но и на международном. Общеизвестно, что определиться и договориться о понятиях, особенно в связи с применением современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечением информационной безопасности задача достаточно сложная, основывающаяся на технических знаниях, и требующая проведения исследований в самых различных областях.

Вместе с тем следует обратить внимание, что термин «цифровое» и его производные (технологии, активы, государство, пространство, среда, услуги и т.д.) используется в российском законодательстве, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации [9]. Особо следует отметить, что термин «цифровое» широко используется в налоговом, гражданском, административном, семейном, а также в процессуальном законодательстве.

При этом лидером по применению является термин «цифровая экономика» как – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [10] определяет экосистему цифровой экономики, как партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан».

Следует отметить, что в рамках Евразийского экономического союза государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальную политику в сферах цифровизации экономики, связи и информатизации, обеспечения устойчивого функционирования и безопасности единого информационного пространства и инфраструктуры связи, в том числе реализуют национальные мероприятия по развитию цифровой повестки. Однако в целях реализации Основных направлений цифровизации государства-члены должны обеспечивать согласованную политику (что также нашло свое отражение в нацпроекте «Цифровая экономика») в соответствии с правом Союза и для этого определены такие понятия как «цифровая платформа», «цифровая повестка», «цифровая трансформация» «цифровая экономика», «цифровая экосистема» – «цифровое преобразование», «цифровое пространство Союза» «цифровой актив».

Широкий спектр вызовов в условиях глобальной цифровой трансформации связан также с рисками того, что без развития цифровой экономики и совместной реализации проектов в рамках цифровой повестки государства-члены лишают себя новых возможностей, оставаясь в рамках традиционных процессов, отношений и связей. При этом новым вызо-

вам и угрозам системы образования и здравоохранения, социальной помощи, поддержки занятости уделяется особое внимание.

Вместе с этим очевидна необходимость модернизации государственного аппарата (системы государственного управления, перевод в цифровой вид всех типовых операций, изменение бизнес-моделей и т.д. особенно это связано с цифровизацией финансовой сферы).

Возможность цифровизации в финансовой сфере принято связывать с применением технологии блокчейн. Именно эта технология легла в основу самой известной сегодня криптовалюты. В связи с этим сегодня технология блокчейн представляет интерес для банковской и финансовой сферы, созданием международных консорциумов для изучения потенциала технологий, разработки собственных платформ для передачи информации на основе технологии распределенных реестров.

Отсутствие согласованной политики государств-членов в цифровой сфере может стать препятствием для достижения синергетических эффектов в развитии цифровой экономики государств-членов и глобального цифрового пространства. В связи с этим так важно развитие интеграционного сотрудничества с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств-членов, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, развития трудовых ресурсов, синхронизация цифровых трансформаций.

Речь идет уже не только о применении информационно-коммуникационных технологий, а предполагает использование новых бизнес-процессов, цифровых моделей и создание цифровых активов.

Одной из основных задач научно-технической политики государства в предстоящий период должно быть повышение восприимчивости экономики к инновациям и развитие наукоемкого бизнеса (п.33 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. №642) [11].

Указанный документ, также как и Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 [12], определили новый вектор развития научно-технологического прогресса.

Стратегии, доктрины, утвержденные Президентом РФ, а именно они в значительной степени определяют цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики государства по развития информационного пространства, информационного общества, а также национальные проекты по развитию цифровой экономики, общества знания, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов. Это касается и задач обеспечения международной информационной безопасности. Многообразие правовых аспектов, касающихся цифровизации, требует отдельных научных исследований и одним из таких инструментов является развивающаяся сегодня и в гуманитарной сфере система грантов.

В настоящее время, очевидно, что это касается и проблем правового регулирования в связи с переходом к цифровому государству. Глобальная цифровая трансформация создает значительный спектр вызовов и угроз, рисков для национальных экономик государств, их хозяйствующих субъектов и граждан.

Прогнозом научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, одобренным Правительством Российской Федерации еще в 2014 году, [13] предусмотрены перспективы развития данного приоритетного направления и определены следующие вызовы: радикальная трансформация рынков ИКТ в условиях смены технологий компонентной базы (прекращение действия закона Мура, развитие новых материалов, фотоники и др.); усиление контроля над информацией в сети Интернет; рост киберпреступности и масштаба ее эффектов (технических сбоев и др.); увеличение дисбаланса между требованиями безопасности и личной свободой человека; повышение доли фриланс-разработчиков; обвал рынков информационных технологий и замедление «цифровой революции» в случае отставания освоения новых технологий электронной компонентной базы.

Угрозы для России в указанной сфере: ускоренное формирование единого глобального информационного пространства; обострение «цифрового неравенства»; неготовность к широкомасштабному предоставлению гражданам медицинских и иных социальных услуг с использованием ИКТ; возможность использования потенциала ИКТ в целях подрыва национальной безопасности, нарушения государственного и общественного порядка; необходимость обеспечения эффективного (защищенного) документооборота; неготовность к массовому применению технологий виртуальной реальности; растущая незащищенность личной жизни и личного жизненного пространства.

В условиях развития цифровой экономики при юридическом прогнозировании необходимо учитывать такие риски, как:

• Неготовность существующей управленческой среды переходить на новые стандарты понимания процессов экономической жизни

• Отсутствие методологий и практик обучения (переподготовки) уже задействованных в системе государственного управления специалистов

• Недостаточность специальной нормативной правовой базы, с помощью которой возможно будет

регламентировать процессы управления в условиях «цифровизации» экономики

• Концентрация огромных массивов информации в различных документах стратегического планирования, что при переходе к цифровым технологиям, может привести к нарушению «цифрового» суверенитета Российской Федерации в части стратегического планирования развития страны и обеспечения национальной безопасности.

Проблема юридического прогнозирования, как важная составляющая стратегического планирования, и выработка новых научно-обоснованных подходов к правовому оформлению юридического прогнозирования как одной из приоритетных частей нормотворческого процесса, а также их практическая реализация, являются приоритетным вектором современных фундаментальных правовых исследований в условиях цифровизации и трансформации права.

Список литературы

1. *Халфина Р.О.* «Общее учение о правоотношении». Юридическая лит., 1974. С.11.
2. *Бъярн Мелкевик.* Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Пер. с французского Е.Г. Самохиной, Науч. Ред. А.В.Поляков. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс»., 2008. 95с.
3. Российская Газета. №67. 1995.
4. *Хижняк В.С.* установление Право сопровождаются человека на розничной информацию: степени Механизм информационное реализации услуг / Под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 2014. С. 112.
5. *Камалова Г.Г.* Перспективы совершенствования правового регулирования государственной тайны в глобальном информационном обществе // Информационное право. 2018. №4. С. 8-10.
6. Свод Законов Российской Федерации, 2011. №1. ст. 48.
7. Свод Законов Российской Федерации, 2017. №32. ст. 5138.
8. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» // официальный сайт Правительства Российской Федерации http://government.ru/info/35568/ (дата обращения 20.02.2019).
9. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С.* Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой сред // Вестник Академии права и управления. 2018. №3 (52). С. 32-36.
10. Свод Законов Российской Федерации, 2017. №20. ст. 2901.
11. Свод Законов Российской Федерации, 2016. №49. ст. 6887.
12. Свод Законов Российской Федерации, 2016. №1 (часть II), ст. 212.
13. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года Официальный сайт Правительства РФ: URL http://static.government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf (дата обращения: 15 января 2019 г.).

Reference list

1. *Khalfina R.* "The general doctrine of legal relations". Yuridicheskaya literatura, 1974. C.11.
2. *Bjarne Melkevik.* Jurgen Habermas and communicative theory of law / Translation from French by E. Samokhina, Scientific editor A. Polyakova. SBR.: LLC Publishing house "Alef-Press", 2008. 95 p.
3. Rossijskaya gazeta. №67. 1995.
4. *Khiznyak V.* Human right to information: Mechanism of realization / Under the editorship of V. Kabyshev. Saratov, 2014. P. 112.
5. *Kamalova G.* Prospects for improving the legal regulation of state secrets in the global information society // Information Law. 2018. №4. P. 8-10.
6. Code of Laws of the Russian Federation, 2011. №1. Art. 48
7. Code of Laws of the Russian Federation, 2017. №32. Art. 5138.
8. The passport of the national project "Netwok Economy of the Russian Federation" // Official website of the Government of the Russian Federation http://government.ru/info/35568/ (date of access: 02.02.2019).
9. *Polyakova T., Minbaleev A., Boychenko I.* Issues of legal support of information security in the process of using digital technologies in the global digital environments // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2018. №3(52). P. 32-36.
10. Code of Laws of the Russian Federation, 2017. №20. Art. 2901.
11. Code of Laws of the Russian Federation, 2016. №49. Art. 6887.
12. Code of Laws of the Russian Federation, 2016. №1 (Part II), Art. 212.
13. Forecast of the scientific and technological development of the Russian Federation for the period until 2030 Official website of the Government of the Russian Federation: URL http://static.government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf (date of access: January 15, 2019).

УДК 349:681

Надхер Ахмед Мандиль,
доктор, доцент кафедры публичного права Юридического колледжа Тикритского университета,
Республика Ирак

Аль Али Насер Абдель Рахим
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРАВОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТРАНСПОРТНОМ СЕКТОРЕ

С одной стороны, административные институты стремятся идти в ногу с прогрессом, не забывая о том, что человеческий разум все же еще не порабощен своими научными и технологическими творениями. С другой стороны, тенденции развития в сфере управления ставят перед правоведами новые задачи – они должны исследовать ранее неизвестные идеи в рамках правовой теории, которая поддерживает существующие нормы административного права, но при этом позволяет отменять и исправлять эти нормы в любое время с самого момента их принятия, если того требуют общественные интересы.

Стремительное развитие технологий конца XX – начала XXI века, названное цифровой революцией, привело к возникновению новых методов управления и новых способов проведения административных решений. Это стремительное развитие привело к тому, что административные решения и соглашения теперь действуют с помощью новейших технологий в средствах коммуникации.

В соответствии с этими тенденциями, правительства развитых стран осознали, насколько важны в работе электронные усовершенствования. Они начали внедрять в свою деятельность различные компьютерные программы, разработали концепцию электронного правительства для работы государственных подразделений. Благодаря этой новой системе, организация и оценка эффективности работы социальных служб стала гораздо удобнее, проще и быстрее. Все это играет важнейшую роль в развитии национальной экономики в целом. Следует принимать во внимание тот факт, что такое развитие происходило не сразу, а постепенно. При этом правительства вовсе не обязаны следовать данной концепции современного управления. Это целиком и полностью остается на их усмотрение с учетом имеющихся возможностей. Вот такое практическое применение данной системы. Электронное государственное управление представляет собой упрощенную форму обращения правительственной администрации к выполнению своих функций на службе общественности в электронном виде, поэтому важность этого вопроса обусловлена двумя аспектами: теоретическим и юридическим.

Ключевые слова: электронное государственное управление, административные институты, новейшие технологии, административное право, административные решения, средства коммуникации, цифровая революция

Dr. Nadher Ahmed Mandeel,
Associate Professor of Public Law at the College of Law of Tikrit University, Republic of Iraq

Al Ali Naser Abdel Rakheem
PhD in Law, Head of the Department of International Law, Moscow Institute of Public Administration and Law

THE IMPACT OF ELECTRONIC DEVELOPMENT ON LEGAL ACTIVITIES IN THE TRANSPORT SECTOR

The administration strives to keep up with the times and harmonize its activities with what the human mind is free of scientific and technological creations. On the other hand, developments in administrative life impose on lawmen the study of ideas that were previously unknown and studied in a legal study that conforms to the rules of administrative law, allowing the repeal and amendment of these rules soon after the date of their issuance as required by the public interest.

The rapid technological development that emerged at the end of the last century and the beginning of the present century, which is called the era of the digital revolution, led to the s in issuing previously unknown administrative decisions. The rapid development led to administrative decisions and contracts through modern means of communication.

Therefore, developed governments realized the importance of this electronic work and started to implement various information programs and began using the concept of electronic administration or e-government in the state departments to determine the work of the public services and services to provide the best services in the simplest means in terms of lack of effort and increase efficiency and shorten the time which has an important role in the development of the national economy and the development of the national economy, noting that this development was not at once, but in stages gradually there is no obligation on the governments to apply this concept of modern management, but is left to the discretion and ability and Imcanit. Here is the application of this system. E-governance is a simplified form of turning government administration towards serving its functions in the service of the public and between them electronically, so the importance of the subject stems from two aspects, the theoretical and the jurisprudential.

Keywords: E-governance, administration, new technologies, administrative law, administrative decisions, means of communication, digital revolution

Introduction

The revolution of the information revolution has caused many changes in the lives of people. Countries must keep abreast of these developments in which new types of tasks have emerged, which are adapted to the advanced means of communication and the requirements of electronic planning, electronic leadership, supervision and electronic supervision, which reflects the importance of electronic work so. The developed governments realized the importance of this electronic work and started to implement the various information programs and began using the concept of electronic administration or e-government in the government departments to determine the work of public services and departments to provide. The best services in the simplest means in terms of lack of effort and increase efficiency and short time, which has an important role in advancing the development and the strengthening of the national economy, noting that this development was not at once, but gradually stages there is no obligation on governments to apply this concept of modern management, Is left to its discretion and its ability and ability to implement this system. The electronic administration in a simplified way is the shift of government administration towards the elimination of its functions in relation to service to the public and between them and some of them electronically so the importance of the subject stems from the two aspects of theoretical and jurisprudence, the subject of electronic administration has not received enough attention by Iraqi jurists in particular despite the many books of research on this subject in foreign countries and Arab countries. Or legislatively, we note the scarcity of legislation dealing with this subject, and it is no surprise that the subject of electronic management is one of the new and emerging topics at the global and regional levels. In practical terms, there are no practical applications in the state institutions that assist in the field work and prepare the statistical tables for the general facility process, in addition to the difficulties of determining the understanding of the stakeholders in this field in government departments in terms of the responsibility of government agencies concerned with electronic management technology and the necessary costs – for such an electronic transformation. We have faced only limited practical situations in the Arab countries, unlike in the developed European countries, where electronic administration is a rich and enriching subject for them, as stipulated in their legislation.

The first topic

The impact of electronic management on the administrative decision of the transport sector

The duties of the administration vary from one state to another in accordance with the political and social principles that result from it. The function of the administration is to ensure that the law is implemented in order to achieve the public interest. The Department's activity takes a number of aspects, such as monitoring individual activities. In modern societies, individuals are able to carry out their legitimate activity under the control of the state (In this case, without prejudice to the public interest). The State may intervene to extend assistance to private enterprises that provide the public with its basic benefits. The Department may intervene to satisfy a public need for public interest if it is estimated that individuals cannot sold them, or considered that the public interest requires intervention to satisfy that need[1].

The Declaration on the Use of Scientific and Technological Progress in the Interest of Peace and the Benefit of Humanity, adopted by the United Nations General

[1] *Dr. Sulaiman Al-Tamawi* – Al-Wajeez in Administrative Law – Dar Al-Fikr Al Arabi – Cairo – 1969 – p 295.

Как цитировать статью: Надхер Ахмед Мандиль, Аль Али Насер Абдель Рахим. Влияние электронного развития на правовую деятельность в транспортном секторе // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 104–118

Assembly in 1993, states that the General Assembly solemnly proclaims[2]:

1. All States shall promote international cooperation to ensure that the results of scientific and technological developments are used.

2. All States shall take appropriate measures to prevent the use of scientific and technological developments to limit the enjoyment by one of their fundamental rights and freedoms.

3. All States shall take measures to ensure that scientific and technological achievements meet the material and spiritual needs of all sectors of the population.

4. All States shall refrain from any acts in which scientific and technological achievements are used for purposes of violating the sovereignty and territorial integrity of other States.

5. All States shall support the development and development of the scientific and technological capacities of developing countries for the work of the social and economic rights of their peoples.

6. All States shall take measures aimed at enabling all strata of the population to benefit from and benefit from the benefits of science and technology.

7. All States shall take effective measures, including legislative measures, to ensure that scientific achievements and technology are used to ensure the fullest possible realization of human rights and fundamental freedoms without distinction as to race, sex, language or religious beliefs.

It is thus clear that scientific and technological progress has become one of the most important factors in the development of human society.

E-governance does not only mean providing services to citizens, but also means more effective government within their departments. Lawmakers need information as much as others. They need to know all current events and perspectives and improve government performance, should have priority in general frameworks)[3].

E-governance is the means to achieve that improvement in performance for the benefit of citizens and institutions that deal with the government, allowing them to manage their work and access to information at anytime and anywhere in a full interactive manner without the need to restrict and delay work within the administrative organization. The employee aspires to request a license (electronic form) and sends it via e-mail to his manager to take his course to the affairs of employees and professionals without any trouble. He can transfer his salary to his bank account or withdraw financial advances from his entitlements without the hassle of routine paperwork.

Access to the objectives of electronic administration requires the provision of the requirements of an integrated electronic infrastructure, such as computers and communication lines, effective Internet service and the presence of qualified human resources to manage the process, maintenance and training of the equipment and training of employees in the state agencies to deal with new technologies and follow-up rapid developments and comprehensive and permanent awareness. For citizens to deal with new data and methods, simplify government procedures and provide the necessary information to deal with them, and create a legislative environment that ensures the legality of dealing with electronic management methods. Therefore, in order to identify all these developments, the researcher will divide this subject into the following two requirements:

First requirement

The role of electronic management in the administrative decision of the transport sector

As a result of technological development, the management of technical knowledge has been integrated into the human being, the tangible by default, the spatial dialogue in electronic synchronization, and the accumulated knowledge that is rooted in the land of the organization with the knowledge and experience that is being imported through legitimate and free means through electronic channels[4].

Modern concepts have emerged in management and career systems, including office automation, electronic office automation, automated office systems, or office information systems. Today, office automation systems comprise a diverse and integrated package of information and communication technologies at the software and communication networks, which constitute a single system based on the internal support of its components to meet management needs in the performance of administrative functions. Office Automation Systems (OAS) are described as "information systems based on electronic communications that collect, process, store and distribute information, electronic messages, documents and other forms of communication between individuals, teams and organizations"[5].

Office automation systems, along with other patterns of computing information systems, constitute the infrastructure for network management, e-business, e-commerce and e-governance, representing the organi-

[2] *Dr. Abdel Fattah Mourad* – e-Government – a previous reference – p. 238.

[3] *Dr. Abdel Fattah Mourad* – E-Government – previous reference – p. 26.

[4] *Dr. Donna LedefKittel* – The Arabization of Muhammad Sharif Al-Tarh – Revolution of the Global Public Administration – Obeikan Library – Alnashr – Saudi Arabia – 2003 – p110.

[5] *Dr. Alaa Abdul Razzaq Al-Salemi and Dr. Mohammed Abdel-Al Al-Nuaimi* – Office Automation – Dar Al-Maajah Publishing House – Amman – 1999 – p135.

zation's vital nerve, but the lifeblood of organization and work[6].

Therefore, the researcher finds it difficult to summarize information systems and applications that are based on high technology and sophisticated in a brief and categorical description, and because all agreed upon by information experts and practitioners of managers and technocrats is that these systems are directed to help and support the decision-making of the managers themselves, help or support to enhance the decision-making capacity of people in administrative organizations[7]. These components are called decision support systems (known as interactive computer systems that help decision makers use data and models to solve non-structural problems)[8].

That is, there are supporting factors that precede the issuance of the decision, which is at the same time a key factor in decision-making, providing information and data on which the Director relies on the issuance of his / her administrative decision. The aim of decision-making systems (providing information and decision-making methods required to solve specific problems, i.e., have a more specialized role in the decision-making process)[9].

This raises the following question: What is the extent of applying this in modern electronic management and how to deal electronically with the adoption of the computer? What is the impact of this progress in the administrative decision?

The answer to this question can be found in the e-governance experience, which is that, the ministries or the government is setting up a portal for the e-government portal. Which provides the government with all government services that can be implemented on the network? This portal includes a main database shared by the government departments, so that the person can access the site of the administration concerned through the network and determine the work license and payment of fees and procedures all related to the license, all within the work of automated management because he Working outside of the office hours and outside the same department has worked from his home or office, but conducted the administrative process correctly. This is the implementation of the administrative decision, but mediated by the computer, which is one of the means of electronic management in the implementation of the decision, administrative that the computer is the seat of the employee in many cases, but the implementation of the decision has differed and different decision-maker, in terms of form and jurisdiction and in terms of That the version came from the computer of the Department by the data entered by the competent employee.

An example of this is the process of announcing a vacant post in the administration by e-mail and publishing it in electronic journals (electronic publishing), where the forms are filled out and sent via the Internet to the administrative site mentioned. But what if more than 100 people submitted this vacancy, the computer chose the person mentioned above, and informed him by e-mail to attend the department concerned? This selection process is done by the same computer without the intervention of the remaining staff (because he has chosen a particular person)[10].

This means that the administrative decision can be made by computer systems, automation and an example is the Swedish experience in warehouse management[11]. The warehouse management issued an electronic decision according to the automation systems due to a shortage of account in the stock balance. It is through the Internet to issue an order to purchase and contract with suppliers already registered in the computer, and the process of contracting electronically and acceptance of bids and purchase and the introduction of stores to raise the level of stock stores, all this comes through the computer by processing data in the automation systems alone without the intervention of staff.

Data processing is done by issuing information, and this information may be administrative decisions and are prepared from a particular point of view, as are the decisions and instructions on which employees are recruited. The Director shall exercise the process of issuing orders for the appointment of staff members in accordance with such pre-determined conditions from a higher point. If the electronic device works, the Director himself shall be appointed in accordance with the conditions entered in the form of pre-set data, which shall be processed and applied to that candidate only. The decision shall be made electronically by accepting the said nomination. For example, in the absence of a general manager of an institution outside the department or outside the home, including these modern concepts, the department can start a dialogue with him through a video meeting or through a (shut room) and get his opinion and approval to issue the administrative decision required. The answer may come via a laptop or satellite phone (Thuraya) to operate the public utility, now called the Office without Borders[12].

From this, the researcher can conclude that the impact of the development of electronic management for the administrative decision is that some electronic devices do this work alone without the intervention of the human and this is what is called (automation sys-

[6] *Dr. Saad Ghaleb Yassin* – previous reference – p130.
[7] *Donald F. Keitel* – previous reference – p. 110.
[8] *Dr. Saad Ghaleb Yasin* – previous reference – p21.
[9] *Dr. Emad Abdel Wahab Al-Sabbagh* – previous reference – p. 249.
[10] *Dr. Abdul Fattah BayoumiHijazi* – Legal System for the Protection of Electronic Government – a previous reference – p. 90.
[11] *Dr. Abdul Fattah BayoumiHijazi* – ibid. – p. 344.
[12] *Dr. Abdul Fattah BayoumiHijazi* – a previous reference – p. 68.

tem), the work done by orders issued by the computer according to what Compatible with previously entered data or software.

The automation system provided for much legislation. Among these legislation is the Electronic Transactions and Electronic Commerce Act No.2 of 2002 in the United Arab Emirates, as Article 2/18 defines it as an electronic medium (an electronic program or system for a computer that can act or respond to an act in whole or in part without the supervision of any person) Natural at the time of disposition or response)[13].

Article 2/19 defines automated electronic transactions as "transactions concluded or carried out in whole or in part by means of electronic means or records in which such works or records are not subject to any follow-up or review by a natural person as in the ordinary context of the establishment and execution of contracts and transactions).

From this definition, the researcher shows that the computer program is a group linked to each other respond to the implementation of orders in whole or in part on demand without human intervention and that the transformation of the government to electronic management requires a re-review of traditional concepts of the administrative decision and the elements and conditions of health because the computer and its applications became a partner of the public servant In issuing and implementing the administrative decision[14].

Through the adoption of those electronic means in the administrative decision-making in the administrative organization. This is done through electronic data flow (EDM) and (this management flow is between levels of management through electronic networks accurately and quickly)[15].

Administrative flow programs can be linked to the programs of departments or departments of a single organization. Legal administration can be linked with personnel management with financial management, so that everyone works in one system. For example, the staff management of the organization provides a program of presence and absence of employees through the biometric footprint of the person once he put his finger on the device so that the time and date of attendance or departure can be known. This allows the staff management department to know the work of the employee and the duration of his absence and attendance, the second is with the administrative department, knowing the employee's entitlement to leave and not entitlement to it, if he submitted a request for a specific leave by computer. The question arises: Is the license issued or the computer issues an order not to qualify for that leave because he has been absent for a certain period by reading the computer program? Here the administration is in front of the work of the computer in determining the administrative order of the system of absence and attendance, as well as the signing of the administrative decision has been replaced by the electronic signature of the written signature on the resolution[16].

Each sign or term used by the person for his or her own free will is intended to express the author's release and approval of the editor's gradations and contents (where the signature in the transactions is either stamped, thumb printed or signed)[17].

This means that the development of the administrative decision has been confined to the element of jurisdiction, where the computer involved the employee in the issuance of the administrative decision, as well as the form of administrative decision, where the electronic signature replaced the written signature, and the solution of electronic publication published in the Official Gazette.

The second requirement

Implementation of the administrative decision of the transport sector electronically

The effect of the decision is to bring about a change in the legal status, i.e., its transformation into a reality in the world of law. The Department aims to achieve the public interest and this requires the administration to take a series of procedures and processes so that the responsibility of the implementation of individuals, management and individuals or that the administration alone to implement in order to turn the administrative decision into reality in order to achieve the public interest.

It is necessary to implement the administrative decision before the decision becomes effective so that it can be implemented. The administrative decision-making methods differ as to whether the decision is individual or organizational, and this access has undergone some modifications in the electronic administration. The implementation of the resolution may be a direct implementation because it presumes individuals to commit themselves voluntarily to the implementation of the administrative obligations imposed on them, and if they refrain from implementation, the administration may use coercive means and force to implement the decision.

The entry into force of the decision means its entry into force from the date of its issuance by the competent authority, which is complete to its conditions and

[13] *Dr. Abdul Fattah BayoumiHijazi* – Legal System for the Protection of Electronic Government – a previous reference – p. 90.
[14] *Dr. Abdel Fattah BayoumiHegazi* – ibid. – p. 90.
[15] *Dr. Imad Abdul Wahab Al-Sabbagh* – previous reference – p. 268.
[16] *Abdul Fattah Hijazi* – Legal System for the Protection of Electronic Government – a previous reference – p. 94.
[17] *Dr. Fayek Mahmoud Al-Shamma and Dr. Fawzi Mohammed Sami* – Commercial Law (Commercial Papers) – University of Baghdad – Baghdad – 1988 – p.

produces its legal effects, but cannot be invoked in the face of individuals except from the date of its being informed of one of the means of science.

As for the decision, the duty of implementation from the date of issuance for the administration without the need for publication or declaration and can be managed by the administration because the will of the administration is to achieve the public interest, there is no (forbidden to implement before publication or announcement, but not to harm others)[18].

Administrative decisions (individual or organizational) may include a reference to the date on which the implementation of the resolution begins, remembering such words (this order shall be implemented from the date of its issuance) or (this decision shall be implemented from a certain date that would be one month later)[19].

Access may be dependent on a complementary work that requires approval of the decision by another administrative authority, as reflected in the decisions of the decentralized administrative bodies that are subject to the approval of the central administration prior to their implementation, when the approval decision is issued (it is due to its effects until the date of issuing the approved decision)[20].

Either in respect of individual decisions, they shall also be effective from the date of their issuance. However, they shall be implemented only after they have been informed by either notification or grievance thereof or the law may sometimes decide to publish instead of notification if the number of persons involved in the decision is large or unknown. As for the role of electronic administration in the entry into force of the administrative decision comes through the electronic publication of the Official Gazette instead of the traditional publication in the Official Gazette, and this publication achieves the same legal affect that results from the traditional publication. As for the certainty of the individual's knowledge, the notification of the decision to the person concerned on the website is considered a reliable science, which begins with the entry into force of the resolution, and the appeal of the decision electronically confirmed evidence of the author of the appeal against the content of the resolution and its content.

The researcher has already clarified that the administrative decision is effective once it is issued meaning that it has become enforceable by arranging the legal status that he has created, amended or otherwise[21].

There are several parties implementing the resolution:

• The governing body itself is obliged to implement its decision, for example, the decision to grant financial assistance to a particular party, and the administration is responsible for the procedures for providing assistance.

• The individuals themselves, such as the decision to grant a license to open a shop or practice a profession.

But the question arises: in the case of the issuance and implementation of the decision in the electronic administration and the work of electronic administration in the shadow of electronic governments and the process of using the Department of electronic means or the use of electronic business[22].

Is the computer work within that administration? Is the computer that did the work alone is the source and implementer of the decision? Or that it is owned by the effort of management and his work is completed by the Department because it has been programmed for this authority and issued orders according to the input of the computer from the data of these cases appeared in a new work done by the computer?

To answer this question, the researcher can give an example of this, the ATM at the banks, which can determine the procedures provided by the bank to provide service to the citizen, as the user enters the card number and its secret number as an electronic signature of the amount of the amount, A magnetic pulse path is used to process these numbers. The order shall be issued for the disbursement of the amount but shall be determined and disclosed by a special account, provided that the customer so requests[23].

This is done through the Automated Teller Machine (ATM) using the computer which issues the exchange orders through the automated electronic intermediary. Article 2 of Law No.2 of 2002 in the Emirate of Dubai, United Arab Emirates, specifies that the automated electronic broker is an electronic program or system for a computer that can act or respond to an act in whole or in part without the supervision of any natural person while acting or responding to it[24].

It has been legally recognized that the system responds to act independently without the intervention of another person, but in fact implemented an administrative order and applied the characteristics of the administrative decision with the will of the individual administration and administrative authority and the public interest, ie the user or the owner completed without the need to review Of a person or (employee).

Another example is the computer in the parking lot, which is a public position with an electronic system

[18] *Dr. Sulaiman Mohammed Al-Tamawi* – General Theory of Administrative Decisions – Second Edition – Arab Thought House – Cairo – 1996 – p. 520.

[19] *Dr. Maher SalehAllawi al – Jubouri* – Administrative Decision – previous reference – p201.

[20] *Dr. Maher SalehAllawi Jubouri* – ibid. – p. 201.

[21] *Dr. Sami Jamal al-Din* – previous reference – p210.

[22] *Dr. SaadGhaleb Al-Tikriti and Dr. Bashir Al – Alaq* – previous reference – p. 621.

[23] *Judge HazemNaeem Al-Smadi* – previous reference – p. 29.

[24] Law No. 2 of 2002 on UAE transactions and electronic commerce.

that requires a specific receipt of the value of the number of parking hours. The beneficiary pays electronic or electronic payment for the payment process[25].

This is within the automation system and is called automatic management or electronic transactions which are defined as transactions concluded or carried out in whole or in part by electronic means or records in which such works or records are not subject to any follow-up or review by a natural person As in the normal context for the establishment and execution of contracts and transactions)[26].

Which means that the administrative procedures are transformed into electronic procedures that carry out the process on their own without the review of certain employees, so that these devices or electronic pulses serve as the traditional execution of the Department so that the computer hardware responds to the execution of the orders in whole or in part on request without the intervention of administrative staff. Depending on the program and data entered in advance[27].

The second topic

The impact of electronic management in the administrative contract for the transport sector

Such as e-mail and the Internet, has led to enormous potential for the growth of electronic transactions and e-commerce and the development of its laws, both as regards the method of contract formation and for the recognition of the rights created. On the basis of this, several bodies such as the United Nations Commission on International Trade Law To develop a set of legal principles governing the exchange by means of electronic business techniques to be taken by the States concerned as a reference in the amendment of the legal requirements for the exchange of services and goods and the transfer of funds on the one hand, and remove the obstacles meter On the other hand, especially (if we know that the administrative law has legal rules governing administrative contracts, but ambiguous with the provisions of the Civil Code)[28].

At a time when the modern era is witnessing a technical development in the means of communication and the transfer of information through means of support.

Thus, the researcher can divide this subject into the following demands:

The first requirement: the concept of e-contract, its characteristics and its complexity.

The second requirement: the types of electronic contracts and their legal nature.

Third requirement: Implementation of the contract concluded electronically and the methods of proving it.

First requirement

The Concept, Characteristics and Consequences of Electronic Contract

The electronic contract is defined as "an agreement in which the acceptance and acceptance of an open international network is connected by means of an audible video that separates the interaction between the objector and the receiver"[29]

Article 2 of the Jordanian Electronic Transactions Law No.58 of 2001 defines the electronic contract as "the agreement that is held electronically in whole or in part"[30]. It is clear from the advanced definitions that the characteristics of the electronic contract are:

1) Absence of direct relationship between the parties to the contract: In the past and before the advent of electronic contracting was necessary for the contract between two parties of a direct relationship between them through the Council of the contract. Now, after the advent of electronic contracting over the Internet, there can be no direct relationship between the parties.

2) The existence of the electronic mediator: The presence of the Council of the contract is a matter of existence before the spread of electronic media. Now that these media have spread worldwide, many theories have emerged that attempt to explain the existence or absence of the Council of the Decade.

The first theory: It is decided that the contract council exists but in different ways (as the electronic communications network serves as the contract board)[31].

As for the second theory, you see that the electronic contract that is made over the Internet does not have the so-called contract board, since the contract in the traditional way has conditions that must be met, unlike the electronic contract, which is not within its conditions. Contract. Therefore, whatever contract method is traditionally or technologically, the contract board is one of the main and essential conditions for holding the contract[32].

---

[25] *Dr. Ahmed Gamal El-Din Mousa*, Electronic Money and its Impact on the Role of Banks, Research published in (The New in Banking), Part I, Halabi Publications, Lebanon, p. 117, 2002 edition.

[26] *Dr. Abdul Fattah BayoumiHijazi* – The Legal System for the Protection of Electronic Government – First Book – a previous reference – p88.

[27] *Dr. Mr. Aliwa* – Electronic Commerce and Marketing Skills – Dar Al-Ameen Publishing – Cairo – 2002 – p49.

[28] *Dr. Osama Abu El Hassan Mujahid* – Online Contracting – Legal Books House – Cairo – 2002 – p39.

[29] *Dr. Osama Abu El Hassan Mujahid* – Online Contracting – Legal Books House – Cairo – 2002 – p. 39.

[30] Law No. 58 of 2001 considers the Jordanian Electronic Transactions Act.

[31] Lawyers *Munir Mohammed Al-Janabhi and Mamdouh Mohammed Al-Janabhi* – the legal nature of the electronic contract – a previous reference – p. 155.

[32] Ibid. – p157.

The researcher believes that it is a basic condition, which is inherent in the development of audiovisual devices. It is possible to communicate with the other person in the second party of the continent or the country from which he is, but by means of the devices, by providing the method of audio and visual dialogue so that it is possible to describe the contract, explain its details and negotiate with the other party on the required type, measurements required and color required all through the computer screen through the Internet and audible to the corresponding person, while at the same time that the Council of the contract was held from that moment because the electronic devices can provide you against with many people at the same moment, but from places and countries scattered.

3) Speed in the completion of work: one of the main characteristics that have worked on the spread of electronic contracting. (For example, if we assume that the parties to the contract of two different countries, each can negotiate in his office without bearing the trouble and hardship of travel to the State of the other party)[33].

Article 13 of Law No.58 of 2001 stipulates that "the information message shall be considered as a means of expressing the will that is legally accepted for the purpose of expressing or accepting the intention to establish a contractual obligation"[34].

Whether the message is issued by the originator and his account directly or through an electronic intermediary, the contract is automatically executed by the originator or on behalf of the originator and the intended originator (the natural or legal person on whose behalf the electronic message is being sent or transmitted, regardless of the case.). The originator of the provider with respect to the production, processing, transmission or retention of that electronic message and other related services)[35]

The electronic contract requires the availability of two corners:

I. Consent: Consent depends on the consent of the two wills of acceptance and acceptance. The affirmation is defined in accordance with the European Directive on Consumer Protection in Remote Contracts ("every teleconference contains all the necessary elements so that the consignee can accept the contract directly and exclude from this domain merely the declaration)[36].

As for the nature of the offers received by the client on the Internet, and whether they are considered positively positive when the contract is held at the time of acceptance or is it just a call to the contract to distinguish between them through two directions:

The first trend: Considers that the advertisement of the sale by computer is only an invitation to the contracting by the advertiser and requires a positive from the consumer and then followed by the acceptance of the person advertised and based on the definition of the Declaration in the European rules on trans boundary television in 1997, Which is sent by a public or private person within the framework of his commercial, industrial or professional activities through which he aims to promote his products or services)[37]

The second trend: This trend sees that advertising through the sale of computer screens is a positive and not just a call to contract, so the declaration of goods or services on the network is a positive and not a call for contracting, through the qualities can be seen in the presentations on the Internet:

1) Online advertising takes into account only in some cases such as not selling cigarettes to those under the age of 18[38].

2) That the declaration of goods and services on the network is often accompanied by the conditions of non-commitment to contract in the event of depletion of the commodity or quantity required and this announcement is positive suspended on an involuntary condition.

Either acceptance (it is the expression of the will of the party to whom the offer is made)[39], and it is required to accept until its legal effect, i.e., until the contract is concluded, is as follows:

1) That they meet the conditions specified in the affirmative (will and effect of legal effect and expression).

2) The issuance of acceptance and the positive remains.

3) Matching acceptance to the affirmative without any modification.

The question arises here: Is it simply enough to accept or pressure a button to accept or pressure it? Is legally acceptable, but the courts will not be satisfied with the validity of this acceptance by pressing the key to acceptance only after confirmation of this acceptance, where this touch may have occurred inadvertently or wrongly (and so that the acceptance is already made, it must be It is done in two sessions: the first is the touch on the acceptance key and the second the word "confirm acceptance" appears on the internet screen is confirmed[40].

As for determining the time of acceptance, it is through:

1) The time of declaration of acceptance. Edit an email or press the key to accept.

---

[33] Lawyers *Munir Mohammed Al-Janabhi and Mamdouh Mohammed Al-Janabhi* – Legal nature of the electronic contract – a previous reference – p156.

[34] Law No. 58 of 2001 considers the Jordanian Electronic Transactions Act.

[35] *Dr. Abdel Fattah Hegazy* – Introduction to electronic commerce in the Arab – University Thought House – Alexandria – in 2003 – p. 299.

[36] *Dr. Osama* Abu al-Hasan Mujahid – previous reference – p. 69.

[37] Lawyer Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 95.

[38] Lawyer Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 99.

[39] Iraqi Civil Law.

[40] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – previous reference – p85.

2) The time of export acceptance. The time the private key is pressed by the sender to accept the charge.

3) The time of entering the acceptance letter in the e-mail box on the positive device, even if he has not been informed of it since the receipt of the e-mail box device of the obligation[41].

Second: the place which the debtor is obliged to do (such as transfer of the right in kind), performance of work or abstention from work, where the premises are required to be appointed or capable of being appointed, to be lawful, to be present or capable of being present, Conditions The contract is void and this applies to the electronic contract. The French Model Contract on Electronic Commerce emphasized that the main characteristics of the goods and services offered should be identified, but that it was not necessary to identify the place at the time of conclusion of the contract, since it was sufficient to be staffed, provided that no limitation was left to a contractor[42]. However, it is difficult in the scope of the online contract to identify the shop when the beneficiary claims that the contractor did not perform his work fully and the contractor answers that this obligation does not fall within the scope of the subject of the contract, as the subject of the contract is not adequately defined except when the implementation where these problems are resolved between the parties Contract, but at the expense of the beneficiary (because the judiciary refuses to amend the contract if it clearly does not need an explanation).

Therefore, the beneficiary may ask for the description of the products on the Internet, accompanied by the photographs of any block. However, this issue is more of an advertising nature than a legal obligation and all laws, including the Iraqi Civil Code and the Egyptian Civil Code[43].

Either images of expression of will through electronic means are limited to the following means:

1. Expressing the will by e-mail: This system brings together two separate people, including hundreds of thousands of kilometers without meeting the actual and personal, as the person only to access an e-mail address and send a message to dozens of people in distant countries. This is stated in the UNCITRAL Law of the United Nations in Article 2 (b), stipulating that "electronic exchange and expression includes any means of electronic communication, such as sending data from computer to computer in a standard form or by e-mail."[44]

2. Expression of will through the network of sites: The network of sites is a mixture of information and pictures and countless other data can be through any Web site to indicate the person on thousands of sites and what to choose the site that wants to enter the contract with him to see in front of him on the screen The computer is the page that he is looking for, then he checks the request, either the contract is executed under the required conditions or he refuses. An example of a cross-site expression is that the person who sells the book to a person selling his book, the person giving his credit card number, the value of the book is deducted from his balance immediately, as the recipient did not utter or indicate acceptance.

3. Expressing the will through the means of talking and watching: It is contracted between several people immediately without the need to spend time separator, it is an exchange of messages or may be exchange of speech directly or Kindle there are video cameras that makes the talk full viewing of the pronunciation and reference , And thus (in front of a default contract board on the grounds that the contractors are watching and listening preached by some directly)[45].

4. Silence and contracting through the Internet: The original silence is not a means of expression of the will because the silence is a negative description is different from the implicit expression, which is a positive description and therefore silence through the Internet is likely to concern: The first does not exclude that the silence role in the positive or acceptance. The expression of will via e-mail, network of sites, viewing or oral conversation is a positive act and cannot be considered a scotch. The second is that silence exists and exists after the actual contact between the positive person. If silence results in the benefit of the person to whom it is favorable, The former dealt with the two parties and the positive approach is related to this (dealing with silence is acceptable here)[46].

The second requirement

I am an electronic contract and its nature is legal

The prevailing view today in the electronic business is the use of electronic technology in the contract between natural persons and moral, there are electronic contracts traded today in the field of electronic and is used in practice and most important:

1. The French model of e-commerce between traders and consumers.

This contract was published in France and was drafted to facilitate online contracting. This contract was adopted by the Chamber of Commerce and Industry in

[41] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – previous reference – p94.

[42] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – ibid. – p115.

[43] The Egyptian law states that (if the place of obligation is contrary to public order or morals, the contract is null and void). The French civil regulation states in Article 1598 that «all transactions may be subject to sale unless certain special laws prohibit them from disposing of them» Looking-d. Osama Abu al-HasanMujahid – ibid. – p. 123.

[44] *Dr. Ahmed Khaled Al-Ajlouni* – previous reference – p46.

[45] *Dr. Ahmed KhaledAjlouni* – previous reference – p. 50.

[46] Lawyer Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 101.

Paris on April 30, 1998 and by the Legal Committee of the French Association for Trade and Electronic Exchange on 4 May 1998 (and its provisions were adapted to French law)[47].

2. Enter the network or subscription contract on the Internet.

A contract between the customer or the subscriber and the provider of the Internet service called the "accessor". The latter undertakes to provide the user of the Internet with the information he wants from the network through the use of his computer and that the commitment of the accessor is the obligation to achieve the result and adapt this contract as a contract rent)[48].

3. The accommodation contract or the information lease.

A contract in which the Internet service provider is obliged to place at the disposal of the subscriber some of its technical capabilities to be used in the interests of the user in the manner that suits it and adapts it (a lease rather than a contract)[49].

4. Contracts for virtual malls.

Virtual communities can be defined as "social gatherings that emerge through the Internet, a number of people within this community, and discussions on specific topics for periods and for long periods of time"[50].

Its legal structure thus consists of two parts. The current version includes a combination of the general terms that all participating shops in the virtual malls are subject to all the conditions of each shop. The customer will be dealt with in accordance with these general terms of sale (which may be supplemented by the terms of each participating shop)[51].

As to the legal nature of this contract, there were questions in the jurisprudence that the electronic contract was a contract of acquiescence as long as the consumer was always the weak party in the e-commerce contract so it was right to consider the contracts concluded in this way as the contracts of acquiescence, Rejection of arbitrary conditions in which the reason for the determination of this right is to take into account the means by which the contract is contracted remotely through the network, which leads to the lack of prior knowledge of the consumer specifications of the commodity[52].

Consent (a contract in which a party recognizes certain conditions established by the other party and is not allowed to be discussed in respect of essential goods or facilities that are in a legal or actual monopoly or are subject to specific discussion)[53].

Its components can be identified as follows[54]:

1) Contracts relate to goods or services that are essential.

2) Positive in an economic center that allows him to impose his conditions.

3) The affirmation is issued to all people under one condition and continuously.

4) The product or service is monopolized by legal or actual monopoly.

According to this view, the contract of compliance is a real contract subject to the rules to which other contracts are subject. In spite of the monopolization of some jurisprudence as such, since the pressure in which the complaining party does not reach the limit of coercion that destroys the satisfaction does not spoil this pressure can be treated or compliance through legislation or guarantees to protect the consumer, where the Iraqi Civil Code in Article 167/3 (The interpretation of ambiguities in contracts of acquiescence is detrimental to the interests of the contracting party, even if it is a creditor)[55].

Accordingly, French jurisprudence is based on the contracts concluded with vendors through the contracts of compliance if the general terms of sale are stated on the merchant's site so that the site visitor (the potential buyer) can only accept or not contract at all. Another group, however, did not confuse online contracts with compliance contracts because the features they mentioned were necessary for the contract to be regarded as a contract of acquiescence but not sufficient to qualify as two other conditions (necessity and monopoly)[56].

5. Technology transfer contracts

This type of contract is defined as an agreement under which a natural or legal person undertakes to make the contractor use the licensee's possession in secret forms and methods within a specified period for a certain price that the licensee undertakes[57].

These contracts are no more than agreements concluded between two people, one of whom undertakes to transfer the technology he owns to another who is looking for it. Technology means knowledge and experience gained not only in practical application but also in the administrative, financial and commercial exploitation of a project. These contracts are defined as State contracts that are not concluded or entered into force except by passing legislation or by ratifying them under special procedures of the legislative or executive authorities such as contracts for the transfer of military technology and relat-

[47] *Dr. Osama Abu Hassan* – previous reference – p. 29.
[48] Lawyer Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 75
[49] Ibid. – p. 78
[50] *Dr. Yusuf Ahmed Abu Fara* – previous reference – p. 317.
[51] *Dr. Osama Abu al-HasanMujahid* – previous reference – p. 31.
[52] *Dr. Abdul Fattah Hijazi* – The Legal System for the Protection of Electronic Commerce – Preface – p236.
[53] *Dr. Osama Abu al-HasanMujahid* – previous reference – p. 27.
[54] Lawyers Munir Mohammed Al-Janabhi and Mamdouh Mohammed Al-Janabhi – the legal nature of the electronic contract – a previous reference – p. 680.
[55] Iraqi Civil Code No. 40 of 1951 and its amendments – in 2004.
[56] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – previous reference – p27.
[57] *Dr. Call of Kazem Mohammed Al – Mawla* – The Legal Effects of Technology Transfer Contracts – Wael Publishing House – Jordan – 2003 p30.

ing to public interest or the performance of a public facility. The application of these contracts gives their own legal concepts that do not exist in civil law, such as the concept of the state's regulatory authority, the terms of the financial balance of the contract, the concept of force majeure, and the terms of price review to match the results of potential technological development. The most important of these contracts are technology licensing contracts as well as turnkey contracts and industrial cooperation contracts (the State treats as a sovereign State as a sovereign State or intervenes in its civil capacity as a trader)[58].

Either on the legal nature of technology transfer contracts and their possible inclusion in administrative contracts, although the State may conclude the contract on an equal footing with the foreign private enterprise and do not modify the terms of the contract, the question arises whether public interest is needed or whether the consent of the other party ?[59]

A part of the jurisprudence goes to the fact that the contracts of the State with the foreign party, including technology transfer contracts, are the result of the solutions concluded by the French judiciary in connection with the administrative contracts and their application to the contracts concluded between the States and the foreign parties. These contracts have characteristics that make them close to the idea of administrative contract, as concluded by public authority for the realization of public interest and from this angle (these contracts do not differ from the administrative contract which has the same characteristics)[60].

Accordingly, there have been demands from developing countries to achieve economic justice by exploiting natural resources and transferring technology. This has been reflected at the legal level. Modern theories have replaced traditional theories, including the extended theory of administrative contracts. This theory has allowed the other party to dispose of contractual obligations according to their needs[61].

That theory has permanent sovereignty over the sources of national wealth. Therefore, the contracts concluded by the State include the same advantages as the administrative contract. The State has the right to modify the terms of the contract on its own volition. This can be applied to international contracts for economic or technological development. Modify the execution of the contract as required by the public interest in favor of the foreign investor)[62].

The opinion of the judiciary was that international arbitration in the disputes of the State's contracts for economic development in the arbitration against Libya was referred to as an administrative contract. However, in its subsequent provisions, it went on to state that the contract in dispute was not governed by the administrative contract, which included (the construction of industrial units and the transfer of development while retaining them as international private contracts)[63].

The researcher concludes that the state contracts for economic development and technology are not described in the civil law contracts, because they are mixed with general elements. It is undeniable that dealing with a national company to implement the same contract would undoubtedly be described as a contract of Administrative contracts, and we cannot recognize that the description of the contract changes simply because of the foreign nationality of the contracted project.

Third requirement

Electronic contract execution and verification methods

If the proposal is accepted and agrees with the acceptance, the agreement will be concluded and the contract will be held, whether in a traditional or concluded manner, by way of remote contracting via the Internet. Therefore, the implementation will be done by the first party in the contract to implement the obligation on the Internet to deliver the goods or perform the service, and the implementation of the other party to its obligation to pay the price of the commodity or for the service rendered, and often implemented electronically and in case of non-implementation Q: What is the modern and criminal responsibility for non-implementation? Therefore, the researcher will divide this requirement into the following two sections:

Section I: Effects of Contract Execution.

Section II: Disputes arising out of the execution of the contract.

Section I

Effects of the implementation of the contract

The provisions of the Egyptian Civil Code stipulated in article 431 that "the seller is obliged to hand over the sale to the buyer in the condition that existed at the time of sale"[64].

As for the processing and delivery on the websites, it means the length of processing and delivery (the period between the occurrence of the request through the website of the organization and the receipt of the buyer to request)[65].

[58] *Dr. Salah al-Din Jamal al-Din* – contracts transfer of technology – University Thought House – Alexandria – in 2004 – p. 79.

[59] *Dr. Hafidah Al-Haddad* – Contracts between the State and Foreign Persons – University Thought House for Publishing – Alexandria – 2001 – p. 462.

[60] *Ibid* – p. 462.

[61] *Dr. Salah al-Din Jamal al-Din* – previous reference – p. 276.

[62] *Dr. Salah al-Din Jamal al-Din* – previous reference – p. 277.

[63] Ibid. – p. 279.

[64] *Dr. Osama Abu al-HasanMujahid* – previous reference – p. 101.

[65] *Dr. Yusuf Ahmed Abu Fara* – previous reference – p. 258.

The French Model Contract (item IV / paragraph 7) provided that "delivery must be specified and whether it will be done by mail, by means of transport, on line or by the same network as computer programs or databases"[66].

The object of delivery is if it is sold, and it may be a commodity of material physical substance or a moral or normal entity, that is, it does not have a tangible physical presence such as software and databases. If the goods are of a material physical nature, the buyer must deliver the sale in the same case as it was at the time of the conclusion of the contract if the object is self-appointed. Contractors are likely to agree on the degree of the object in terms of its quality if it is of a type. If the product is of a moral entity (such as information), the supplier must add all new information related to the area of concern to the contractor, as well as must be comprehensive, for example the contract for providing information on international investment movement and stock exchange movement Related to this area in all States)[67].

As for the place of delivery, the French model contract states that "If the seller is agreed to take the risk of carriage, he is liable to compensate the buyer, if It is agreed that the buyer shall bear the risk of carriage. He shall send a reasonable objection to the carrier within 3 days calculated from the time of delivery[68].

As for the expenses of delivery, the original should be for the seller only if there is agreement or otherwise. However, there are some postal difficulties which cause delays in delivery either on the seller's obligation to deliver the goods or perform the service and against which the buyer has to pay the price. The value here is the one that is done electronically and is called e-loyalty. Article 1/5 of the Egyptian Electronic Transaction Law defines it as a "fulfillment of a monetary obligation by an electronic means such as electronic checks, electronic bills and magnetic cards"[69].

Electronic payment is made through electronic payment by loyalty cards, which are defined as a card issued by an authorized institution and delivered to a customer for the purpose of frequent use of cash withdrawals or for the purpose of paying the goods and services to the suppliers without their acceptance being limited to the issuing company[70].

On the level of European legislation, the law on the use of e-fulfillment and the recommendations issued on 17/11/1988 defines the e-fulfillment (the fulfillment of the magnetic card with the negative basis of information). The business environment is characterized by speed of transactions and keeping abreast of developments, especially in the field of banking operations in general and areas. The use of modern means of payment in particular, which is automatic payment without the circulation of paper money, which is currently called modern means of payment, such as magnetic cards and electronic money[71].

Section II

Disputes arising from the execution of the contract

The electronic signature of the electronic contract is the most important dispute arising out of the execution of the electronic contract, which means a digital signature that is necessarily linked to data used by the signature holder to express its acceptance of the level of such data. It is required that the following conditions be met:

A. To belong to the owner alone.

B. To allow identification of the owner.

C. To be carried out in such a manner as to enable its owner to retain it under his exclusive control.

D. To be linked to the data signed by it so that any subsequent modification can be detected[72].

The electronic bill defines the electronic signature as "data that may take the form of letters, numbers, symbols, signs or other electronic, digital, photocopying or other means that are created in a data message, Identifying the character of the site and distinguishing it from others and attributing to it a specific editor)[73].

The argument of electronic signature in evidence is as follows:

A. The electronic signature argument in UNCITRAL considers that the Model Law, the rules of which apply to all data messages that are imbued with electronic signature[74].

Accordingly, any State may legislate its own law in the same manner as the law, and extend it to include electronic signature outside the commercial domain to include transactions between users of electronic signatures and the public authority, expanding its scope (depending on the vision of the enacting State)[75].

The Model Law also provides in article 3 (non-discrimination between any method of electronic signature) that all technologies will receive the same treatment as well as non-discrimination between the electronic signature and the traditional ordinary signature. Article (6/3) stipulates that "the electronic signature shall be deemed reliable for the purpose of fulfilling the following conditions:

---

[66] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – previous reference – p. 103.
[67] Lawyer. Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 120.
[68] Lawyer. Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 123.
[69] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – ibid. – p. 103.
[70] Lawyer. Mohamed Amin Roumi – previous reference – p. 127.
[71] *Dr. Tawfiq Shanbour* – electronic payment tools – the new in the work of banks from the legal and economic aspects – Part I – Halabi rights publications – Beirut – 2002 – p. 87.
[72] Ibid., P. 91.
[73] *Dr. Osama Abu Hassan Mujahid* – previous reference – p. 15.
[74] Lawyers Munir Mohammed Al-Janabhi and Mamdouh Mohammed Al-Janabhi – electronic signature – previous reference – p10.
[75] Lawyer Omar Hassan Al-Momani – Electronic Signature – Dar Wael Publishing – 2003 – p. 75.

1) If the means used to create the electronic signature are linked in the context in which the site is used without any other person.

2) If the means used to create the electronic signature are subject to the control of the site at the time of signature without any other person.

3) If any change in the electronic signature takes place after the occurrence of the signature is detectable.

4) If the purpose of the requirement of a legal signature is to confirm the integrity of the information to which the signature relates and any change in that information is made at the time of signature to be detectable[76].

B. The Egyptian bill[77]:

The researcher can find that the Egyptian draft law on electronic signature stipulates that "this law applies only to civil, commercial and administrative transactions that are edited and signed electronically only." Article 3 states that "it shall have the same argument as the signatures of evidence in civil and commercial matters if they are made in accordance with the conditions provided for in this law"[78].

The Egyptian Electronic Signature Law has established the regulations that are required to be available in the electronic document to enjoy the protection prescribed in the law of proof:

1) The signature link is active alone.

2) Control of the site alone on the electronic mediator

3) The possibility of detecting any modification in the editor or signature data after it is placed on any editor[79].

From the above, the researcher can conclude that electronic management is a successful idea that will take the administrative activities of the state from the paper-based archival situation to the electronic digital situation. Electronic contracts concluded by government agencies are growing so that contracts related to electronic activity cannot be limited in their multiplicity and diversity, so that electronic contracts and contracts related to electronic services constitute a large proportion because of the ease of their conclusion and implementation. The adoption of electronic management necessitates the conclusion of certain contracts for the provision of certain electronic services or the conclusion of other electronic contracts raise questions about the designation of such contracts and the law applicable to them and the competent judiciary, as well as adapting the general principles of administrative contracts to accept the requirements of the electronic contract and its characteristics, especially for the convergence of positive acceptance and questions If it is proven that the traditional pillar In traditional paper contracts rely on the presence and physical meeting of the parties and the normal writing is the basis, while the electronic contract is concluded through documents and electronic documents as well as the electronic signature and the problems raised by the evidence, which shows the need to coordinate between the established legal rules on the administrative contract and provisions Of electronic contracts, which correspond to their nature and derive from their texts and correspond to the circumstances of their conclusion and implementation. Based on the above, the contract entered into by a government agency can be considered as a company to provide Internet access service and use such as supply contracts, and to consider the electronic accommodation contract, which obligates the ISP to provide the administrative authority with some of the technical capabilities in a manner that suits Such as a lease, and the contract for the establishment of an electronic website for administrative entities serving the Internet-based contact person, such as a contract, can be considered as a work done by the performance of general information services. The question that has been asked is: Are the legal provisions of the Sale and Rent of State Funds Law No.32 of 1986 valid for the conclusion of the contracts referred to above?

The researcher does not hesitate to answer no. For reference, reference is made to the provisions of the said Act on public tenders and the rules to be followed[80].

The announcement of tenders and the book of conditions does not raise many legal problems in terms of the use of modern means of communication in publishing them, but it is necessary to determine the legislative idea of the deadline for submission of tender dates are calculated on the basis of the end of official working hours to be delivered to the Department, but such an idea does not make sense when sending. The tender documents are not related to the concept of physical delivery at the headquarters of the administration. In addition to the subject of appointments, there is the idea of confidentiality, which requires bids to be received in sealed envelopes. This means that modern means of communication must be provided to ensure that the tenderness submit tenders that are not known until the opening date of the bids submitted. In addition to these issues, it is necessary to resolve the question of the proportion of expression to its source and the subject of signature. The researcher can decide that in the field of administrative law, some legal obstacles are expected to emerge, but in the end they do not constitute serious obstacles, many of which can be dealt with through a simple legislative intervention in addition to boldness in decision making,

[76] *Dr. Saad Al-SayedKandil* – Electronic Signature – New University of Publishing – Alexandria – 2004 – p. 18.

[77] Lawyers Munir and Mamdouh Mohammed Al-Janbhi – Electronic signature and his argument in evidence – ibid. – p34.

[78] Lawyer Mohammed Amin Al-Roumi – Reference No. 150.

[79] Lawyers Munir Mohammed Al-Janabhi and Mamdouh Mohammed Al-Janabhi – previous reference – p64.

[80] Law No. 32 of 1986 considers the Law of Sale and Rent of Iraqi State Funds.

the availability of expression management, It requires an intellectual renaissance of the judiciary in adapting the contracts concluded in the field of electronic services in accordance with the nature of the administrative contract and its attributes and competence granted to the administrative department and acceptance of new legal concepts such as electronic negotiation and responsible for the electronic acceptance or acceptance Ni defects will in electronic management.

In the opinion of the researcher that there is a new shift in electronic contracts as they tend to make the contractor's commitment to the management committed to achieve a result and not to take care and if the contractor failed to achieve the contractual goal was the responsibility of the nodal, especially in the field of hidden defects.

Conclusion

The study of the phenomenon of electronic management is a study in the field of the work of public administration in terms of the means of communication and use of the electronic information network, and its adoption in work or changing patterns of work. During research, the researcher could reach the following conclusions and recommendations.

First: Results:

1. The researcher ended the definition of electronic management as the use of modern technology means by the General Directorate to carry out its functions and this means that it is not intended to exercise governance, but is intended to manage things electronically, that the use of technology means will not change the concept of public administration in terms of being a functional device, Change in management tools and means.

2. The objective of e-governance in the public interest is to support the control activity and the cranking activity in improving the level of performance in the general facility, improving the level of services and reducing the administrative complexities in short time, effort and money by following the administrative data flow method electronically in government departments.

3. The challenges and difficulties of transforming and bringing about change in the face of electronic management include weak communication and information infrastructure, electricity, lack of trained human resources, legal aspects of the lack of privacy legislation and intellectual property legislation to protect computer programs, And electronic payment methods.

4. The impact of electronic management on the administrative decision is represented in the support of the computer to the employee in the automation system, i.e. automated electronic medium (software or electronic system of a computer that can act or respond to conduct independently or partially without the supervision of any natural person at the time it is Act or respond to it).

Electronic transactions are transactions concluded or carried out in whole or in part by means of electronic means or records, where such works or records are not subject to any follow-up or review by a natural person as in the ordinary context of establishing and executing contracts and transactions, by computer part of the transaction electronically.

5. As a result of the positive electronic development in the work of the public administration in the contracting of persons, electronic means can be adopted as an electronic contract, which is defined as "the agreement held by electronic means in whole or in part". Thus, Payment can also be made through the Internet. The tender can be published and its terms and the categories that may be subscribed to by entering the agreed numbers, saving time and money and expediting the needs of public utilities so as to ensure the continuity of public utilities regularly and steadily. You a real application of the principle of portability facility to change the switch and the equality of citizens before the General Annex.

The researcher does not believe that there is a barrier preventing the introduction of the idea of the electronic contract as an administrative contract in the field of administrative law.

Second: Recommendations:

The researcher can then determine what this research can offer recommendations as follows:

1. Not to import and apply the literal methodology of successful electronic management abroad, because the project depends on the environmental legacies rather than relying on technical solutions and the preservation of all channels (traditional and electronic) as long as they all serve the citizen.

2. Simplifying the procedures, rules and regulations in administrative law, linking all departments among them in exchanging administrative data electronically, and adopting the definition of the identity of the electronic citizen as long as the identity of the citizen has been adopted by a certain secret number in some countries in conducting electronic transactions.

3. From the definition of administrative decision that it does not require a specific form, the administrative decision should be emptied only in accordance with what is required by the law in limited cases. Therefore, it is clear that there are no legal obstacles that prevent the administrative decision from being issued electronically. Which is specifically designed in the computer and then the management discloses its binding will in the form required by the law with a view to achieving the required legal effect and thus is measured against the rest of the decisions regarding the performance of the activity or operation of the general facility.

4. Reviewing the law of selling and renting state funds to include texts that would apply the idea of elec-

tronic contract, electronic signature, use of electronic means for publishing and payment of government fees through the information network, thus facilitating the contracting process for citizens and management alike.

Reference list

First: Legal books:

1. *Ahmed Gamal El-Din Mousa*, Electronic Money and its Impact on the Role of Banks, Research published in (New in Banking), Part I, Halabi Publications, Lebanon, 2002 edition.
2. *Ahmed Khaled Al-Ajlouni* – Online E-Contract – International Scientific House and Dara Culture – Amman, 2002.
3. *Osama Abu Al-Hassan Mujahid* – Online Contracting – Legal Books House – Egypt, 2002.
4. *Dr. Mr. Aliwa* – Electronic Commerce and Marketing Marketing Skills – Dar Al Ameen Publishing – Cairo, 2002.
5. *Dr. Tawfiq Shaanbour* – Electronic Payment Tools – New in Banking Business from the Legal and Economic Aspects – Part 1 – Halabi Publications, Beirut, 2002.
6. *Dr. Hafidah Al-Haddad* – Contracts between the State and Foreign Persons – University Thought House for Publishing – Alexandria, 2001.
7. *Dr. Abdul Rahman Al-Sabah and Dr. Imad Al-Sabbagh* – Principles of Computer Information Systems – Dar Zahran – Amman, 1996.
8. *Dr. Donna Ledef Kittel* – Arabization Mohamed Sharif El Tarrah – Global Public Management Revolution – Obeikan Publishing House, Saudi Arabia, 2003.
9. *Dr. Sami Jamal Aldin* – Principles of Administrative Law – Knowledge Establishment – Alexandria, 2004.
10. *Dr. Saad El-Sayed Qandil*- Electronic Signature- The New University of Publishing- Alexandria, 2004.
11. *Dr. Saad Ghaleb Al* – Tikriti – Decision Support Systems – Dar Al – Mahaish Publishing – Amman, 2004
12. *Dr. SaadGhaleb Al-Tikriti and Dr. Basheer Abbas Al-Alaq* – e-Business – Dar Al-Maagheh Publishing and Distribution – Amman, 2002.
13. *Dr. Sulaiman Al-Tamawy* – Al-Wajeez in Administrative Law – Arab Thought House – Cairo, 1969.
14. *Dr. Sulaiman Mohammed Al-Tamawi* – General Theory of Administrative Decisions – Second Edition – Arab Thought House – Cairo, 1996.
15. *Dr. Salaheddine Gamal El Din* – Technology Transfer Contracts – University Thought House – Alexandria, 2004.
16. *Judge – Hazem Naeem Al-Smadi* – Responsibility in Electronic Banking Operations – Dar Wael Publishing and Distribution – Jordan, 2003.
17. *Dr. Fayek Mahmoud Al-Shamma and Dr. Fawzi Mohammed Sami* – Commercial Law (Commercial Papers) – University of Baghdad – Baghdad, 1988.
18. *Dr. Abdul Fattah Bayoumi Hijazi*, The Legal System for the Protection of e-Government, First Book – University Thought House, Alexandria, 2003.
19. *Dr. Abdul Fattah Bayoumi Hijazi*, Legal System for the Protection of e-Government, Book II, University Thought House, Alexandria, 2003.
20. *Dr. Abdel Fattah Hegazy* – Introduction to electronic commerce in Arabic – University Thought House – Alexandria – in 2003.
21. *Dr. Abdul Fattah Mourad* – E-Commerce, Selling and Buying Online – Al – Baha Software & Computer Co.
22. *Dr. Abdul Fattah Mourad* – E-Government – Al – Baha Software & Computer Co.
23. *Dr. Alaa* Abdul Razzaq Al-Salmi and Dr. Mohamed Abdel Aal Al – Nuaimi – Office Automation – Dar Al – Mahaish Publishing – Amman, 1999.
24. Attorney *Omar Hassan Al-Momani* – Electronic Signature – Dar Wael Publishing, Amman, 2003.
25. Lawyer *Mohammed Amin Al-Roumi* – Electronic Online Contract – University Publications House – Alexandria, 2004.
26. Lawyers *Munir Mohammed Al-Janabihi and Mamdouh Mohammed Al-Janabihi*, Legal Nature of the Electronic Contract, University Thought House, Alexandria, 2004.
27. *Dr. Maher Saleh Allawi Jubouri* – Administrative Resolution – Dar Al – Hikma for printing and publishing – Baghdad, 1991.
28. *Dr. Call of Kazem Mohammed Al Mawla* – The Legal Effects of Technology Transfer Contracts – Wael Publishing House – Jordan, 2003.
29. *Dr. Yousef Ahmed Abu Fara* – Electronic Marketing – Dar Wael Publishing and Distribution – Jordan, 2004.

Second: Laws:

1. Iraqi Civil Code No.40 of 1951 and its amendments.
2. Law No.32 of 1986 Law on Sale and Rent of Iraqi State Funds.
3. Law No.58 of 2001 Jordanian Electronic Transactions Law.
4. Law No.2 of 2002 on UAE transactions and electronic commerce.

УДК 349:681

Вологдина Е.С.,
старший преподаватель кафедры Административного права и таможенного дела
Юридического факультета Забайкальского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена некоторым аспектам правового регулирования применения информационных технологий в Евразийском экономическом союзе. Представлен анализ содержания положений основных нормативно-правовых актов в исследуемой сфере. Особое внимание акцентируется на вопросах совершенствования информационного взаимодействия между государствами-участниками Союза с использованием информационных технологий и трансграничного пространства доверия. Рассуждая о трансграничном пространстве доверия, автор акцентирует внимание на базовых принципах взаимодействия, порядке создания и дальнейшего совершенствования информационных систем. В результате проведенного анализа правовых актов автором отмечается, что совместная работа информационных систем государств-членов Союза с информационными системами Евразийской экономической комиссии реализована за счет создания безопасной системы межгосударственного электронного взаимодействия, использования универсальных систем информационного обмена, а также унификации и гармонизации отдельных форм электронных документов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, информационные таможенные технологии, общий процесс Союза, информационный обмен, трансграничное пространство доверия, интегрированная информационная система

Vologdina E.,
Senior Lecturer of Chair of Administrative Law and Customs Affairs of the Law Faculty of Trans-Baikal State University

REVISITING THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: LEGAL ASPECT

The article is devoted to some aspects of the legal regulation of the application of information technologies in the Eurasian Economic Union. The analysis of the content of the provisions of the substantive regulatory legal acts in the analyzed area is presented. Special attention is placed an emphasis on the issues of improving information interaction between the member states of the Union implementing information technologies and the transboundary space of trust. Arguing on the transboundary space of trust, the author focuses on the basic principles of cooperation, the order of creation and further development of information systems. As a result of the analysis of legal acts the article author notes that the joint work of information systems of the member states of the Union with information systems of the Eurasian Economic Commission is implemented through the establishment of a secure system of intergovernmental electronic interaction, the use of universal information exchange systems, as well as the unification and harmonization of certain forms of electronic documents.

Keywords: Eurasian Economic Union, customs information technologies, common Union process, information exchange, transboundary space of trust, integrated information system

Процесс информатизации в деятельности таможенных органов является неотъемлемой частью общероссийской практики. Государства-члены Евразийского экономического союза проводят согласованную политику в области информатизации и информационных технологий в целях координации и обеспечения создания благоприятных условий эффективного взаимодействия государственных информационных систем и ресурсов. Качество решаемых задач во многом зависит от единообразного при-

Как цитировать статью: Вологдина Е.С. К вопросу о применении информационных технологий в государствах-членах Евразийского Экономического Союза: правовой аспект // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 119–123

менения в практической деятельности современных средств информационных технологий. В этой связи становится актуальным изучение различных аспектов правового регулирования отношений, возникающих при применении информационных технологий в государствах-членах Евразийского Экономического союза.

Особое значение имеют акты Союзных государств, например, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, где применение информационных систем и информационных технологий таможенными органами государств-участников регламентировано главой 48 Таможенного кодекса.

Так, согласно положений статьи 370 Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенные органы на регулярной основе в электронной форме обмениваются информацией – сведениями из деклараций на товары, таможенных документов, предварительных решений о классификации товаров, содержащимися в информационных ресурсах таможенных органов государств-членов и не относящимися к сведениям, составляющим государственную тайну (государственные секреты) [6].

Данная статья определяет формат данных, структуру сведений, подлежащих обмену, регламент такого обмена, сроки и способы, а также лиц, ответственных за подготовку, передачу и получение информации. В связи с этим, при заявлении сведений о товарах и транспортных средствах международной перевозки в электронной форме, участник внешнеэкономической деятельности имеет возможность предоставить документы, используя информационную систему таможенных органов при помощи информационных операторов, с которыми у таможенных служб государств-членов Союза заключены соглашения об информационном взаимодействии. Это, несомненно, направлено на создание оптимальных условий межгосударственного сотрудничества в информационной сфере.

Таким образом, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза содержит нормы, позволяющие использовать более конструктивные формы «трансграничного сотрудничества» между государствами-членами Союза. Следует отметить, что разработку, внедрение и модернизацию информационных таможенных технологий при совершении таможенных операций законодатель относит на национальный уровень правового регулирования. Кроме того, принимаемые индивидуальные акты таможенными службами государств-членов Союза позволяют решать многие задачи, которые связаны с эффективным осуществлением таможенного администрирования.

В настоящее время актуальны положения Договора «О Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 года. Договор предусматривает порядок информационного взаимодействия государств-членов Союза в рамках реализации «общих процессов». Под термином «общий процесс в рамках Союза» следует понимать систему правовых, научных, методических и информационных ресурсов, которая описывает процессы межгосударственного взаимодействия в рамках Евразийского экономического Союза [1]. Решением Коллегии Евразийской Экономической Комиссии от 14 апреля 2015 г. №29 утвержден перечень «общих процессов» и содержит 75 моделей. В этой связи отметим, что информационное взаимодействие между государствами-членами происходит в рамках Модели «общих процессов Евразийского Экономического союза». Структура модели состоит из «областей охвата» – макроэкономических, технологических и интеллектуальных ресурсов стран Союза, таких как: экономика и финансовая политика, электронный документооборот, торговля, конкуренция и антимонопольное регулирование, техническое регулирование, таможенное сотрудничество, энергетика и инфраструктура, промышленность и агропромышленный комплекс. В каждую из названных «областей охвата» входят общие процессы Союза, которые в свою очередь, состоят из операций и процедур, регламентированных международными актами и национальным законодательством государств-участников Евразийского Союза. Закрепление такого положения подтверждает действующий механизм информационного взаимодействия между государствами-членами Союза.

Не менее интенсивная работа проводится в области разработки и реализации мероприятий, которые направлены на создание благоприятных условий информационного обмена, с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках Союза [1]. Одним из таких мероприятий является активная работа по созданию и развитию интегрированной информационной системы Союза на основе расширения функциональных возможностей действующей интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли [4]. В связи с этим, интегрированная информационная система объединяет не только информационные системы Евразийской экономической Комиссии, но территориально распределенные государственные информационные ресурсы и уполномоченные органы.

Кроме того, положениями рассматриваемого Договора введено принципиально новое понятие «трансграничное пространство доверия», по которым следует понимать совокупность, согласованных государствами-членами Союза, правовых, организационных и технических условий, с целью обеспечения реализации принципа доверия при межгосударственном обмене электронными документами и

данными между уполномоченными органами государств-участников [1].

Базовые принципы взаимодействия, порядок создания и дальнейшего совершенствования информационной системы регламентированы Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии (Приложение №3 к Договору о ЕАЭС), что детализирует положение статьи 23 Договора в части реализации мероприятий информационного взаимодействия и «трансграничного пространства доверия» Евразийского экономического союза.

Таким образом, можно констатировать, что концепция создания интегрированной информационной системы является логическим продолжением правотворческих процессов государств-членов Евразийского экономического сотрудничества в формировании единого информационного пространства. Скоординированная работа государств-членов Союза позволила установить основные цели создания интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза [4], которые будут направлены:

- на информационную поддержку интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза [1], прежде всего, это сферы экономики и финансовой политики, таможенного сотрудничества, электронного документооборота, технического регулирования, торговли.

- на расширение практики использования электронного обмена данными как между органами государственной власти государств-членов Союза, так и государственными органами с гражданами и хозяйствующими субъектами.

Проведенный анализ правовых актов позволил отметить, что совместная работа информационных систем государств-членов Союза с информационными системами Евразийской экономической комиссии реализована за счет создания безопасной системы межгосударственного электронного взаимодействия, использования универсальных систем информационного обмена, а также унификации и гармонизации отдельных форм электронных документов.

Поэтому, Комиссия Евразийского Экономического Союза одновременно выступает в роли заказчика и координатора работ по созданию интегрированной системы и интеграционного сегмента.

С целью приведения к единообразию не только организационно-технических возможностей интегрированной системы, но и поддержания надлежащего уровня защиты информации, Комиссия выступает в роли координатора в разработке проектов технологических, методических, организационных документов.

В связи с этим, государства-участники Евразийского Союза – Республика Армения, Республика Беларусь, Кыргызская Республика и Российская Федерация активно пользуются программным обеспечением интеграционных шлюзов, разработанное Комиссией ЕАЭС, за исключением Республики Казахстан – здесь подобное программное обеспечение разработано самостоятельно. Таким образом, субъектами уполномоченными по созданию национальных сегментов являются органы исполнительной власти государств-членов Союза:

- в Республике Армения – Аппарат Правительства ;

- в Республики Беларусь – Министерство связи и информатизации ;

- в Республики Казахстан – Министерство информации и коммуникаций;

- в Российской Федерации – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций ;

- в Кыргызской Республики – Государственный комитет информационных технологий и связи.

На сегодняшний день в соответствии с утвержденным Распоряжением Совета Комиссии Евразийского экономического союза от 13 января 2017 г. №6 Планом мероприятий на 2017-2018 годы, активно выполняются мероприятия по созданию и развитию интегрированной системы.

Согласно Плану значительная часть проводимых мероприятий направлена на совершенствование информационного взаимодействия, а также на развитие архитектуры интегрированной информационной системы с целью обеспечения применения систем «прослеживаемости» товаров, формирование и развитие электронной нормативно-справочной информации, а именно: электронных классификаторов и справочников Союза. Поэтому, в целях дальнейшего совершенствования интегрированной системы Евразийской Комиссией создан единый информационный сегмент – Платформа для формирования и предоставления доступа к общим информационным ресурсам. Кроме того, в сети Интернет внедрен информационный портал под названием «Портал общих информационных ресурсов и открытых данных», который обеспечивает доступ государств-членов Союза к общим информационным ресурсам. Портал включает: информационные ресурсы Евразийской экономической комиссии, формируемые на основе информационного взаимодействия государств-членов ЕАЭС; открытые данные по основным направлениям деятельности Евразийского экономического союза, и предоставляет современные сервисы для работы с информацией. Кроме того, в настоящее время в работе Портала усматривается ведение 48 общих информационных ресурсов, таких как: цифровые реестры, перечни, справочники, классификаторы. Возможность доступа к указанным ресурсами предоставлена не только государственным органам государств-членов Союза, но и гражданам и хозяйствующим субъектам.

Все это позволяет утверждать действие «трансграничного пространства доверия», в рамках которого происходит информационный обмен документами между субъектами электронного взаимодействия.

Для эффективного функционирования и развития «трансграничного пространства доверия» созданы нормативно-правовая и технологическая основа. Так, в целях применения нормативно-правовой основы утвержден План мероприятий по реализации Стратегии развития трансграничного пространства доверия в рамках ЕАЭС [3].

Положения Стратегии определяют цели, принципы и задачи развития трансграничного пространства доверия в Союзе для массового использования не только электронных документов, но и сервисов при межгосударственном информационном взаимодействии государств-членов. Настоящая Стратегия исключительно направлена на реализацию условий обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами [1]. В связи с этим, результатом развития трансграничного пространства доверия является возможность физических и юридических лиц получать доступ к юридически значимым сервисам в пределах государств-членов Союза, а также находясь на территории любого другого государства, заключившего договор о присоединении к «трансграничному пространству доверия». В целях реализации технологической основы функционирования трансграничного пространства доверия разработан программно-аппаратный комплекс информационного обмена электронными и проведена «оцифровка» более 75 общих процессов информационного взаимодействия. На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что государства-члены ЕАЭС проводят единую политику в области информатизации и эффективного, единообразного применения государственных информационных систем и технологий.

В стратегических документах Евразийского экономического союза большее внимание уделяется вопросам межведомственного и межгосударственного информационного взаимодействия. Поэтому, в целях совершенствования деятельности таможенных органов Евразийского экономического союза по применению информационных технологий разработана и утверждена Стратегия развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза до 2025 года. Стратегия представляет собой комплексный, концептуальный документ, в котором изложены стратегические приоритеты развития интегрированной информационной системы Союза, а также механизмы и способы их реализации. Стратегией определены отдельные направления развития интегрированной системы. Одним из таких направлений является нормативно-правовое. Поэтому, в рамках реализации указанного направления таможенные службы ЕАЭС проводят следующие мероприятия:

- разработку и принятие нормативных актов органов Союза, которые устанавливают порядок обеспечения информационной безопасности при межгосударственном взаимодействии, создания цифровой платформы, формирования организационной основы проведения технической экспертизы, реализуемых решений в информационной системе;

- разработку и согласование нормативных, организационно-технических документов, регулирующих процедуры межгосударственного и межведомственного информационного взаимодействия;

- организацию сотрудничества с некоторыми международными организациями, в сферу деятельности которых входят разработка единых стандартов и рекомендаций по формированию интегрированных информационных систем, а также выработка методологий, моделей данных и процессов в этой сфере;

- проведение анализа международной практики межгосударственного информационного взаимодействия.

Важно отметить, что в рамках Евразийского экономического союза действует среднесрочный документ стратегического характера – Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года. Поэтому, принимая во внимание задачи совершенствования и развития цифровой экономики и информационного взаимодействия, актуальными становятся вопросы организационно-правового обеспечения применения информационных технологий с целью дальнейшего формирования интегрированной системы Союза и в последствии единого информационного пространства.

Таким образом, стоит отметить, что происходящие процессы информатизации деятельности таможенных органов и динамика интеграционных процессов привели к изменениям законодательства в сфере информационных таможенных технологий. Поэтому одним из приоритетных направлений развития интеграционного объединения – Евразийского экономического союза является совершенствование нормативной правовой базы применения информационных технологий совместно с повышением эффективности их работы. Необходим действенный механизм дальнейшего совершенствования порядка информационного электронного обмена между государствами-участниками Союза и интеграции национальных информационных систем с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия, с целью создания благоприятных условий для субъектов внешнеэкономической деятельности.

Список литературы

1. Договор «О Евразийском экономическом союзе» [от 29 мая 2014 г.] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
2. Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 №100 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
3. О стратегии развития трансграничного пространства доверия: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27.09.2016 №105 // Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org.
4. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [сайт] – URL: http://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 25.09.2018).
5. Официальный сайт Евразийского экономического союза [сайт] – URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 25.09.2018).
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение №1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [от 11 апреля 2017 г.] // Официальный сайт Евразийского экономического союза ww.tsouz.ru.

Reference list

1. Treaty "On the Eurasian Economic Union" [May 29, 2014] // Official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
2. On the Development Strategy of the approval of an integrated information system of the Eurasian Economic Union in the period up to 2025: Decision by the Council of the Eurasian Economic Commission dated 22.08.2017 №100 // Official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
3. On the strategy for the development of a cross-border trust space: The Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission №105 of September 27, 2016 // The official website of the Eurasian Economic Union www.eaeunion.org.
4. Official website of the Eurasian Economic Commission [site] - URL: http://eec.eaeunion.org/ (date of access: 25.09.2018).
5. Official website of the Eurasian Economic Union [website] - URL: http://www.eaeunion.org/ (date of access: 25.09.2018).
6. The Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix №1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) [on April 11, 2017] // Official website of the Eurasian Economic Union ww.tsouz.ru.

УДК 349:681

Нарутто С.В.,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В данной статье анализируется законодательство и практика его реализации в области самостоятельного присуждения ученых степеней организациями, которым делегировано такое полномочие государством. Автор на основе исследования локальных правовых актов, принятых указанными научными и образовательными организациями и регулирующих порядок создания и функционирования диссертационных советов и процедуры присуждения ученых степеней, и сопоставления их с действующим федеральным законодательством, выделяет как положительные, так и негативные тенденции в новой модели научной аттестации.

Особое внимание уделяется анализу локальных норм, касающихся научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, порядка формирования диссертационных советов, а также требований к членам диссертационных советов, соискателям, диссертациям, к оппонентам, ведущим организация, процедурам аудио-видео съемки заседания диссертационного совета и голосования, порядку подачи апелляции на решение диссертационного совета и пр.

Делаются выводы о нарушениях прав соискателей, сужении объема требовательности к субъектам научной аттестации, открытости и гласности процедур по сравнению с традиционной моделью присуждения ученых степеней кандидата и доктора наук. Автор отмечает коррупционные аспекты в локальных актах.

Критический анализ локальных правовых актов организаций позволил сделать вывод о необходимости корректировки локальных правовых актов организаций, регулирующих деятельность диссертационных советов, порядок присуждения ученых степеней.

Ключевые слова: научная аттестация, диссертация, номенклатура, ученая степень, присуждение, диссертационный совет, соискатель

Narutto S.,
Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

DEMOCRATIC TENDENCIES IN THE NEW MODEL OF THE STATE SYSTEM OF SCIENTIFIC PROMOTION AND ISSUES OF PRESERVING A UNIFIED LEGAL SPACE

This article examines the Russian legislation and its implementation practice for independent conferment of a higher degree by institutions that have such delegated power from the state. In the new model of scientific promotion the article author emphasizes both positive and negative tendencies, drawing on local legal acts that are adopted by the above-mentioned scientific institutions and educational establishments and ones regulating the creation order, and the functioning of dissertation boards, and the procedure of conferment of higher degrees, and their assimilation with applicable federal laws.

Particular attention in this regard is paid to the analysis of local provisions relating to academic specialties upon which higher degrees are conferred, as well as the procedure for establishing dissertation boards, requirements for members of dissertation boards, degree-seeking students, to dissertations, objectors, leading institutions, process of audio/video shooting sessions of the dissertation board and voting, to the procedure for filing of an appeal on the ruling of the dissertation board, etc.

Conclusions are made on infringements of degree-student rights, narrowing the scope of requirements for fellows of scientific promotion, openness and transparency of procedures in contrast with the traditional model of conferment of the Doctor and Candidate (PhD) higher degrees. The article author submits that there are corruption aspects in local provisions.

A critical overview of the local legal provisions of institutions led to the conclusion that it is necessary to make adjustments to the local legal provisions of institutions regulating activity of dissertation boards, the procedure of conferment of higher degrees.
Keywords: scientific promotion, dissertation, nomenclature, higher degree, conferment, dissertation board, degree-seeking student

Право самостоятельного присуждения ученых степеней в настоящее время получили 27 организаций. Причем изначально такое право приобрели МГУ и СПБГУ согласно Федеральному закону от 23 мая 2016 г. №148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» [1]. В соответствии с законом университетам передали права: 1) создавать на своей базе советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, определять и изменять составы этих советов, устанавливать полномочия этих советов, определять перечни научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты, осуществлять контроль за деятельностью этих советов, приостанавливать, возобновлять и прекращать деятельность этих советов; 2) устанавливать порядок присуждения ученых степеней, включая критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, порядок представления, защиты диссертаций на соискание ученых степеней, порядок лишения, восстановления ученых степеней, рассмотрения апелляций; 3) утверждать положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, формы дипломов об ученых степенях, технические требования к таким документам, порядок их оформления и выдачи.

Другие же научные и образовательные организации право присуждать ученые степени получили в результате конкурса. При этом они должны были соответствовать предусмотренным законом условиям: 1) обладать высокими результатами в научной и (или) научно-технической деятельности; 2) обладать авторитетом в вопросах подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации; 3) реализовывать разработанные и утвержденные самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования; 4) либо иметь статус национального исследовательского центра, либо государственного научного центра, либо категорию «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет».

Кроме этих условий Правительством были установлены дополнительные критерии для трех категорий организаций: 1) образовательных организаций высшего образования; 2) федеральных университетов и национальных исследовательских университетов; 3) научных организаций [2].

Из 30 подавших заявки на участие в конкурсе образовательных организаций и 21 научной организации первоначально к перечню таких организаций были отнесены 4 научные организации и 19 образовательных организаций высшего образования [3]. В 2018 году заявления подали 9 образовательных и 3 научные организации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2018 г. №1766-р «О внесении дополнения в Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2017 г. №1792-р» [4], перечень пополнился двумя образовательными организациями.

Таким образом, традиционная модель государственной системы научной аттестации дополнилась новой моделью аттестации с самостоятельным присуждением ученых степеней организациями, включенными в перечень распоряжением Правительства РФ. Введение новой модели аттестации научных и научно-педагогических работников обусловлено необходимостью повышения конкурентоспособности отечественного научно-исследовательского комплекса путем формирования открытой и современной исследовательской системы в ведущих научных и образовательных центрах, которые должны обеспечить получение перспективных научных результатов и качественное воспроизводство кадров высшей квалификации.

Реализация организациями права самостоятельного присуждения ученых степеней обусловила вариативность подходов к организации и проведению научной аттестации, ее децентрализации и демократизации, обусловленное расширением правовой регламентации за счет локального регулирования. При этом большинство организаций остались в едином правовом пространстве в отношении регулирования создания диссертационных советов по отраслям науки, перечень которых утвержден Приказом Минобрнауки России от 16 октября 2018 г. №48н «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным ор-

Как цитировать статью: Нарутто С.В. Демократические тенденции в новой модели государственной системы научной аттестации и проблемы сохранения единого правового пространства // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 124–130

ганизациям высшего образования, включенным в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» перечень, предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона» [5]. В этих организациях диссертационные советы создаются по научным специальностям и отраслям науки в соответствии с Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной Приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. №1027 (в ред. от 23 марта 2018 г.) [6], как это предписано правилом Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»: «Указанная номенклатура является обязательной для всех ученых степеней, присуждаемых в рамках государственной системы научной аттестации».

Вместе с тем в Положении о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» [7] используется категория «*область* науки», которая не употребляется в Приказе Минобрнауки России: «Комиссия диссертационного совета готовит заключение о соответствии темы и содержания диссертации *области* науки, по которой диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации» (п. 5.9); «Диссертационный совет вправе отказать соискателю в рассмотрении диссертационной работы. Основанием для отказа являются: …несоответствие темы и содержания диссертации *области* науки, по которой диссертационному совету предоставлено право принимать к защите диссертации» (п. 4.8). В отношении кандидатского экзамена п. 2.3 предусмотрено: «Экзамен проводится не по всей соответствующей *области науки*, а по *узкой специальности*, соответствующей теме будущей диссертационной работы и определяемой диссертационным советом. При сдаче экзамена по *специальности* в другой организации решение о возможности перезачета его результата в НИУ ВШЭ принимается диссертационным советом НИУ ВШЭ. Сдача других кандидатских (квалификационных) экзаменов не предусмотрена». Кроме того, Положением предусмотрено право ученого совета ВШЭ разрабатывать и утверждать «*паспорт области науки*» (п. 4.1), хотя паспорта разрабатываются по конкретной научной специальности и ученые степени присуждаются по отраслям науки.

Как видим, организация в своем локальном регулировании вышла за пределы предоставленных полномочий, поскольку государство не делегировало ей право самостоятельно утверждать паспорта специальностей, устанавливать собственный перечень кандидатских экзаменов [8] и интерпретировать номенклатуру. Самостоятельное определение областей науки и научных специальностей организациями неминуемо приведет к хаосу в системе государственной научной аттестации и нарушению целого ряда нормативных правовых актов. Организациям можно было бы предложить следующий законный вариант решения проблемы с номенклатурой научных специальностей – проведение междисциплинарных защит диссертаций, но в рамках существующей номенклатуры научных специальностей. В данном случае организации могут действовать свободно и без нарушений каких-либо правил и требований нормативного правового характера. Что касается совершенствования паспортов научных специальностей при появлении новых направлений развития научного знания, то оно, безусловно, необходимо, но новые положения паспортов должны быть едиными и доступными всем, сочетаться с направлениями подготовки в аспирантуре.

Самостоятельное присуждение рядом организаций ученых степеней не означает, что они отказались от государственной системы научной аттестации, поскольку основные требования к соискателям, членам диссертационных советов, критерии диссертации заданы законом и от них нельзя отходить. Так, абз. 5 п. 3.1. ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» установлено, что критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней, присуждаемых организациями самостоятельно, а также требования к научной квалификации членов советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, создаваемых в этих организациях, не могут быть ниже аналогичных критериев и требований, установленных для существующей модели аттестации.

В организациях, самостоятельно присуждающих ученые степени, можно выделить несколько организационно-правовых форм диссертационных советов: 1) постоянно действующие диссертационные советы (схожие с существующими в рамках традиционной модели научной аттестации) (например, МГУ, Горный университет, РХТУ им. Д.И. Менделеева); 2) разовые диссертационные советы, формируемые по одной или нескольким научным специальностям для каждой конкретной защиты диссертации (СПбГУ, МФТИ, МГИМО); 3) диссертационные советы, формируемый на каждую защиту из числа утвержденных кандидатов в члены совета (НИУ ИТМО); 4) сочетание постоянно действующих и разовых диссертационных советов, создаваемых при условии отсутствия совета, действующего на постоянной основе, по научной специальности представленной диссертации (КФУ, РУДН); 5) диссертационные советы с утвержденным постоянным составом с возможностью введения дополнительных специалистов, в том числе и иностран-

ных (НИЯУ МИФИ); 6) диссертационные советы с формированием комитета (комиссии) для проведения защиты (РАНХиГС, НИУ ВШЭ, НГУ, ТПУ).

В целом аттестационные процедуры при вариативности формирования диссертационных советов ориентируются на сложившуюся традиционную модель и характеризуются доступностью, открытостью и гласностью. Однако наряду с устоявшимися и общепринятыми процедурами в организациях используются и такие, которые в большей мере отвечают демократическим требованиям.

Так, в ряде организаций допускается представление соискателем ученой степени диссертации и сопроводительных документов в электронном виде через систему подачи и рассмотрения документов диссертационных советов, размещенную на официальном сайте (например, Объединенный институт ядерных исследований). При этом решение о принятии или об отказе в принятии диссертации к защите принимается Квалификационной комиссией, которая проводит предварительное рассмотрение представленной соискателем диссертации.

В большинстве организаций, как и в действующей модели научной аттестации предусмотрена аудио-видео съемка заседания диссертационного совета. Трансляция заседания диссертационного совета по защите диссертации в режиме реального времени ведется в СПбГУ и УрФУ.

В 10 организациях предусмотрена возможность участия в удаленном режиме в заседаниях диссертационного совета (МГИМО, ВШЭ, МИФИ, РАНХиГС, СПбГУ, МИСиС, ИТМО, ФинУ, НГУ, ОИЯИ). В некоторых организациях допускается участие в удаленном режиме в защите оппонентов, давших положительный отзыв на диссертацию (НИЯУ МИФИ, НИУ ИТМО, ИОНХ РАН).

Инициативы передовых образовательных и научных организаций и их объединений в части совершенствования системы государственной научной аттестации, без сомнения, стимулируют позитивное отечественной развитие науки, подталкивают к объективной реакции на вызовы современности. Необходимо учитывать общемировые тенденции и применять самый передовой опыт, чтобы не отставать от глобальных трендов. Вместе с тем необходимо иметь ввиду, что российская наука уже сформировала свои традиции, школы, обладает качественным кадровым потенциалом, в связи с чем, опыт зарубежных государств, пусть и наиболее преуспевающих по разным направлениям, не должен иметь бездумного превалирующего значения.Фактически в большинстве случаев реформа системы научной аттестации привела к упрощению бюрократических процедур, как для самих организаций, так и для соискателей ученых степеней. Но применяя на локальном уровне новые прогрессивные правила, организациям необходимо соблюдать действующее федеральное нормативное правовое регулирование и приложить все усилия для того, чтобы не допустить снижения уровня научной аттестации, а напротив усилить данное направление.

К сожалению, приходится констатировать, что демократизация системы научной аттестации в ряде случаев привела к нарушениям действующего законодательства, отступлению от принципов гласности и открытости процедур, ущемлению прав соискателей ученых степеней.

Так, отступление от действующего законодательства, влекущее ограничение прав соискателей, их неравенство в зависимости от модели научной аттестации, проявляется в требовании ряда организаций к дополнительному представлению соискателями копии документа о признании и об установлении эквивалентности, выданного Минобрнауки России (без учета международных договоров Российской Федерации и утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. №582-р перечня иностранных организаций, выдавших документ об ученой степени и не нуждающихся в получении свидетельства о признании ученой степени [9]).

При включении в состав диссертационных советов лиц, имеющих ученую степень, полученную в иностранном государстве, в ряде организаций допускается существенное отступление от требования о ее признании в Российской Федерации, обладании данными лицами теми же академическими и (или) профессиональными правами, что и доктора наук в Российской Федерации. Так, в НИУ ВШЭ из 57 членов диссертационных советов, имеющих степень PhD, только 18 соответствуют критериям, установленным законодательством. К оппонированию по кандидатской диссертации допускается иностранный специалист с любой ученой степенью (МГУ), оппонентом по докторской может быть назначен специалист со степенью PhD (ТПУ), либо организация сама признает ученые степени в целях допуска к оппонированию (УрФУ). Названными организациями игнорируется Распоряжение Правительства РФ от 5 апреля 2016 г. №582-р «Об утверждении перечня иностранных научных организаций и образовательных организаций, которые выдают документы об ученых степенях и ученых званиях, признаваемых в Российской Федерации» [9], в котором иностранные ученые степени PhD приравниваются в России к степени кандидата наук, а не доктора.

В отдельных организациях упрощение ряда процедур и правил привело фактически к снижению уровня требований к соискателю ученых степеней. Так, в нормативных документах НГУ в перечне документов, предъявляемых соискателем, при предъ-

явлении документа о высшем образовании уровня «специалитет» или «магистратура» не предусмотрено представление справки о сданных кандидатских экзаменах. В ИХБМФ СО РАН предусмотрена сдача кандидатского экзамена только по специальности. В Порядке присуждения ученых степеней в ПНИПУ устанавливается перечень прилагаемых документов, среди которых нормативно неопределенные и, соответственно, реализуемые с высокой степенью произвольного усмотрению «заключения научных семинаров», «отчет о проверке текста диссертации на наличие некорректных заимствований» (п.16).

Снижению уровня открытости и гласности способствуют такие факты как отсутствие в локальных правовых актах правила об обязательной аудио-видео съемке заседания диссовета (МЭИ, ГорныйУ), обязательной передаче текстов диссертаций и авторефератов в Российскую государственную библиотеку для общедоступного беспрепятственного ознакомления любыми желающими (РУДН, БелГУ, МИСиС, ИТМО). В КФУ предусмотрена возможность трансляции заседания диссертационного совета, но не является при этом обязательной. В РАНХиГС предусмотрен этап обсуждения заключения, во время которого аудио-видео запись не ведется. В результате выведения этого важного этапа защиты диссертации из сферы открытости и доступности общественность и соискатель лишаются возможности при апелляции подтверждать свои аргументы и доводы фактическими данными.

Проблемы локальной правовой регламентации отношений научной аттестации индикативно характеризует растущее количество обращений с жалобами на действия и решения субъектов, наделенных правами самостоятельного присуждения ученых степеней. Жалобы граждан в Минобрнауки преимущественно связаны с отсутствием открытости в деятельности диссертационных советов, включая размещение на сайтах организаций документов, регулирующих проведение аттестационных процедур. Так, на сайте НГУ в раздел «Диссертационные советы. Нормативные документы» отсутствуют локальные акты о порядке присуждения ученых степеней, о диссертационных советах, о порядке выдаче дипломов и пр. Также отсутствуют локальные акты на сайте РХТУ. На сайте ЮФУ в разделе «Государственная научная аттестация» размещены лишь правовые документы Правительства Российской Федерации и Минобрнауки по 2014 год. В УрФУ локальные акты размещены на сайте в разделе «Сотрудникам», что затрудняет поиск и предполагает возможность защит исключительно работников и выпускников данного вуза.

О снижении уровня демократичности свидетельствуют отдельные положения локальных правовых актов, касающиеся требований к оппонентам, ведущим организациям, процедур голосования. Например, не предусмотрены оппоненты и ведущая организация в МГИМО, где отзывы на диссертацию представляют внутренний и внешний рецензенты которые впоследствии становятся членами диссертационного совета. Не предусмотрены оппоненты и ведущая организация в ФинУ, ВШЭ, НГУ и СПбГУ. В этих организациях отзывы по диссертации могут представить в установленном порядке все заинтересованные лица.

Снижены требования к правомочности заседания диссертационных советов. Так, если в стандартной модели научной аттестации заседание диссертационного совета считается правомочным, если в его работе принимает участие не менее 2/3 списочного состава членов диссертационного совета, то в отдельных организациях для правомочности заседания достаточно участия 1/2 списочного состава совета. При этом решение диссертационного совета по вопросу присуждения ученой степени кандидата наук или доктора наук считается положительным, если за него проголосовало не менее 1/2 членов диссертационного совета, участвовавших в заседании (МИСиС).

Положение о порядке присуждения ученых степеней МГИМО устанавливает правило, которое может служить основанием для дальнейших проявлений коррупции (п.3.12). Так, если любой из членов диссертационного совета не явится на публичную защиту диссертации, как по уважительной причине, так и без таковой, то это будет являться обстоятельством для того, чтобы снять диссертацию с защиты. Такое положение дает основание любому члену диссертационного совета требовать каких угодно благ от соискателя ученой степени за свою явку на его защиту. Учитывая то, что участие в заседании диссертационного совета осуществляется на общественных началах, привлечь к какой-либо ответственности члена диссертационного совета за отсутствие по любым причинам на заседании не представляется возможным.

Положение о диссертационных советах ПНИПУ устанавливает возможность признания бюллетеней для голосования членов диссертационного совета в качестве недействительных (п. 4.5). При этом отсутствует порядок юридического учета такого бюллетеня: в качестве голоса «против», «за» или в качестве нерозданного бюллетеня, что представляет собой коррупциогенный фактор, так как члены диссертационного совета могут таким образом негативным образом влиять на итоговое решение. Такая негативная деятельность может осуществляться путем умышленной порчи бюллетеня для того, чтобы голосование признавалось несостоявшимся, затягивало весь процесс публичной защиты для возможного воздействия на соискателя ученой степени с материальной заинтересованностью.

Решение о присуждении ученой степени, по общему правилу, принимает коллегиальный орган

организации (диссовет, комиссия). Однако в отступление от этого демократического установления, в НГУ решение о присуждении ученой степени принимает ректор.

В МГИМО диссертационный совет по результатам защиты диссертации может принять решение о выдаче диплома «при условии незначительной / значительной доработки текста». При условии выполнения соискателем рекомендаций диссертационного совета и доработки текста диссертации диплом об ученой степени выдается при наличии заключения, подписанного внутренним рецензентом. Такое правило нарушает принципы гласности и открытости принятия итогового решения, открывает возможности для коррупционных нарушений либо для ущемления прав соискателя.

Демократичность аттестационных процедур проявляется и в установлении порядка апелляции. В 15 организациях апелляцию может подать любое физическое или юридическое лицо, в том числе соискатель. Однако в 3 организациях установлено, что апелляция может быть подана исключительно соискателем. Таким образом, сужается круг лиц, которые могут оспорить допущенные организациями нарушения. В ряде организаций процедура апелляции урегулирована недостаточно аккуратно. Так, локальные акты ПНИПУ не содержат положений, определяющих круг лиц, которые вправе подать апелляцию. Порядок присуждения ученых степеней в Пермском научно-исследовательском политехническом университете не содержит норм о вопросах опротестования решения диссертационного совета, порядка проведения защиты диссертации и подготовки соответствующих документов.

Положение о присуждении ученых степеней в Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН позволяют различным формированиям Института продлевать срок, связанный с рассмотрением апелляции (пункты 4.4, 4.5). При этом крайние пределы такого рода продлений не обозначены, что позволяет фактически никогда не принимать окончательного решения по итогам рассмотрения апелляции. Недемократичны нормы локальных актов КФУ и НИУ ВШЭ, допускающие подачу апелляция только на отрицательное решение диссертационного совета. Фактически общественность лишена права оспорить положительное, но незаконное или несправедливое решение совета. В Положении о порядке присуждения ученых степеней в МИСиС указано, что апелляция в части нарушения процедуры проведения защиты диссертации размещается на сайте МИСиС (п. 4.4), но не указан срок, в течение которого это должно быть сделано, что фактически нивелирует саму идею публичного оглашения факта подачи соответствующей апелляции.

Во многих организациях не предусмотрена возможность восстановления ученой степени, что является обязательным элементом процедуры осуществления государственной научной аттестации, способствующим ее демократичности и открытости.

Таким образом, комплекс организационно-правовых механизмов предоставления особого порядка присуждения ученых степеней не в полной мере основывается на законности и прозрачности всего процесса присуждения ученой степени. При переходе на новую модель подготовки научных кадров вуз или научная организация должны сохранять и обеспечить существующий порядок проведения видеозаписи защиты диссертации, создать у себя на сайте форум по ее обсуждению и взять на себя ответственность за контроль и качество работы диссертационного совета.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23 мая 2016 г. №148-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 2016. №22. Ст. 3096.
2. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2017 г. №553 (в ред. от 1 октября 2018 г.) «Об утверждении Положения о формировании перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым - четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 2017. №21. Ст. 3006.
3. Распоряжение Правительства РФ от 23 августа 2017 г. №1792-р (в ред. от 27 августа 2018 г.) «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым-четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 №127-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. 2017. №35. Ст. 5392.
4. Распоряжение Правительства РФ от 27 августа 2018 г. №1766-р «О внесении дополнения в Перечень научных организаций и образовательных организаций высшего образования, утв. распоряжением Правительства РФ от 23.08.2017 №1792-р» // Собрание законодательства РФ. 2018. №36. Ст. 5677.
5. Приказ Минобрнауки России от 16 октября 2018 г. №48н «Об утверждении перечня отраслей науки, в рамках которых научным организациям и образовательным организациям высшего образования, включенным в утвержденный Правительством Российской Федерации в соответствии с абзацем шестым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» перечень, предоставляются

права, предусмотренные абзацами вторым - четвертым пункта 3.1 статьи 4 указанного Федерального закона» (Зарегистрировано в Минюсте России 29 октября 2018 г. №52552) // http://www.pravo.gov.ru, 30.10.2018.
6. Приказ Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. №1027 (в ред. от 23 марта 2018 г.) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени» // http://www.pravo.gov.ru, 21.11.2017.
7. Приказ НИУ ВШЭ в ред. от 16 апреля 2018 г.№6.18.1-01/1604-07 «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» // https://www.hse.ru/docs/218589582.html
8. Приказ Минобрнауки России от 28 марта 2014 г. №247 «Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня» // Российская газета. 2014. 2 июля. №145.
9. Распоряжение Правительства РФ от 5 апреля 2016 г. №582-р «Об утверждении перечня иностранных научных организаций и образовательных организаций, которые выдают документы об ученых степенях и ученых званиях, признаваемых в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. №15. Ст. 2136.
10. Письмо Минобрнауки России от 28 октября 2014 г. №13-4139 «О подтверждении результатов кандидатских экзаменов» // Администратор образования. 2014. №23.

Reference list

1. Federal Law of May 23, 2016 №148-FL (as amended on July 29, 2017) "On amendments to Article 4 of the Federal Law "On science and state scientific and technical policy" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016. №22. Art. 3096.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of May 11, 2017 №553 (as amended on October 1, 2018) "On the approval of the Regulation on the formation of the list of scientific organizations and educational institutions of higher education, which are granted the rights stipulated in paragraphs two to four of clause 3.1 of Article 4 Federal Law "On science and state science and technology policy" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017. №21. Art. 3006.
3. Order of the Government of the Russian Federation of August 23, 2017 №1792-p (as amended on August 27, 2018) "On approval of the list of scientific organizations and educational institutions of higher education, which are granted the rights provided for by paragraph 2 and 4 of clause 3.1 of Article 4 of the Federal of Law of 23.08.1996 №127-FL" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017. №35. Art. 5392.
4. Order of the Government of the Russian Federation of August 27, 2018 №1766-p "On amendment to the List of Scientific Organizations and Educational Institutions of Higher Education, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated August 23, 2017 №1792-R" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2018. №36. Art. 5677.
5. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 16, 2018 №48n "On approval of the list of branches of science, within which scientific organizations and educational institutions of higher education included in the approved by the Government of the Russian Federation in accordance with paragraph six of clause 3.1 of Article 4 of the Federal Law "On Science and state scientific and technical policy "List, the rights provided by paragraphs 2 and 4 of clause 3.1 of Article 4 of the Federal Law are granted" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on October 29 l was 2018 №52552) // http://www.pravo.gov.ru, 30.10.2018.
6. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 23, 2017 №1027 (as amended on March 23, 2018) "On approval of the nomenclature of academic specialties for which higher degree are conferred" // http://www.pravo.gov.ru, 21.11 .2017.
7. National Research University Higher School of Economics order in reduction of April 16, 2018 №6.18.1-01 / 1604-07 "On approval of the Regulation on the granting of academic degrees at the National Research University Higher School of Economics" // https://www.hse.ru/docs/218589582.html
8. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated March 28, 2014 №247 "On approval of the procedure for attaching persons for candidate examinations, candidate examinations and their list" // Russian newspaper. 2014. 2nd of July. №145.
9. Order of the Government of the Russian Federation of April 5, 2016 №582-p "On approval of the list of foreign scientific organizations and educational institutions that issue documents on academic degrees and academic titles recognized in the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016. №15. Art. 2136.
10. Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated October 28, 2014 №13-4139 "On confirmation of the results of candidate exams" // Education Administrator. 2014. №23.

УДК 342.7

Вяткина Г.О.,
магистрант юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, стипендиат Президента Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье автор обосновывает роль научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования как важного научного сектора. Научно-исследовательская деятельность рассматривается с позиции ключевого компонента содержания образования. В ходе анализа Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» автор обосновывает необходимость интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности. В статье раскрывается сущность федерального государственного образовательного стандарта и проводится сравнительно-правовой анализ содержания стандартов нескольких областей образования в части, касающейся требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся. Автор приходит к выводу о том, что образовательные стандарты, призванные обеспечить унификацию требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся, не справляются со своей функцией в полной мере в силу постановки разных задач перед выпускниками, освоившими программу бакалавриата по тому или иному направлению подготовки. Автор выясняет, что вопросы организации работы научного подразделения законодатель оставляет на усмотрение самой образовательной организации. Результатом исследования являются конкретные рекомендации по совершенствованию правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся, которые могут быть квалифицированы как вклад в теоретическое осмысление проблемы правового регулирования научно-исследовательской обучающихся в образовательных организациях высшего образования. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности по совершенствованию системы, структуры и содержания федерального законодательства об образовании и науке.

Ключевые слова: наука, образование, правовое регулирование научно-исследовательской деятельности обучающихся, образовательная организация высшего образования, федеральный государственный образовательный стандарт, научное подразделение

Vyatkina G.,
Master's Degree Student of the Law Faculty of Ivan Petrovsky Bryansk State University,
Scholarship Holder of the President of the Russian Federation

PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION

In the article the author substantiates the role of research activities of students in educational institutions of higher education as an important scientific sector. Research activities are considered from the position of a key component of the content of education. During the analysis of the Federal Law of 29.12.2012 №273-FL "On education in the Russian Federation" the author substantiates the necessity of integration of educational and research activities. The article reveals the essence of the Federal State Educational Standard and provides a comparative legal analysis of the content of standards in several areas of education in terms of requirements for research activities of students. The author comes to the conclusion that educational standards designed to ensure the unification of requirements for research activities of students do not cope with their function in full due to the formulation of different tasks for graduates who have mastered the bachelor's program in a particular field of training. The contributor finds out that the questions of the organization of work of the scientific unit the legislator leaves

to the discretion of the educational organization. The result of the study are specific recommendations for improving the legal regulation of research activities of students, which can be qualified as a contribution to the theoretical understanding of the problem of legal regulation of research students in educational institutions of higher education. The results of the study can be used to improve the system, structure and content of Federal legislation on education and science.

Keywords: science, education, legal regulation of research activities of students, educational organization of higher education, Federal State Educational Standard, scientific division

В настоящее время наука выступает мощным фактором повышения качества жизни населения, способствуя развитию экономики, медицины, управления, кадрового потенциала, взаимоотношений общества и государства. Одним из ключевых научных секторов является научно-исследовательская деятельность обучающихся. Именно в период обучения в образовательной организации высшего образования зачастую выявляется и раскрывается интеллектуальный потенциал обучающихся, которые в дальнейшем могут стать выдающимися учёными. Становление студента как исследователя зависит, в первую очередь, от порядка организации и правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Вопросы, связанные с организацией научно-исследовательской деятельности студентов активно разрабатываются в работах различных ученых. Например, научные труды таких авторов, как Е.В. Бережнова, В.В. Краевский, Н.И. Люткин, Г.А. Бордовский, В.В. Балашов, Л.Н. Гражданкина, М.В. Шацкая раскрывают вопросы организации и методического обеспечения научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования в процессе их обучения [9, 12, 10, 13, 11, 14]. Однако системные исследования, направленные на изучение правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования, в юридической науке на сегодняшний день отсутствуют.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под образованием понимается «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1, ст. 7568].

Статья 72 данного Закона указывает на необходимость интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности, так как это способствует повышению качества подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования, а также использованию новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности. В статье также закреплены различные формы интеграции образования и науки (например, проведение научных исследований и экспериментальных разработок за счет грантов или иных источников финансового обеспечения, создание в образовательных организациях лабораторий, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность). Таким образом, научно-исследовательская деятельность является одним из важных компонентов содержания образования.

Содержание образования устанавливается федеральными государственными образовательными стандартами (далее – стандарт). В соответствии со статьей 2 закона №273-ФЗ под стандартом понимается «совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования». Таким образом, стандарт призван унифицировать требования к специальностям разных сфер образования [1, ст. 7568].

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки от 12 сентября 2013 года №1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» профессии, специальности и направления подготовки объединяются в укрупненные группы. Под укрупненной группой понимается совокупность родственных профессий, специальностей и направлений подготовки [8]. Для обобщенной характеристики профессий, специальностей и направлений подготовки укрупненные группы объединяются в области образования, то есть совокупность укрупненных групп, относящихся к определенной сфере деятельности. К областям обра-

Как цитировать статью: Вяткина Г.О. Проблемы и пути совершенствования правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 131–136

зования относятся: 1) математические и естественные науки; 2) инженерное дело, технологии и технические науки; 3) здравоохранение и медицинские науки; 4) сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки; 5) науки об обществе; 6) образование и педагогические науки; 7) гуманитарные науки; 8) искусство и культура.

Проанализируем стандарты нескольких областей образования уровня бакалавриата и сравним их со стандартами внутри и вне группы в части, касающейся требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся: федеральные государственные образовательные стандарты (далее – ФГОС) высшего образования по направлениям подготовки: 1) 03.03.02 Физика, 06.03.01 Биология (в области образования «Математические и естественные науки»); 2) 40.03.01 Юриспруденция, 38.03.01. Экономика (в области образования «Науки об обществе»); 3) 44.03.01 Педагогическое образование, 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (в области образования «Образование и педагогические науки») [4, 2, 5, 3, 6, 7].

В ходе анализа выяснилось, что стандарты первой области образования относят научно-исследовательскую деятельность к типу профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по данным направлениям. Однако стандарты ставят перед выпускниками различные задачи научно-исследовательской деятельности.

Стандарт по направлению подготовки «Физика» предусматривает решение выпускником несколько ключевых задач научно-исследовательской деятельности, среди которых: 1) освоение методов научных исследований; 2) освоение теорий и моделей; 3) участие в проведении физических исследований по заданной тематике; 4) участие в обработке полученных результатов научных исследований на современном уровне; 5) работа с научной литературой с использованием новых информационных технологий. Кроме того, данный стандарт закрепляет научно-исследовательскую работу как составляющую производственной практики обучающегося [4].

В соответствии с ФГОС по направлению подготовки «Биология» выпускник должен быть готов решать следующие профессиональные задачи: 1) научно-исследовательская деятельность в составе группы; 2) подготовка объектов и освоение методов исследования; 3) участие в проведении лабораторных и полевых биологических исследований по заданной методике; 4) выбор технических средств и методов работы, работа на экспериментальных установках, подготовка оборудования; 5) анализ получаемой полевой и лабораторной биологической информации с использованием современной вычислительной техники; 6) составление научных докладов и библиографических списков по заданной теме; 7) участие в разработке новых методических подходов; 8) участие в подготовке научных отчетов, обзоров, публикаций, патентов, организации конференций. Интересно, что стандарт не включает научно-исследовательскую работу в производственную практику [2]. Мы видим, что второй стандарт, с одной стороны, предъявляет к научно-исследовательской деятельности больше требований к обучающимся, с другой стороны, в практику данный вид деятельности не входит.

Оба стандарта настаивают на освоении методов научного исследования, участии в проведении исследовании по заданной тематике и работе с научной литературой. Однако, второй стандарт, например, больше внимания уделяет исследованиям в составе группе, составлению научных докладов, участию в подготовке публикаций, организации конференций, участию в разработке новых методических подходов (заметим, последний пункт в первом стандарте даже косвенно не предусматривается). Таким образом, стандарты одной и той же области образования не предусматривают унифицированные требования к научно-исследовательской деятельности обучающихся и ставят перед выпускниками разные задачи.

Стандарт по направлению подготовки «Юриспруденция» вообще не относит научно-исследовательскую деятельность к типу профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по данному направлению [5].

ФГОС по направлению подготовки «Экономика» выделяет научно-исследовательскую деятельность наряду с аналитической как вид профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата. К задачам данных видов деятельности стандарт относит, например: 1) поиск информации по полученному заданию, сбор и анализ данных, необходимых для проведения конкретных экономических расчетов; 2) анализ и интерпретация показателей, характеризующих социально-экономические процессы и явления на микро- и макроуровне как в России, так и за рубежом; 3) подготовка информационных обзоров, аналитических отчетов; 4) проведение статистических обследований, опросов, анкетирования и первичная обработка их результатов; 5) участие в разработке проектных решений в области профессиональной деятельности, подготовке предложений и мероприятий по реализации разработанных проектов и программ. Заметим, что научно-исследовательская работа включена стандартом и в учебную, и в производственную практику [3]. Таким образом, содержание стандартов в области «Науки об обществе» в части, касающейся требований к научно-исследовательской деятельности кардинально отличается.

Стандарт по направлению подготовки «Педагогическое образование» не рассматривает научно-иссле-

довательскую деятельность в качестве вида профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники данного направления подготовки, соответственно, специальные требования к ней не предъявляются. В то же время, стандарт включает научно-исследовательскую работу в план как учебной, так и производственной практики. Стандарт также устанавливает такую общепрофессиональную компетенцию выпускника как способность осуществлять педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний [6]. Идентичные требования содержит в себе и стандарт по направлению подготовки «Специальное (дефектологическое) образование» [7]. Вероятно, это связано с системным обновлением всех стандартов в данной области образования.

Сравнивая стандарты разных областей образования, было выявлено, что требования к научно-исследовательской деятельности в стандартах естественных областей образования гораздо выше, чем гуманитарных. Кроме того, не все области образования считают необходимым включать научно-исследовательскую деятельность в типы профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата. Большинство стандартов также включают данный вид деятельности в различные виды практик обучающихся. Тем не менее, в ходе анализа стандартов был выявлен высокий уровень разрозненности требований и задач научно-исследовательской деятельности. Следовательно, в настоящее время большинство стандартов ввиду своего содержания не могут в полной мере обеспечить унификацию требований к научно-исследовательской деятельности, а значит, регулирование особенностей данного научного сектора находится в ведении самой образовательной организации высшего образования.

В соответствии со статьей 27 Закона №273-ФЗ образовательная организация может иметь научно-исследовательские подразделения, [1, ст. 7568]. Статья 28 говорит о том, что образовательная организация самостоятельна в осуществлении научной деятельности. К ее компетенции относится, например: 1) поощрение обучающихся за успехи в научной деятельности; 2) организация научно-методической работы, в том числе организация и проведение научных конференций, семинаров; 3) развитие своих творческих способностей и интересов, включая участие в конкурсах и олимпиадах. На сегодняшний день Министерством науки и высшего образования не разработаны единые для всех образовательных организаций высшего образования рекомендации для организации работы научного подразделения и ведения научно-исследовательской деятельности или же вовсе её отсутствия.

В результате проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы: 1) научно-исследовательская деятельность обучающихся образовательных организаций высшего образования является важным компонентом содержания образования; 2) образовательные стандарты, призванные обеспечить единообразие требований к научно-исследовательской деятельности обучающихся, не справляются в полной мере со своей функцией в силу постановки совершенно разных задач перед выпускниками, освоившими программу бакалавриата по тому или иному направлению подготовки; 2) законодательство указывает на необходимость интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности, в то же время вопросы организации работы научного подразделения законодатель оставляет на усмотрение самой образовательной организации.

Таким образом, в целях повышения эффективности правового регулирования научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях высшего образования необходимо: 1) разработать единые требования к научно-исследовательской деятельности обучающихся в образовательных стандартах одной области образования; 2) включить научно-исследовательскую деятельность в типы профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата по тому или иному направлению подготовки, в содержание всех образовательных стандартов; 3) разработать методические рекомендации по организации научно-исследовательской деятельности обучающихся и работе научного подразделения, определив его правовой статус.

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что научно-исследовательская деятельность студентов является первым и самым важным шагом на пути к проведению масштабных научных исследований и развитию нашего общества. Именно поэтому необходимо создать условия, обеспечивающие чёткое правовое регулирование особенностей функционирования данного научного сектора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (в ред. от 14.08.2018) «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 31.12.2012. №53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 №944 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 06.03.01 Биология (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 №33812) // «Российская газета». №254. 07.11.2014.
3. Приказ Минобрнауки России от 12.11.2015 №1327 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бака-

лавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2015 №39906) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 03.12.2015.
4. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 №937 (ред. от 20.04.2016) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 03.03.02 Физика (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2014 № 33805) // «Российская газета». №18. 30.01.2015.
5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. №1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 29 декабря 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 29.12.2016.
6. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 №121 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 №50362) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.
7. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 №12 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 №50363) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.
8. Общероссийский классификатор специальностей по образованию. ОК 009-2016 (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 №2007-СТ)**.** М.: Стандартинформ, 2016.
9. *Бережнова Е.В., Краевский В.В.* Основы учебно-исследовательской деятельности студентов // Е.В. Бережнова, В.В. Краевский. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 128 с.
10. *Бордовский Г.А.* Научно-исследовательская деятельность – решающее условие повышения качества подготовки специалиста / Г.А. Бордовский // Подготовка специалиста в области образования: Научно-исследовательская деятельность в совершенствовании профессиональной подготовки. СПб., 2013. Вып. VII. С. 3-7.
11. *Гражданкина Л.Н.* Формирование системного подхода организации научно-исследовательской деятельности студентов в процессе самостоятельной работы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://college.biysk.secna.ru (дата обращения: 10.12.2018).
12. *Люткин Н.И.* Методика и организация научно-исследовательской деятельности студентов в университете. Учебно-методическое пособие // под ред. В.Г. Созанова и Б.А. Тахохова. Владикавказ: СОГУ, 2014. 157 с.
13. Научно-исследовательская деятельность студентов как элемент системы воспроизводства научных кадров в высшей школе // под ред. В.В. Балашова. М.: Изд. центр ГУУ, 2016. 358 с.
14. *Шацкая М.В.* Исследовательская деятельность студентов как фактор повышения качества подготовки специалистов // Молодой ученый. 2010. №12. Т.2. С. 140-142. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/23/2483/ (дата обращения: 09.12.2018).

Reference list

1. Federal Law of 29.12.2012 №273-FL (as amended on 14.08.2018) "On education in the Russian Federation" // "Collection of the legislation of the Russian Federation". 31.12.2012. №53 (part 1). Art. 7598.
2. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 07.08.2014 №944 "On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the field of study 06.03.01 Biology (Bachelor's level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 25.08.2014 №33812) // Rossiyskaya gazeta. №254. 07.11.2014.
3. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 12.11.2015 №1327 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the field of study 38.03.01 Economics (Bachelor's level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 30.11.2015 №39906) // Official Internet-portal of legal information http://www.pravo.gov.ru information, 03.12.2015.
4. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 07.08.2014 №937 (edition from 20.04.2016) "On approval of the federal state educational standard of higher education in the field of study 03.03.02 Physics (Undergraduate level)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 25.08.2014 №33805) // Rossiyskaya gazeta. №18. 30.01.2015.
5. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 1, 2016 №1511 "On approval of the federal state educational standard of higher education in the field of study 40.03.01 Jurisprudence (Bachelor's level) (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on December 29, 2016) // Official Internet-portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 29.12.2016.
6. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 02.22.2018 №121 "On approval of the federal state educational standard of higher education Bachelor degree in the field of study 44.03.01 Pedagogical education" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 15.03.2018 №50362) // Official Internet-portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.
7. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 22.02.2018 №12 "On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education Bachelor in the field of study 44.03.03 Special (Defectological)

Education" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 15.03.2018 №50363) // Official Internet-portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 16.03.2018.
8. All-Russian Classifier of specialties by education. OK 009-2016 (Approved by the Order of Rosstandart of 08.12.2016 №2007-ST). M.: Standardinform, 2016.
9. *Berezhnova E., Kraevskiy V.* Fundamentals of educational-research activities of students // E. Berezhnova, V. Kraevskiy. M.: Publishing Center "Akademiya", 2005. 128 p.
10. *Bordovskiy G.* Research activities are a decisive condition for improving the quality of specialist training / G. Bordovskiy // Training of a specialist in the field of education: Research activities in the improvement of professional training. SBR., 2013. Vol. VII. P. 3-7.
11. *Grazhdankina L.* Formation of a systematic approach to the organization of research activities of students in the process of independent work. [Electronic resource]. – Access mode: http://college.biysk.secna.ru (date of access: 10.12.2018).
12. *Lyutkin N.* Methods and organization of research activities of students at the university. Guidance manual // Under the editorship of V. Sozanov and B. Takhokhov. Vladikavkaz: SOSU, 2014. 157 p.
13. Research activities of students as an element of the system of training of scientific personnel in higher education system // Under the editorship of V. Balashov. M.: Publishing office of State University of Management, 2016. 358 p.
14. *Shatskaya M.* Research activities of students as a factor in improving the quality of training specialists // Young scientist. 2010. №12. Vol.2. P. 140-142. [Electronic resource] – Access mode: https://moluch.ru/archive/23/2483/ (date of access: 09.12.2018).

УДК 338.242:34.01:004

Бондаренко Т.Г.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансового менеджмента
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Анненков А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права
Института права и управления Тульского государственного университета

FINTECH И LEGALTECH: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПОСТРОЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена вопросам построения цифрового пространства за счет развития FinTech и LegalTech в части регулирования механизма построения и развития нормативно-правовой базы процессов цифровизации экономики, деятельности общества и существующего пространства. Построение новой виртуальной цифровой среды развивает инновационные процессы цифровой экономики через предоставление соответствующих актуальных юрисдикций. В статье отражены важнейшие приоритеты развития и существующие проблемы этого процесса в финансовом и правовом пространстве, выстроен ландшафт развития цифрового пространства с финансовой и организационно-правовой точек зрения.

В статье доказано, что являясь социально ориентированной, цифровизация пространства и общества предполагает выстраивание новой глобальной финансово-правовой экосистемы, требует изменения существующей инфраструктуры и одновременной проработки необходимых нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: FinTech, LegalTech, цифровизация, цифровая экономика, диджитализация, финансовое и правовое пространство, финансовые технологии

Bondarenko T.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Financial Management
of Plekhanov Russian University of Economics

Annenkov A.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of State and Administrative Law of the Institute of Law and Management
of Tula State University

FINTECH AND LEGALTECH: PROBLEMS AND CHALLENGES OF DIGITAL SPACE BULDING

The article is devoted to the issues of building digital space through the development of FinTech and LegalTech in terms of regulating the mechanism for building and developing the regulatory framework for the digitalization of the economy, the activities of society and the existing space. Building a new virtual digital environment develops the innovation processes of the digital economy through the provision of relevant jurisdictions. The article reflects the most important development priorities and the existing difficulties of this process in the financial and legal space, lined up a landscape of the digital space development from the financial and organizational-legal points of view.

The paper proves that being socially oriented, the digitalization of space and society presupposes building a new global financial-legal ecosystem, requires changing the existing infrastructure and simultaneous elaboration of the necessary normative-legal acts.

Keywords: FinTech, LegalTech, digitalization, digital economy, digitalization, financial and legal space, financial technologies

Как цитировать статью: Бондаренко Т.Г., Анненков А.Ю. Fintech и legaltech: проблемы и вызовы построения цифрового пространства // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 137–143

Необходимость пересмотра и развития традиционных правил экономики, образования и законодательства в рамках цифровой экономики полностью перестраивает устоявшиеся подходы к системе управления миром, страной, компанией, персоналом, клиентами, продуктами и услугами, требуя внедрения новой инфраструктуры и технологий изменения мышления. Текущее мировое информационное цифровое сообщество характеризуется цифрами, представленными на рисунке 1.

Важно отметить, что цифровая экономика не предполагает тотальной информатизации пространства (алгоритма перевода традиционных действий в «цифру»), а именно качественный скачок развития общества, требующий новую технологию регулирования.

С одной стороны, правительственная программа, для реализации которой создана специальная организация «Цифровая экономика», предполагает внесение порядка 50 законопроектов [3], что говорит о понимании скорости развития процесса построения цифрового общества и необходимости формирования его правовой основы, но только в «догоняющем» режиме. С другой стороны, появление и скоростное развитие FinTech в условиях построения цифровой экономики меняет вектор развития представления финансовых услуг, которые развиваются в процессе контакта клиентов и продавцов услуг, часто без сформированной законодательной основы, что ставит под сомнение вопросы безопасности и легитимности и в итоге экономической эффективности проведения всех операций. На текущий момент времени алгоритмы предоставления финансовых услуг в цифровом пространстве понятны и актуальны, но требуют актуального развития цифрового права. В настоящее время оно построено на регистрации в «децентрализованной информационной системе» [2], но технологии развиваются, а правовые основы остаются на первоначальном проектном уровне, что вызывает терминологическую дискуссию и «технологические ограничения» развития FinTech законодательной базой. Векторы и приоритеты развития цифрового общества представлены в таблице 1.

Нельзя говорить об исчезновении традиционных финансовых организаций и традиционных каналов предоставления финансовых услуг через несколько лет (как следствие), но эти изменения неизбежны, и они коснутся именно функционального присутствия на рынке драйверов развития финансовых технологий в РФ и соответствующей инфраструктуры (см. рисунок 2). В результате цифровизации финансовых

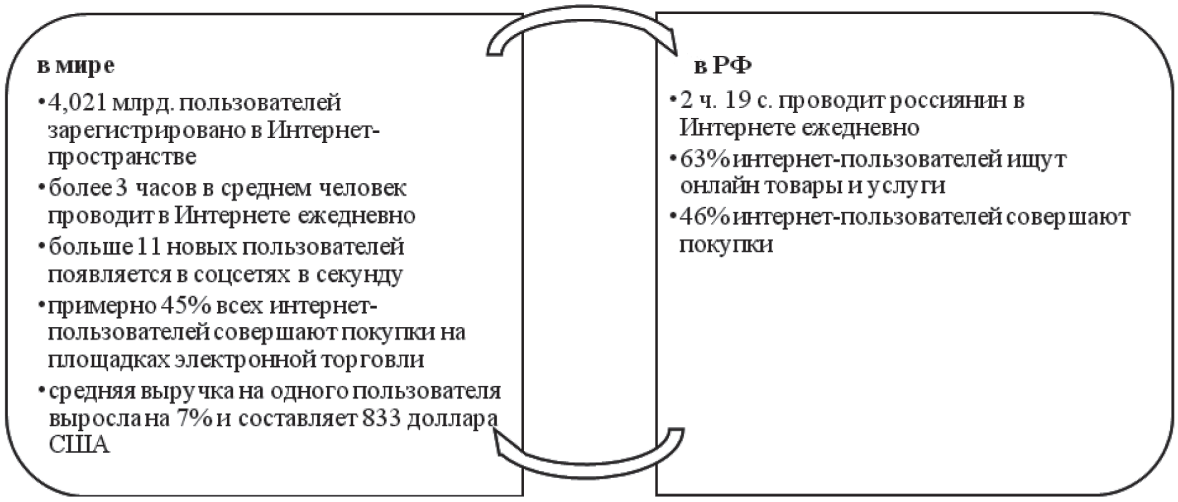

Рис. 1. Диджитализация в мире и РФ [1]

Таблица 1.

Важнейшие приоритеты развития финансового и правового пространства в условиях вызовов цифровой экономики

FinTech	LegalTech
Расширение возможностей использования данных аналитики	
• Новые технологии ведения бизнеса • Разработка новых продуктов и услуг • Разработка новых каналов предоставления продуктов и услуг • Выход на новые рынки	• Персонализация правовой основы экономических действий • Развитие квантовой теории права • Расширение права собственности

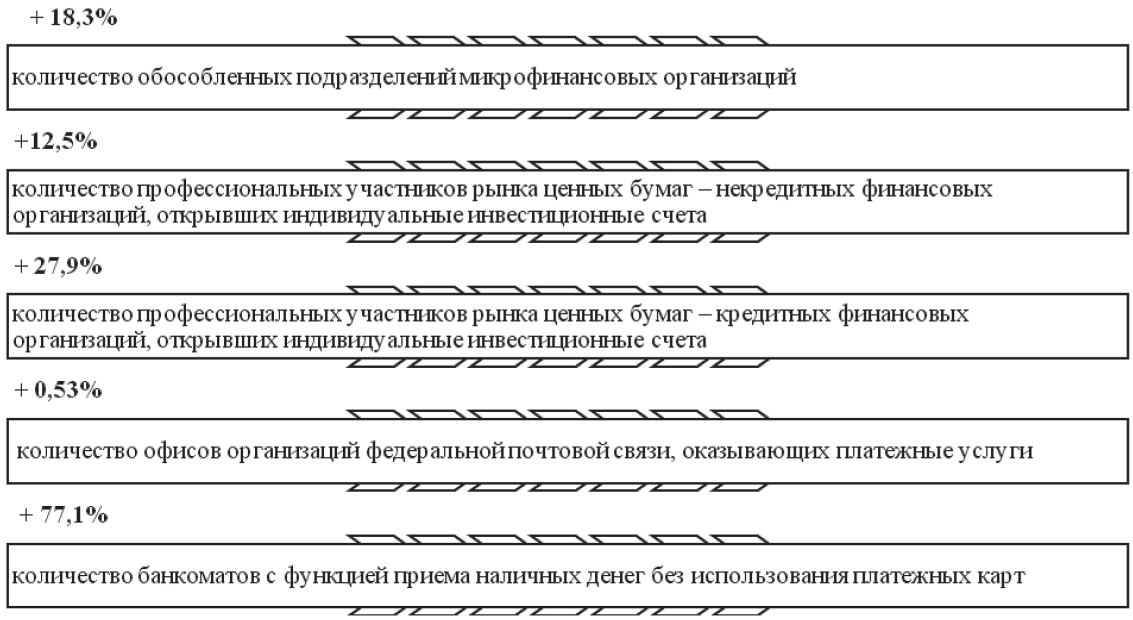

Рис. 2. Показатели развития инфраструктуры предоставления финансовых услуг на 2018 г. (составлено авторами по данным исследования [4])

услуг кредитные организации потеряют свою монополию как из-за роста роли нефинансовых организаций на финансовом рынке, так и из-за адаптации бизнес-модели рынка в целом к потребностям клиентов.

Развитие искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, BigData, интернета вещей, краудлендинговых платформ – именно эта инфраструктура является предпосылками построения ландшафта в ситуации цифровизации финансовых услуг, которая невозможна без стремления к построению партнерских отношений финансовых компаний со стартапами и технологическими компаниями.

Но также необходимо отметить, что цифровизация экономики достаточно неравномерно развивается и требует снятия барьеров по доступности финансовых технологий в современном обществе (см. рисунок 3). Прежде всего об этом заявляет бизнес-сообщество, так как целью FinTech является повышение эффективности бизнес-процессов с использованием современных технологий. Одновременно этими благами будут пользоваться и юридические, и физические лица, и государство, так как данные сервисы погружают перечисленных субъектов в электронное взаимодействие, что позволяет передавать, хранить, использовать громадные объемы информации.

Как видно из данных рисунка 3 – показатели в целом значительно выросли – в среднем рост возможности мгновенно (без контактного обращения в офис или к специалисту) составил + 18,9%, и по каждой позиции отчета (по всем типам населенных пунктов, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, чьи показатели роста еще в прошлых отчетных периодах были максимальны).

Еще одним доказательством неравномерности развития FinTech будет показатель невозможности дистанционно в течение 15 минут совершить операцию с денежными средствами – среди всех типов населенных пунктов наименьшие значения данного показателя сельских жителей (31,4%).

Таким образом, можно говорить о том, что цифровая трансформация еще не достигла своего писка развития и будет активно формироваться в ближайшие два-три года во всех отраслях, результатами которой будут и новые инновационные продукты и услуги, и новые каналы распределения и получения услуг, и новые модели внутренней постановки бизнес-процессов и ведения бизнеса.То есть цифровая трансформация направлена, прежде всего, на новые – «бесшовные» – отношения с клиентами по следующим направлениям: обслуживание клиентов по «своему»/ «чужому»/ «blending» каналу вместо формирования пула «традиционно своих» клиентов, максимальное сопровождение сервисов под предпочтения клиентов вместо прямого обслуживания клиентов по предоставлению отдельных готовых продуктов/ услуг, фактически это переход на технологию модераторства продажи межбизнесовых услуг и продуктов.

С одной стороны, данный процесс формирует положительный тренд – максимальная клиентоориентированная деятельность в любом секторе рынка в режиме, которая позволяет в итоге (за счет эффекта синергии) снизить и риски и внутренние операционные затраты бизнеса. С другой стороны – отрицательный тренд – развитие кибер-преступлений экономического характера, при этом важно отметить, что рост количества преступлений и атак именно этого

Рис. 3. Показатели доступности финансовых технологий на 2018 г. (составлено авторами по данным исследования [4])

направления связан как с массовым развитием технологий в мире и РФ, в частности, так и в результате создания пилотных FinTech проектов, проектирование нормативной базы для которых только формируется.

Согласно данных исследований компаний Juniper Research и PwC, цифровизация экономики имеет следующие негативные характеристики – см. рисунок 4.

Таким образом, развитие FinTech формирует новую бизнес-среду, требующую максимальной динамичности, оперативности и гибкости от всех участников процесса, где во главе угла стоят технологии, в том числе и технологии защиты, так как они приобретают ключевую роль в обеспечении бизнес-процессов.

Рассмотрим прогнозируемые на сегодняшний день основные направления развития FinTech (см. рисунок 5). Безусловно, это вызовет отмирание классической модели предоставления финансовых продуктов и услуг, рост межсегментной и одновременно усиление качественной внутрисегментной конкуренции, изменение модели поведения клиента (снизу) и мегарегулятора (сверху). Одновременно процессы трансформации деятельности будут наблюдаться и в самих компаниях – станет транспарентной проблема социальных навыков.

Не менее остро стоит вопрос развития нормативно-правового ландшафта FinTech, как основного инструментария для работы юристов, законодателей и, как результат, судебной системы. Текущая динамика развития FinTech через законодательство пытается развить судебную систему, но одновременно тормозит сектор юридических лиц экономически, так как не

Рис. 4. Негативный тренд развития FinTech [5, 6]

представлены смежные права в условиях цифровизации общественной жизни, например, это прослеживается в проблематике права интеллектуальной собственности, в вопросах правообладания на результаты деятельности созданных объектов и т.д. В мире LegalTech имеет следующие характеристики: более 4 млрд. привлеченных инвестиций в LegalTech firms, 16 млрд. долл. США от сделок LegalTech firms [7]. Подробнее актуальность внедрения LegalTech и алгоритм изменения правомышления представлен на рисунке 6.

Таким образом, можно говорить о том, что развитие цифрового пространства в РФ позволит следовать ее экономике мировому тренду инновационности и построению экономики знаний, а также повысить ее конкурентоспособность на глобальных мировых рынках, в целом, и качество, и уровень жизни населения страны, в частности.

Построение цифрового пространства неизбежно приведет к формированию новых институтов цифровой экономики за счет развития FinTech, а также LegalTech в части регулирования механизма построения и развития нормативно-правовой базы процессов цифровизации. Построение новой виртуальной цифровой среды должно исключить сложности формирования процессов цифровой экономики для российского бизнеса и граждан через предоставление соответствующих актуальных юрисдикций. Важным аспектом построения цифровой экономики является обеспечение информационной и экономической безопасности государства и бизнеса, защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни российских граждан в цифровом пространстве, развитие данного ландшафта выстроено в статье с финансовой и организационно-правовой точек зрения.

Являясь социально ориентированной, т.е. улучшая жизнь всех социальных групп населения, цифровизация пространства и общества предполагает выстраивание новой глобальной финансово-правовой экосистемы, требует изменения существующей инфраструктуры и одновременной проработки необходимых нормативно-правовых актов.

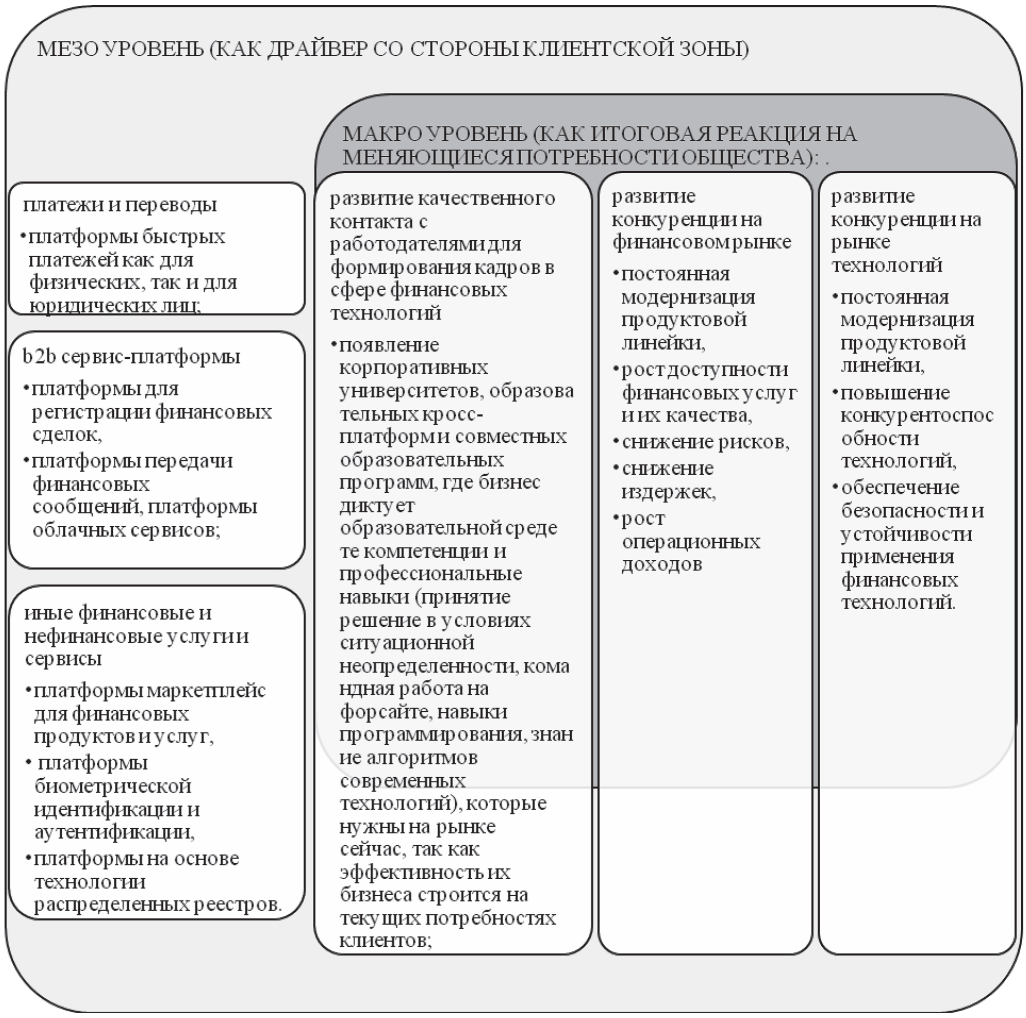

Рис. 5. Развитие ландшафта FinTech с финансовой точки зрения

Рис. 6. Развитие ландшафта FinTech с организационно-правовой точки зрения

Список литературы

1. Интернет 2017-2018 в мире и в России: статистика и тренды 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/
2. Комментарий к проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского Кодекса Российской Федерации». Москва. 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/03/29/cifrovye_prava__eto_chto_eschyo_za_zver#comment_460620
3. Новости. Москва. 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/26174/

4. Обзор состояния финансовой доступности в Российской Федерации в 2017 году. Москва. 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://www.cbr.ru/Content/Document/File/47451/rev_fin_20180828.pdf
5. Общемировые убытки от киберпреступности составят $2,1 трлн. до 2019 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.securitylab.ru/news/472924.php.
6. Российский обзор экономических преступлений за 2018 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.pwc.ru/ru/publications/recs-2018.html
7. Exploring the global LegalTech ecosystem of 2018. [Electronic resource]. — Access mode: https://disruptservices.io/global-legaltech-ecosystem-2/

Reference list

1. Internet 2017-2018 in the world and in Russia: 2018 Statistics and trends. [Electronic resource]. — Access mode: https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy/
2. Comment to the Draft Federal law №424632-7 "On amendments to parts one, two and four of the Civil Code of the Russian Federation". Moscow. 2018. [Electronic resource]. — Access mode: https://zakon.ru/blog/2018/03/29/cifrovye_prava__eto_chto_eschyo_za_zver#comment_460620
3. News. Moscow. 2018 [Electronic resource]. — Access mode: http://duma.gov.ru/news/26174/
4. 2017 Review of financial availability in the Russian Federation. Moscow. 2018. [Electronic resource]. — Access mode: http://www.cbr.EN/Content/Document/File/47451/rev_fin_20180828.pdf
5. Global losses from cybercrime will amount to $ 2.1 trillion by 2019. [Electronic resource]. — Access mode: http://www.securitylab.ru/news/472924.php.
6. 2018 Russian review of economic offences. [Electronic resource]. — Access mode: https://www.pwc.ru/ru/publications/recs-2018.html
7. Exploring the global LegalTech ecosystem of 2018. [Electronic resource]. — Access mode: https://disruptservices.io/global-legaltech-ecosystem-2/

УДК 334.02

Кауфман Н.Ю.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета

Зеленцова С.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье проведен анализ развития инноваций и их влияние на конкурентоспособность организаций в современных условиях. Рассмотрены показатели развития инновационной деятельности в России, выявлены проблемы инновационного развития компаний. Проведен анализ дефиниций стратегия и диверсификация, выделены основные типы стратегии диверсификации. Показана взаимосвязь стратегии диверсификации с инновационным развитием предприятий, а также преимущества диверсифицированного предприятия.
Ключевые слова: диверсификация, стратегия, конкуренция, инновационное развитие, организация, управление

Kaufman N.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State Municipal Management and Personal Management of Surgut State University

Zelentsova S.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State Municipal Management and Personal Management of Surgut State University

THE FORMATION OF THE STRATEGY OF DIVERSIFICATION OF ORGANIZATIONS IN THE INNOVATION ECONOMIC DEVELOPMENT

The article analyzes the development of innovations and their impact on the competitiveness of organizations in contemporary conditions. The indicators of development of innovation activity in Russia are considered in the article and there are revealed issues of innovation development of Russian companies. The analyses of the definitions of strategy and diversification was carried and there are highlighted the main types of diversification strategies. The interrelation between diversification strategy and the innovation development of enterprises, as well as the advantages of a diversified enterprise is demonstrated.
Keywords: diversification, strategy, competition, innovation development, organization, management

Ускорение научно-технического прогресса в последнее десятилетие показывает необходимость использования инновационной составляющей во всех сферах жизни общества на макро- и микро-уровнях. Глобальная конкуренция между территориями, странами, регионами и компаниями инициирует развитие инновационного потенциала как предприятий, так и сотрудников, проходя через изменение многих сфер деятельности и применение новейших технологий.

Ученые разных стран на протяжении длительного периода изучали инновации их развитие и роль в бизнесе. Большой вклад в исследование инноваций и их влияние на экономическое развитие внес Н.Д. Кондратьев, который в XX в. рассмотрел большие циклы конъюнктуры (длинные волны) [3]. Он провел большую статистическую работу, изучая развитие экономики и выявил, что каждые 40-60 лет происходит новый скачок, на смену одному виду производства приходит другое – более обновленное и современное, меняются цены на сырье, обновляется вся система рыночной экономики. Так, появилась генная инженерия, которая изменила существование медицины и сельского хозяйства, появились новые виды топлива (например, синтетическое), самолето- и машино- строение, а также произошло развитие практически всех отраслей промышленности.

Как цитировать статью: Кауфман Н.Ю., Зеленцова С.В. Формирование стратегии диверсификации организаций в условиях инновационного развития экономики // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 144–149

Анализ мнений ряда ученых [1, 5, 14, 15], длительное время изучавших инновации, показал, что инновация – закономерный процесс развития экономики, как следствие научно-технического прогресса, который через практическое использование разработок и изобретений меняет технологии, товары, оборудование, принципы управления организацией, а также, дает возможность предприятиям оставаться на необходимом уровне конкурентоспособности.

В инновационной деятельности участвуют, в первую очередь, новые знания, продукты интеллектуального характера, инновационные и инвестиционные программы и проекты, новые управленческие решения, новые технологии, улучшающие качество и структуру производства и т.п. Следовательно, инновационное развитие организации может проходить на уровне бизнес-процессов компаний, развития инновационного потенциала, как самой организации, так и ее сотрудников.

В инновационном развитии предприятия должны активно присутствовать не только технологические инновации, но и организационно-управленческие, с помощью которых усовершенствуются методы управления, традиционные принципы и организационные структуры. Результатом управленческих нововведений является совершенно новая система управления организацией, ведущая к более эффективному взаимодействию руководства и подчиненных.

Анализ основных показателей инновационной деятельности в России (рис. 1) показывает, что удельный вес инновационных товаров, работ, услуг до 2013 г. повышался до 9,2 %, однако в 2015 г. снизился до 7,2 %.

В современной отрасли как связь такие тенденции имеют еще более негативный характер. Тенденция снижения предприятиями выпуска инновационных товаров связана с их низкой активностью развития инновационных процессов из-за проблемы с финансированием в условиях продолжающегося экономического кризиса и часто большого инновационного лага при внедрении инноваций.

Также на рис. 2 можно проследить, что технологические инновации остаются в предпочтении у многих организаций вследствие более понятного их применения.

Организационные инновации должны применяться каждой компанией, желающей конкурировать в современном мире, и включают управленческую деятельность в сфере планирования, производства, маркетинга, финансирования, управления персона-

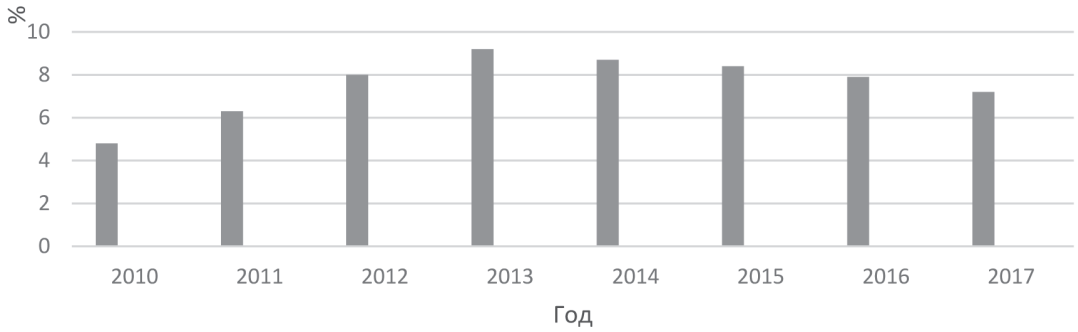

Рис. 1. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, в % [9]

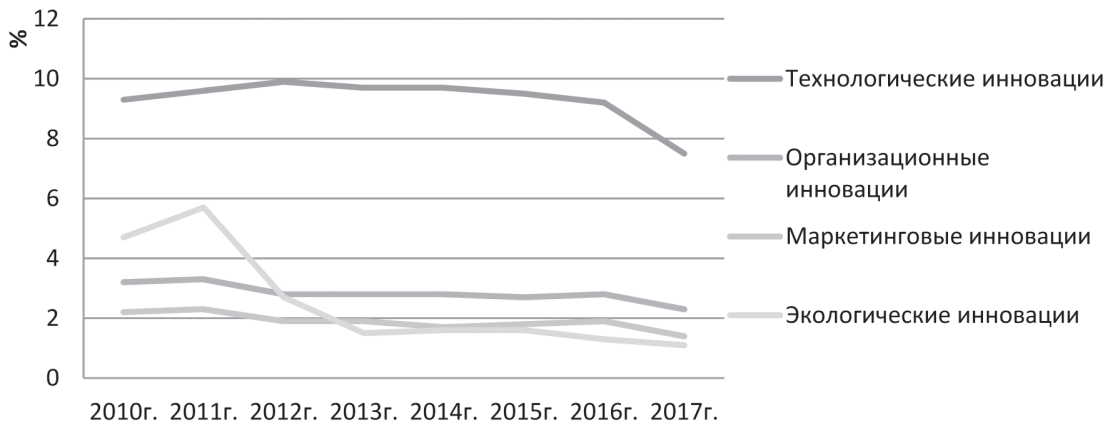

Рис. 2. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций, в % [9]

лом. Например, управление финансами может быть дополнено бюджетированием и страхованием рисков, инновационные направления в области управления человеческими ресурсами – использование аутстаффинга, горизонтальная карьера и др.

Таким образом, проанализировав инновационное развитие в России на современном этапе можно сделать вывод, что инновационной может быть компания, ориентированная на постоянные изменения в своей деятельности. При разработке стратегии инновационное предприятие должно учитывать не только требования рынка в условиях конкуренции, но и возможность управления инновационными процессами. При планировании внедрения инноваций, необходимо использовать методы и механизмы, позволяющие на первых этапах инновационного процесса находить новые будущие возможности.

Серьезной проблемой в инновационном развитии компаний является: слабое применение технологий развития предприятия и отсутствие системы внедрения нововведений, сложность анализа и выявления скрытых проблем в деятельности, слабый потенциал – организационный, кадровый, мотивационный и др., что приводит к существенному снижению темпов развития самой организации [4].

Предпосылки, стимулирующие инновационную активность компании, связаны, в первую очередь, с институциональными изменениями, с возникновением новых потребностей и предпочтений у потребителей, сокращением жизненного цикла товаров.

Как показывает опыт различных организаций, даже самый успешный бизнес не может функционировать постоянно в неизменной форме. После развития и укрепления компании на рынке, как правило, наступает затихание и спад производственных процессов. А в последнее десятилетие, в связи со стремительным развитием научно-технического прогресса и внедрения инноваций в жизнь общества у каждой организации должна существовать стратегия развития в будущем. Основой стратегии является адаптация на рынке в условиях жесткой конкуренции.

Стратегия создает отраслевые позиции компании и обеспечивает внутреннюю согласованность ее политики, нацеленной на достижение этих позиций. Стратегия – это план развития организации и ее деятельности в будущем, в котором четко определяется сценарий действий, что компания должна сделать и что не должна [10].

Для организаций, направленных на инновационное развитие, стратегия это – выбор направлений, определяющих приоритеты развития и понимание своих конкурентных преимуществ; концепция бизнеса, направленная на коренное изменение целей и систем управления, норм поведения и содержания деятельности работников.

Такой стратегией, дающей преимущества на рынке конкуренции, может являться стратегия инновационной диверсификации. Многообразие видов данной стратегии позволяет каждой компании найти такую модель развития, которая подходит именно ей, способствует устойчивости к обновлению [7].

По мнению Ф. Котлера, стратегия диверсификации дает компании возможность разработки и выпуска новой продукции для новых рынков [6].

А. Томпсон и А. Стрикленд считают диверсификацию процессом, позволяющим войти в совершенно другие отрасли производства, позволяя улучшить механизм получения дополнительной прибыли и снизить риск зависимости от только своей отрасли [12].

Е. Новицкий связывает диверсификацию с проникновением хозяйственной деятельности в новые сферы, не имеющие прямой производственной или функциональной зависимости от основного вида деятельности.

О. Виханский понимает под диверсификацией стратегию развития компании, при условии снижения развития хозяйственной деятельности на привычном рынке в пределах своей отрасли [8].

Таким образом, мы можем определить диверсификацию как стратегию распределения имеющего капитала на новых для компании рынков, для снижения риска вложений и повышения собственной конкурентоспособности. Поэтому, вложение финансов в единственный инвестиционный портфель является рискованным для любого бизнеса. Диверсификация бизнеса является изменением, внесением разнообразия, расширением ассортимента, переориентацией на другие направления в контексте торговли и инвестирования на финансовых рынках. Диверсификация бизнеса: понятие, основы, этапы [2].

В современном управлении выделяют четыре основных типа стратегии диверсификации (рисунок 3) [11].

Горизонтальную диверсификацию используют многие известные компании. Например, компания «Siemens» много лет назад начинала свою деятельность с производства телеграфного оборудования, а после применения горизонтальной диверсификации приступила к выпуску бытовых электротоваров, электроосветительного оборудования и т.д. Таким образом, добавление нового товара или продукции позволит компании расширить рынки сбыта и получить дополнительную прибыль.

Вертикальная диверсификация позволяет усилить конкурентоспособность и прибыль, увеличить долю рынка. Например, компания, занимающаяся добычей нефти, начинает ее переработку. Такой шаг помогает снизить зависимость от третьих лиц на разных этапах технологического процесса и сконцентрировать основные процессы внутри одной компании.

Концентрическая диверсификация связана с поиском новых, дополнительных возможностей и по-

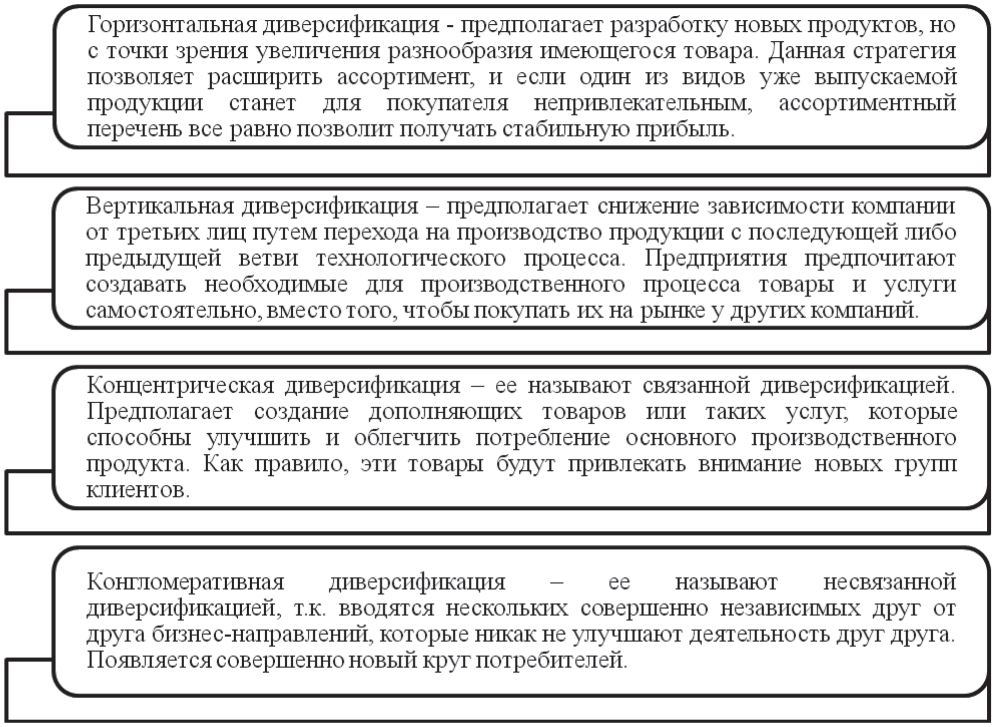

Рис. 3. Основные типы стратегии диверсификации

вышения эффективности в использовании уже имеющихся ресурсов. Например, для получения большей прибыли, многие рестораны и кафе, кроме приема посетителей стационарно в своих точках обслуживания, предлагают услугу доставки. Или, иногда достаточно изменить состав продукта, с новым названием и новой упаковкой.

Конгломеративная диверсификация – самая сложная стратегия развития, требует значительных финансовых вложений, т.к. предполагает приобретение и выход в новую область деятельности не связанную с существующим производством. Например, компания, которая перерабатывает нефтяные продукты, начинает заниматься производством шампуней или выходит на производство косметики.

Стратегия диверсификации неразрывно связана с инновационным развитием предприятий, так как изменения необходимы для тех, кто стремится удержать конкурентные позиции в своей отрасли. Для инновационного развития диверсификация актуальна и отражается в следующих преимуществах:

- позволяет вовремя перераспределить усилия в случае кризисных явлений на рынке выпускаемой продукции, перейдя в более доходный бизнес и снизить риски;

- крупным компаниям, вкладывающим средства в новые, перспективные направления, дает возможность первыми получить желаемую прибыль;

- дает возможность оптимизировать имеющиеся ресурсы – финансовые, производственные, трудовые, приспособиться к конъюнктуре рынка.

Также, руководству предприятия, вышедшим на путь инновационного развития, при разработке стратегии необходимо учитывать достаточно большой инновационный лаг, поэтому четко разработанная и выстроенная стратегия с конкретными ориентирами позволит достичь намеченных целей.

К преимуществам диверсифицированного предприятия можно отнести:

- выход на рынок более конкурентоспособной продукции. Например, компании, занимающиеся выпуском компьютерной техники, начинают выпускать более технологичный товар, в соответствии с новыми технологиями;

- уменьшение степени риска, т.к. финансирование, в зависимости от типа стратегии диверсификации, может иметь не слишком большую степень вложений. Например, стратегия концентрической диверсификации предприятия;

- потенциал трудовых ресурсов усиливается, за счет накопленного опыта, как в управлении, так и в технологическом плане;

- многоцелевое использование производственных мощностей предприятия позволяет снизить как издержки производства, так и трансакционные издержки [13].

Таким образом, стратегия диверсификации и инновационное развитие при правильно выбранном направлении, позволяет выйти на новые рынки, усилить конкурентоспособность и обеспечить прирост потенциала предприятия в финансовом аспекте, в технологическом и качественном.

Список литературы

1. *Глазьев С.Ю.* Развитие Российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев. URL: http://www.zlev.ru/111/111_61.htm (дата обращения: 14.03.2018).
2. Диверсификация бизнеса: понятие, основы, этапы [Электронный ресурс]. URL: https://businessman.ru/diversifikatsiya-biznesa-ponyatie-osnovyi-etapyi-razrabotka-biznes-plana-diversifikatsii-deyatelnosti-predpriyatiya.html(дата обращения: 14.01.2019).
3. *Кауфман Н.Ю.* Теоретические основы предпринимательской составляющей в инновационном развитии предприятий / В книге: «Проблемы экономики и управления в XXI веке: актуальные вопросы, тенденции, перспективы» // Пенза. МЦНС «Наука и просвещение». С. 119-145. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=26682134 (дата обращения: 28.08.2018).
4. *Кауфман Н.Ю.* Применение стратегии KAIZEN + KAIRYO в условиях инновационного развития предприятий / Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития: сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции // Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_27339396_84138162.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
5. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / Ред. Л.И. Абалкин. М.: Экономика, 1989. 70 с.
6. *Котлер Ф.* Основы маркетинга: Пер. с англ. М.: «Ростинтэр», 1996. 704 с.
7. *Кучин С.А.* Роль инновационной стратегии диверсификации в усилении конкурентных позиций российского АПК [Электронный ресурс]. URL: http://law-journal.ru/files/pdf/201306/201306_30.pdf (дата обращения: 31.01.2019).
8. *Макаров А.В., Гарифуллин А.Р.* Диверсификация как инструмент развития современного предприятия [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-kak-instrument-razvitiya-sovremennogo-predpriyatiya (дата обращения: 31.01.2019).
9. Россия в цифрах: статистический сборник. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 10.01.2019).
10. *Соколов В.* Стратегия в компании [Электронный ресурс]. URL: https://blog.iteam.ru/strategiya-v-kompanii/ (дата обращения: 31.01.2019).
11. *Соколова Е.* Стратегия диверсификации – это инструмент конкурентной борьбы и управления рисками. [Электронный ресурс]. URL: http://finvopros.com/strategiya-diversifikatsii-eto.html (дата обращения: 31.01.2019).
12. *Томпсон А.А., мл., Стрикленд А.Дж.* Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегий : учеб. для вузов / пер. с англ. под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1998.
13. *Чагарбиев С.Н.* Диверсификация как стратегия устойчивого развития предприятия // Молодой ученый. 2018. №10. С. 108-111.
14. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития / Й. Шумпетер // М.: Прогресс, 1982. 455 с.
15. *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации 21 века / Ю.В. Яковец // М., 2004. 448 с.

Reference list

1. *Glaz'ev S.* Development of the Russian economy in the conditions of global technological shifts [Electronic resource]. / S. Glaz'ev. URL: http://www.zlev.ru/111/111_61.htm (date of access: 3.14.2018).
2. Diversification of business: Concept, fundamentals, stages [Electronic resource]. URL: https://businessman.ru/diversifikatsiya-biznesa-ponyatie-osnovyi-etapyi-razrabotka-biznes-plana-diversifikatsii-deyatelnosti-predpriyatiya.html (date of access: 14.01.2019).
3. *Kaufman N.* Theoretical foundations of the entrepreneurial component in the innovation development of enterprises / In the book: "The problems of economics and management in the XXI century: Current issues, trends, prospects" // Penza. ISTC "Science and Education". P. 119-145. [Electronic resource]. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=26682134 (date of access: 28.08.2018).
4. *Kaufman N.* Application of KAIZEN + KAIRYO strategy in the conditions of innovative development of enterprises / Economics and Management: Analysis of trends and development prospects: Proceedings of the XXX International Scientific and Practical Conference // Under the general editorship of S. Chernov. Novosibirsk: TsrNS Publishing House, 2016. [Electronic resource]. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_27339396_84138162.pdf (date of access: 12.01.2019).
5. *Kondrat'ev N.* Problems of economic dynamics / Under the editorship of L. Abalkin. M.: Economics, 1989. 70 p.
6. *Philip Kotler.* Marketing Essentials. Translation from English. M.: "Rosinter", 1996. 704 p.
7. *Kuchin S.* The role of innovation diversification strategy in strengthening the competitive position of the Russian agro industrial complex [Electronic resource]. URL: http://law-journal.ru/files/pdf/201306/201306_30.pdf (date of access: 31.01.2019).
8. *Makarov A., Garifullin A.* Diversification as a tool of modern enterprise development [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diversifikatsiya-kak-instrument-razvitiya-sovremennogo-predpriyatiya (date of access: 31.01.2019).

9. Russia in numbers: Statistical compendium. URL: http://www.gks.ru/ (date of access: 10.01.2019).
10. *Sokolov V.* Strategy in the company [Electronic resource]. URL: https://blog.iteam.ru/strategiya-v-kompanii/ (date of access: 31.01.2019).
11. *Sokolova E.* Diversification strategy is an instrument of competition and risk management. [Electronic resource.] URL: http://finvopros.com/strategiya-diversifikatsii-eto.html (date of access: 31.01.2019).
12. *Arthur A. Thomson, Jr., Strickland A.J.* Strategic Management. The Art of Strategy Development and Implementation: Textbook for higher education institutions / Translation from English by L. Zaytseva, M. Sokolova. M.: Banks and exchanges; UNITY, 1998.
13. *Chigarbiev S.* Diversification as a strategy of sustainable development of the enterprise // Young scientist. 2018. №10. P. 108-111.
14. *Schumpeter Josef Alois*. Theory of economic development / J. Schumpeter // M.: Progress, 1982. 455 p.
15. *Yakovets Yu.* Epochal innovations of the 21st century / Yu. Yakovets // M., 2004. 448 p.

УДК 94(470)"19":930(470)

Борзунова Т.И.,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук

Морозова Г.Ф.,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭТИХ РЕГИОНАХ В 2012-2017 ГГ.

В статье предлагается сравнительный анализ формирования населения двух регионов: Северного Кавказа и Дальнего Востока. Наряду с различиями в их географическом местоположении и экономическом развитии между ними выявлены и черты сходства. Дан анализ занятости населения в обоих регионах, количества безработных в них и продолжительности поиска работы.

Ключевые слова: население, миграция, естественный прирост, миграционный прирост, мигранты, занятые, безработные

Borzunova T.,
PhD in Economics, Leading Researcher of the Social Demography Center
of the Institute of Social-Political Studies of the Russian Academy of Sciences

Morozova G.,
PhD in Economics, Leading Researcher of the Social Demography Center
of the Institute of Social-Political Studies of the Russian Academy of Sciences

THE NORTHERN CAUCASUS, THE FAR EAST – BENCHMARKING ANALYSIS OF FORMATION OF THE POPULATION IN THESE REGIONS IN 2012-2017

This article demonstrates a benchmarking analysis of formation of the population of two regions: the North Caucasus and the Far East. For all their differences in their geographical location and economic development, similarities were also revealed between them. An analysis of employment in both regions, the number of unemployed in them and the duration of job hunting is given.

Keywords: population, migration, natural increase, positive migration balance, migrants, employed, unemployed

Два региона: Северный Кавказ и Дальний Восток – они различны по своим природно-климатическим, социально-экономическим условиям, удаленности от европейского Центра, по занимаемой площади и по численности проживающего в них населения. Однако процессы формирования населения имеют и некоторое сходство. Даже по рангу показателя численности населения среди субъектов Российской Федерации за 2017 год они занимают два последних соседних места 7 и 8.

Северный Кавказ по всем выше перечисленным показателям, как известно, более предпочтительный для проживания регион. Однако, не смотря на все его преимущества по сравнению с районами Дальнего Востока, и в том, и в другом регионе статистика фиксирует отток населения. Причем, Северный Кавказ ежегодно покидают от 20 до 40 тыс. человек, а Дальний Восток примерно 17-30 тыс. человек.

Статистика свидетельствует, что численность населения Северного Кавказа с 2012 г. по 2017 г. ежегодно увеличивалась примерно на 47 тысяч человек. За 5 лет оно возросло на 282,9 тыс. чел. В этот же период численность населения Дальнего Востока, при том, что оно в 1,5 раза меньше, чем на Северном Кавказе сократилось еще почти на 76 тыс. человек.

Как показывает статистика, рост населения на Северном Кавказе, несмотря на больший миграционный отток (143247 чел.), чем на Дальнем Востоке

Как цитировать статью: Борзунова Т.И., Морозова Г.Ф. Северный Кавказ, Дальний Восток – сравнительный анализ формирования населения в этих регионах в 2012-2017 гг. // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1(54). с. 150–158

Таблица 1

Динамика численности населения Российской Федерации, Северокавказского, Дальневосточного федеральных округов в 2012-2017 гг. (тыс. чел.)

Год	Численность населения		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	143056.4	9 492.9	6 258.7
2013	143347.1	9 540.7	6 239.1
2014	143667.0	9 590.1	6 218.8
2015	146267.3	9 659.0	6 203.0
2016	146544.7	9 718.0	6 188.8
2017	146804.4	9 775.8	6 182.7
Источник: [1].			

(119206 чел), осуществлялся за счет естественного прироста населения. Так, естественный прирост населения на Северном Кавказе, за последние 5 лет в 12 раз превысил этот показатель на Дальнем Востоке. Прежде всего, это обусловлено большей общей численностью населения на Северном Кавказе. Это отличает Северный Кавказ от большинства других территорий страны, в том числе и Дальнего Востока и делает его одним из локомотивов демографического развития России, как уже отмечали отечественные демографы [4, 5].

Следует обратить внимание на то, что в этот период и на Дальнем Востоке при сокращении общей численности населения фиксировался положительный естественный прирост, который сохранялся до 2017 года. В то время как по России в целом, в 2012, 2016 и 2017 годах естественный прирост был отрицательным.

Анализируя динамику миграционного прироста в этих регионах, следует отметить, что и на Северном Кавказе, и на Дальнем Востоке в рассматриваемый период наблюдался отток населения. Несмотря на то, что в абсолютном выражении Северокавказский ФО потерял за этот период больше населения, чем Дальневосточный ФО, общий прирост за счет высокой рождаемости здесь, все рассматриваемые годы был положительным. В то же время на Дальнем Востоке за счет высокого миграционного оттока общий прирост был отрицательным.

По словам Е.Л. Мотрич, «Ни один из регионов России не дает положительное сальдо в обмене населением с Дальним Востоком. Отрицательное значение миграционного сальдо в обмене населением с российскими регионами за 2010-2013 гг. увеличилось на 29,1% , в том числе в миграционном взаимодействии с Центральным федеральным округом на 15,3%, Северо-Западным – 2,2 раза и Южным – в 2 раза. В совокупности отрицательное миграционное сальдо этих округов увеличилось на 57,01%. Данные федеральные округа являются наиболее предпочтительными центрами притяжения для выезжающих за пределы ДФО» [6].

На Дальнем Востоке, наоборот, миграционный отток лидировал в процессе формирования населения все рассматриваемые годы. Он настолько активно забирал население, что процессы воспроизводства не успевали перекрывать его отток.

Если обратиться к ранжированию всех федеральных округов России по общему, естественному, миграционному приростам населения, то Северный

Таблица 2

Динамика естественного прироста населения в Российской Федерации, Северокавказском, Дальневосточном федеральных округах в 2012-2017 гг. (чел.)

Годы	Естественный прирост		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	-4254	87 197	5544
2013	24013	87 462	8186
2014	35433	89 121	9133
2015	32038	83 768	8112
2016	-2286	78 560	5077
2017	-135818	73 053	-281
Источник [1].			

Таблица 3

Динамика миграционного прироста населения в Российской Федерации, Северокавказском, Дальневосточном федеральных округах в 2012-2017 гг.

Годы	Миграционный прирост		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	294930	- 39 348	-19 881
2013	295859	-38 135	-33 042
2014	270036	-20 162	-24 752
2015	245384	-24 811	-24 164
2016	261948	-20 791	- 17 367
2017	211878	-25342	-17114
Источник: [1].			

Таблица 4

Динамика общего прироста населения в Российской Федерации, Северокавказском, Дальневосточном федеральных округах в 2012-2017 гг.

Годы	Общий прирост		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	290676	47849	-14337
2013	319872	49327	-24856
2014	305469	68959	-15619
2015	277422	58957	-16052
2016	259662	57769	-12290
2017	76060	47711	-17395
Источник: [1].			

Кавказ занимает среди 8 федеральных округов по общему приросту населения 1-е место, а Дальний Восток – последнее, 8-е место.

По естественному приросту среди федеральных округов Северный Кавказ также занимает 1 место, а Дальний Восток – 3-е место. Иными словами оба региона лидируют по этому показателю. Однако по миграционному приросту среди всех федеральных округов эти два региона разных по комфортности природно-климатических условий занимают два последних места.

Интерес представляет статистика и по взаимообмену населением между двумя регионами – Дальним Востоком и Северным Кавказом.

В 2012-2016 гг. на Дальний Восток меньше всего приезжали жители Северокавказского и Уральского регионов. В 2016 г. на их долю пришлось всего 33%. [7].

В составе прибывших из других регионов на Дальний Восток в 2012-2017 гг., число мигрантов с Северного Кавказа было наименьшим. При этом их численность в 2013 г. увеличилась по сравнению с 2012 г. С 2014 до 2017 года приток мигрантов в этот регион стал сокращаться. Однако в 2017 г. число прибывших на Дальний Восток превысило их число в предыдущие 2014, 2015, 2016 годы.

Число мигрантов с Дальнего Востока на Северный Кавказ с 2014 г. также начало сокращаться. Так если, если в 2012 и 2013 годах переезжающих с Северного Кавказа на Дальний Восток было больше, чем в обратном направлении, то в последующие 2014-2017 гг. вектор миграции поменял свое направление на противоположное. Северный Кавказ стал забирать больше населения с Дальнего Востока, чем пополнять

Таблица 5

Число мигрантов с Северного Кавказа, прибывших на Дальний Восток (2012-2017 гг.)

Число мигрантов прибывших с Северного Кавказа на Дальний Восток					
2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
2550	2667	2434	2158	2296	2460
Источник: [1].					

его своим. При этом надо отметить тот факт, что в абсолютном выражении число мигрантов из этого региона на Северный Кавказ медленно сокращалось, хотя в 2017 году их число незначительно, но увеличилось.

Иными словами, для мигрантов из этих регионов привлекательность рассматриваемых территорий становится менее значимой. Поэтому, их население не стремилось к взаимообмену.

Статистические данные за последние четыре года свидетельствуют о том, что среднегодовая численность занятых в Российской Федерации в 2017 году заметно увеличилась по сравнению с предыдущими годами. Такая же тенденция отмечалась и на Северном Кавказе. Из года в год она также повышалась. Так, в Российской Федерации с 2014 по 2017 годы численность занятых увеличилась на 4164,2 тыс. человек, на Северном Кавказе – на 355,6 тыс. человек.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась на Дальнем Востоке, где численность занятых сократилась за этот период на 82,4 тыс. человек. Это в значительной мере связано с общим сокращением населения. В свою очередь, такая ситуация вызвана как сокращением естественного прироста, так и существенным миграционным оттоком населения.

Следует подчеркнуть, что среднегодовая численность занятых в рассматриваемые годы и на Северном Кавказе, и на Дальнем Востоке была почти одинаковой и составляла более 3-х миллионов человек, или 0,5% от всех занятых в Российской Федерации. При этом, на Северном Кавказе она медленно, но постоянно, хотя и незначительно, увеличивалась, а на Дальнем Востоке – медленно, но стабильно сокращалась.

«В России крайне неравномерно распределена экономическая активность в регионах, поэтому на поиски чаще всего отправляются в Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Также неплохо обстоят дела с работой в Сибири, где высокий спрос на рабочую силу в нефтеносных и газоносных районах.

Таблица 6

Число мигрантов с Дальнего Востока прибывших на Северный Кавказ (2012-2017 гг.)

Число мигрантов, прибывших с Дальнего Востока на Северный Кавказ					
2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
2370	2442	2648	2386	2322	2380
Источник: [1].					

Таблица 7

Динамика среднегодовой численности занятых в возрасте 15-72 лет в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах 2014-2017 гг. (тыс. чел.)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2014	67901,0	3423,3	3285,8
2015	67813,3	3464,1	3267,5
2016	68389,1	3466,9	3250,7
2017	72065,2	3778,9	3203,4
Источник: [3].			

Таблица 8

Динамика численности безработных в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах 2012-2017 гг. (тыс. чел.)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	4130,7	586,6	228,2
2013	4137,4	586,2	223,7
2014	3889,4	507,2	219,0
2015	4263,9	498,8	211,3
2016	4243,5	499,7	196,3
2017	3966,5	501,3	188,4
Источник: [3].			

Ситуация на Дальнем Востоке и Северокавказском федеральном округе совсем другая. Там нет такой высокой деловой активности и развития малого и среднего бизнеса – и, соответственно, высокая безработица, и неформальная занятость» [8].

Сокращение численности занятых, безусловно, влияет на изменение численности безработных. Так, в РФ численность безработных в 2012 году составляла 4,1 млн. чел. В 2017г. она снизилась до 3,9 млн. чел. или на 164 тыс. чел. Подобная тенденция отмечалась и на Северном Кавказе. Там сокращение безработных составило 85,3 тыс. чел.

Как по России в целом, так и на Северном Кавказе численность безработных в 2014 году заметно сократилась. К 2017 году их численность повысилась, но не достигла уровня 2012 г. В отличие от страны в целом и Северного Кавказа на Дальнем Востоке отмечалось стабильное сокращение их численности. За этот период это сокращение составило 39,8 тыс. чел.

Соотношение мужчин и женщин среди безработных и на Северном Кавказе, и на Дальнем Востоке практически одинаково. Обратимся к абсолютным данным по безработице мужчин и женщин в этих регионах.

При том, что численность занятых мужчин в обоих регионах в 2017г. была почти одинакова.

Численность безработных мужчин на Дальнем Востоке в 2 раза меньше, чем на Северном Кавказе. Она составляла 3,2-3,7 млн. человек. В 2012-2016 гг. в обоих федеральных округах число безработных мужчин снижалось: на Северном Кавказе их численность снизилась на 36,7 тыс. человек, а на Дальнем Востоке – 16,3 тыс. человек.

Можно предположить, что и в том и другом регионе в результате снижения численности безработных улучшается ситуация на рынке труда.

«Миграция женщин оказывает существенное влияние на демографическое развитие страны и ди-

Таблица 9

Динамика численности безработных мужчин за 2012-2016 гг. (тыс. чел.)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	2250,0	279,1	128,6
2013	2241,6	293,5	123,9
2014	2123,4	252,5	120,0
2015	2296,1	235,0	116,5
2016	2268,7	242,4	112,3
Источник: [2].			

Таблица 10

Динамика численности безработных женщин за 2012-2016 гг. (тыс. чел.)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	1880,7	307,7	99,6
2013	1895,9	292,7	99,8
2014	1766,0	254,8	98,9
2015	1967,8	263,8	94,8
2016	1974,8	257,3	83,9
Источник: [2].			

Таблица 11

Численность безработных по возрастным группам в 2016 году (тыс. чел.)

Территории	Всего	в т. ч. в возрасте, лет					
		15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-72
Российская Федерация	4243,5	178,4	1511,9	1017,2	717,1	687,9	131,0
Северокавказский федеральный округ	499,7	46,3	232,1	104,4	68,7	45,2	3,0
Дальневосточный федеральный округ	196,3	6,6	60,4	49,0	34,3	35,6	10,4
Источник: [2].							

Таблица 12

Уровень безработицы в возрасте 15-72 лет в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах (в %)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	5,5	13,1	6,7
2013	5,5	13,0	6,5
2014	5,2	11,2	6,4
2015	5,6	11,1	6,3
2016	5,5	11,0	5,8
2017	5,2	11,0	5,6

Источник: [3].

намику основных демографических показателей, таких как численность населения, рождаемость, смертность, брачность, разводимость и другие» [9]

Если в целом по России численность безработных женщин в период 2012-2016 гг. увеличилась почти на 100 тысяч человек (94,1 тыс.), то на Северном Кавказе и Дальнем Востоке их численность сократилась соответственно: на 50,4 и 15,7 тыс. человек. Обращает внимание тот факт, что на Дальнем Востоке безработных женщин в 3 раза меньше, чем на Северном Кавказе. В определенной мере это обусловлено национальными традициями Северного Кавказа и большей миграционной активностью женщин, проживающих на Дальнем Востоке.

Что касается безработных мужчин, то в целом по Российской Федерации их численность была нестабильной и колебалась в пределах 2,1-2,2 млн. человек.

Уровень безработицы в РФ в период с 2012 по 2017 гг. был стабилен. В эти годы он держался на уровне 5,5%.

В 2014 и 2017 годах он незначительно снизился до 5,2, но не опускался ниже 5%, что говорит о стабильности ситуации.

На Дальнем Востоке ситуация с безработицей аналогична этому процессу по России в целом. Однако в этом регионе ее уровень незначительно превышает российский, но также стабильно снижается.

На Северном Кавказе уровень безработицы остается самым высоким в стране. Он в два раза превышает российский и дальневосточный. Однако и в этом регионе отмечается тенденция к снижению уровня безработицы.

Обращает внимание тот факт, что на Северном Кавказе уровень безработицы, как среди женщин, так и мужчин почти в два раза превышает среднероссийские и дальневосточные показатели.

Уровень безработицы женщин и мужчин в России практически одинаков с незначительным превышением у мужчин. Такая же ситуация и на Дальнем Востоке – уровень безработицы у мужчин чуть выше чем у женщин.

На Северном Кавказе наоборот – уровень безработицы у женщин незначительно выше, чем у мужчин.

Интерес представляют данные численности безработных по возрастным группам. Рассмотрим данные за 2017 год. Из таблицы видно, что как по России в целом, так и в двух рассматриваемых федеральных округах наибольшее количество безработных приходится на наиболее трудоспособные возрастные группы: 20-29 и 30-39 лет. Причем, самая трудоспособная группа – молодежь в возрасте 20-29 лет составляет в России 34% , на Дальнем Востоке – 33%, а на Северном Кавказе – более 42% всех безработных этих федеральных округов. Причем в Северокавказском федеральном округе на две возрастные группы 20-29 и 30-39 лет среди всех безработных приходится 67%, на Дальнем Востоке – 57%, а по России в целом – 58%.

Как видим, большую часть безработных как по стране в целом, так и в этих двух регионах составляют люди самого активного трудоспособного возраста. Причем, в Северокавказском федеральном округе численность безработных в двух возрастных группах (20-29 и 30-39 лет) в три раза выше, чем в Дальневосточном федеральном округе.

Исходя из статистических данных, проблема безработицы среди молодежи наиболее остро стоит на Северном Кавказе, в то время как на Дальнем Востоке эта проблема находится в рамках всероссийского уровня.

Обратившись к статистическим данным за 2017 год по продолжительности поиска работы, можно сказать, что треть безработных в возрасте 15-72 года по России в целом и на Дальнем Востоке ищут работу в течение года и более. В то время как на Северном Кавказе таких безработных более 40%. Это свидетельствует о том, что в южном регионе в отличие от Дальнего Востока трудоспособному населению сложнее найти работу. Одной из причин такого положения является то, что на Северном Кавказе число безработных в 2,5 раза больше, чем на Востоке страны.

Таблица 13

Уровень безработицы мужчин в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах (в %)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	5,8	11,9	7,1
2013	5,8	12,3	6,8
2014	5,5	10,6	6,7
2015	5,8	9,9	6,6
2016	5,7	10,0	6,4
Источник: [2].			

Таблица 14

Уровень безработицы женщин в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах (в %)

Годы	Территории		
	Российская Федерация	Северокавказский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2012	5,1	14,4	6,1
2013	5,2	13,6	6,1
2014	4,8	11,8	6,1
2015	5,3	12,5	5,9
2016	5,3	12,2	5,3
Источник: [2].			

Таблица 15

Численность безработных в возрасте 15-72 лет по возрастным группам в 2017 году (тыс. чел.)

Территории	Всего	в т. ч. в возрасте, лет					
		15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-72
Российская Федерация	3966,5	152,2	1363,4	944,8	704,6	666,1	135,5
Северокавказский федеральный округ	501,3	26,3	209,3	124,9	83,6	48,8	8,4
Дальневосточный федеральный округ	188,4	7,6	62,6	44,4	34,3	29,3	10,1
Источник: [3].							

Продолжительность поиска работы для 57% безработных в Северокавказском ФО составляет от 9 до 12 месяцев и более. На Дальнем Востоке безработных с таким стажем поиска работы всего 39%. Можно предположить, что длительность поиска работы на Дальнем Востоке активизирует отток населения из региона, а на Северном Кавказе при более благоприятных климатических условиях – миграционный отток менее интенсивен. Иными словами, продолжительность поиска работы в двух регионах, несомненно, связана с их социально-экономическим развитием, природными условиями и национальными традициями.

В Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах, различных по своим социально-экономическим и природным условиям, процессы формирования населения имеют в своем развитии некоторые сходные черты:

• по рангам показателя численности населения среди субъектов Российской Федерации за 2017 год они занимают два последних соседних места 7 и 8,

• по миграционному приросту среди всех федеральных округов эти два региона занимают два последних места,

• в том, и в другом регионе статистика фиксирует отток населения,

• на Северном Кавказе, и на Дальнем Востоке среднегодовая численность занятых в рассматриваемые годы была почти одинаковой и составляла более 3-х миллионов человек, или 0,5% от всех занятых в Российской Федерации,

Таблица 16

Структура безработных в возрасте 15-72 лет по продолжительности поиска работы (незавершенной безработицы) в Российской Федерации, Северокавказском и Дальневосточном федеральных округах 2017 г. (в % к итогу)

	Всего	В том числе ищут работу, месяцев						Среднее время поиска работы
		менее 1	от 1 до 3	от 3 до 6	от 6 до 9	от 9 до 12	12 и более	
Российская Федерация	100	11,2	20,8	17,3	10,1	10,1	30,4	7,6
Северокавказский федеральный округ	100	8,2	9,0	10,9	15,2	13,8	43,0	9,7
Дальневосточный едеральный округ	100	10,4	22,5	18,4	9,6	8,6	30,5	7,5
Источник [3].								

• в рассматриваемых регионах отмечалось стабильное сокращение численности безработных.

Наряду с общими чертами демографического развития этих регионов статистика фиксирует и различия в них:

• численность населения Северного Кавказа с 2012 г. по 2017 г. ежегодно увеличивается, а на Дальнем Востоке – сокращается,

• общий прирост населения на Северном Кавказе за счет высокой рождаемости за все рассматриваемые годы был положительным, а на Дальнем Востоке – отрицательным за счет высокого миграционного оттока,

• Северный Кавказ за рассматриваемые годы более активно забирал население с Дальнего Востока, чем пополнял его своим,

• на Дальнем Востоке безработных женщин в 3 раза меньше, чем на Северном Кавказе. В определенной мере это обусловлено национальными традициями Северного Кавказа,

• на Северном Кавказе уровень безработицы остается самым высоким в стране. Он в два раза превышает российский и дальневосточный,

• доля безработных, находящихся в поиске работы более года в Северокавказском ФО заметно превышает их процент на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат.сб./Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения 14.02.2019).
2. Труд и занятость в России. Стат.сб./Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (Дата обращения 14.02.2019).
3. Рабочая сила, занятость и безработица в России. Стат.сб./Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312 (Дата обращения 14.02.2019).
4. *Рязанцев С.В.* Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь: Сервисшкола: 2004. С. 376.
5. *Маншин Р.В.* Воспроизводство и репродуктивные установки населения Северного Кавказа (на примере Карачаево-Черкесии, Дагестана, Ставропольского и Краснодарского краев) // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом Кавказском регионе. Тезисы международной конференции. Ставрополь: Изд-во СГУ: 2003. С. 304.
6. *Мотрич Е.Л.* Миграционные компоненты демографического развития Дальневосточного федерального округа. // Векторы реализации демографической политики на Дальнем Востоке // Демографическое развитие российского Дальнего Востока. Т. 2: М.: 2016, С. 86.
7. *Борзунова Т.И., Морозова Г.Ф.* Роль регионов России в формировании населения Дальнего Востока // Социальные технологии, исследования. №3. 2018. С. 65.
8. Без права на труд: работа убегает от россиян – Mail. Новости.
9. *Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю., Гафурова Ш.Ш.* Брачная и трудовая эмиграция женщин из России: Брачная и трудовая эмиграция женщин из России: масштабы и региональные особенности // Женская миграция: формы, тенденции, последствия // Т.3. М: 2017, С. 22.

Reference list

1. The number and migration of the population of the Russian Federation. Statistical book/Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (date of access: 02.02.2019).

2. Labor and employment in Russia. Statistical book / Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (date of access: 14.02.2019).
3. Labor, employment and unemployment in Russia. Statistical book / Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312 (date of access: 14.02.2019).
4. *Ryazantsev S.* Contemporary demographic and migration portrait of the North Caucasus. Stavropol: Servisshkola: 2004. P.376.
5. *Manshin R.* Reproduction and reproductive attitudes of the population of the North Caucasus (on the example of Karachay-Cherkessia, Dagestan, Stavropol and Krasnodar Territories) // Issues of migration and the experience of its regulation in the poly-ethnic Caucasus region. Abstracts of the international conference. Stavropol: SSU Publishing office: 2003. P. 304.
6. *Motrich E.* Migration components of the demographic development of the Far Eastern Federal District // Vectors of the implementation of the demographic policy in the Far East // Demographic development of the Russian Far East. Vol. 2: M .: 2016, P. 86.
7. *Borzunova T., Morozova G.* The role of the regions of Russia in the formation of the population of the Far East // Social technologies, research. №3. 2018. P.65.
8. Without the right to work: Work avoids from the Russians – Mail. News
9. *Ryazantsev S., Sivoplyasova S., Gafurova Sh.* Marriage and labor emigration of women from Russia: Marriage and labor emigration of women from Russia: Scope and regional features // Women's migration: Forms, trends, consequences // Vol. 3. M: 2017, P. 22.

Аль Али Насер Абдель Рахим
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного права
Московского института государственного управления и права
e-mail: law@rgsu.net

Al Ali Naser Abdel Rakheem
PhD in Law, Head of the Department of International Law, Moscow Institute of Public Administration and Law

Анненков А.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права
Института права и управления Тульского государственного университета
e-mail: lex97531@mail.ru

Annenkov A.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of State and Administrative Law of the Institute of Law and Management
of Tula State University

Бондаренко Т.Г.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансового менеджмента
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: t.g.bondarenko@gmail.com

Bondarenko T.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Financial Management
of Plekhanov Russian University of Economics

Борзунова Т.И.,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института
социально-политических исследований Российской академии наук
e-mail: tibor53@mail.ru

Borzunova T.,
PhD in Economics, Leading Researcher of the Social Demography Center
of the Institute of Social-Political Studies of the Russian Academy of Sciences

Борисов А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс
и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: av-borisov@mail.ru

Borisov A.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Вологдина Е.С.,
старший преподаватель кафедры Административного права и таможенного дела
Юридического факультета Забайкальского государственного университета
e-mail: ek.antsiferowa@yandex.ru

Vologdina E.,
Senior Lecturer of Chair of Administrative Law and Customs Affairs of the Law Faculty of Trans-Baikal State University

Вяткина Г.О.,
магистрант юридического факультета Брянского государственного университета имени академика
И.Г. Петровского, стипендиат Президента Российской Федерации
e-mail: galya.vyatkina.00@mail.ru

Vyatkina G.,
Master's Degree Student of the Law Faculty of Ivan Petrovsky Bryansk State University,
Scholarship Holder of the President of the Russian Federation

Духно Н.А.,
доктор юридических наук, профессор, директор
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: naduhno@ui-miit.ru

Dukhno N.,
Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Зеленцова С.В.,
кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного
муниципального управления и управления персоналом
Сургутского государственного университета
e-mail: svetlana-zel@yandex.ru

Zelentsova S.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State Municipal Management
and Personal Management of Surgut State University

Кауфман Н.Ю.,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного муниципального управления
и управления персоналом Сургутского государственного университета
e-mail: ntlrus@gmail.com

Kaufman N.,
PhD in Economics, Associate Professor of Chair of State Municipal Management
and Personal Management of Surgut State University

Климкин В.Н.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Теория права, история права
и международное право» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: nfo@ui-miit.ru

Klimkin V.,
PhD in Law, Associate Professor of the Chair "Theory of Law, History of Law and International Law"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Климова А.О.,
аспирант Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: Annaolegovna.92@mail.ru

Klimova A.,
Postgraduate student of the Russian University of Transport (MIIT)

Краснопеев И.С.,
аспирант Красноярского аграрного университета
e-mail: krasnopeevis@yandex.ru

Krasnopeev I.,
Postgraduate-student of the Krasnoyarsk Agrarian University

Лаврова Ю.В.,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации, помощник прокурора
Пензенского района Пензенской области
e-mail: karamysheva_yulia@mail.ru

Lavrova Yu.,
Postgraduate student of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Assistant Prosecutor of Penza District of the Penza Region

Лутовинова Н.В.,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых
дисциплин юридического факультета
Российского государственного социального университета
e-mail: law@rgsu.net

Lutovinova N.,
Senior Lecturer of Chair of State-Legal Disciplines of the Law Faculty of Russian State Social University

Морозова Г.Ф.,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований Российской академии наук
e-mail: gmoroz46@mail.ru

Morozova G.,
PhD in Economics, Leading Researcher of the Social Demography Center
of the Institute of Social-Political Studies of the Russian Academy of Sciences

Надхер Ахмед Мандиль,
доктор, доцент кафедры публичного права Юридического колледжа Тикритского университета,
Республика Ирак
e-mail: law@rgsu.net

Dr. Nadher Ahmed Mandeel,
Associate Professor of Public Law at the College of Law of Tikrit University, Republic of Iraq

Нарутто С.В.,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
e-mail: svetanarutto@yandex.ru

Narutto S.,
Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow State Law University named after O. Kutafin

Овечкин А.П.,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
«Административное право, экологическое право, информационное право»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: aleksaovech@yandex.ru

Ovechkin A.,
Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair "Administrative Law, Environmental Law, Information Law"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Орлов Ю.Ю.,
Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: nfo@ui-miit.ru

Orlov Yu.,
The Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Осипян Б.А.,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
e-mail: artos5@mail.ru

Osipyan B.,
PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, и.о. заведующей сектором информационного права
и международной информационной безопасности, Заслуженный юрист РФ
e-mail: Polyakova_ta@mail.ru

Polyakova T.,
Doctor of Law, Acting Head of the Section of Information Law and International Information Security
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation

Правкин С.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право,
информационное право» Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: Pravkin@bk.ru

Pravkin S.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair
"Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of the Russian University of Transport (MIIT)

Скребнев А.В.,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины
и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета
имени А.И. Евдокимова, заведующий танатологическим отделением № 9
Бюро судебно-медицинской экспертизы
Департамента здравоохранения города Москвы
e-mail: msmsu@msmsu.ru

Skrebnev A.,
PhD in Medical Sciences, Associate Professor of Chair of Legal Medicine and Medical Law
of the Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. Evdokimov,
Head of Thantology Department № 9 of the Bureau of Forensic Medical Examination
of the Moscow City Health Department

Скребнева Н.А.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права
Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова
e-mail: Ksudmimp@msmsu.ru

Skrebneva N.,
PhD in Law, Lecturer of Chair of Legal Medicine and Medical Law
of the Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. Evdokimov

Смирнова В.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Административное право, экологическое право, информационное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: veryvera@list.ru

Smirnova V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair
"Administrative Law, Environmental Law, Information Law" of the Russian University of Transport (MIIT)

Федоров Р.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права
e-mail: secretar@migup.ru

Fedorov R.,
PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Филиппова М.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: info@ui-miit.ru

Filippova M.,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Director for Educational-Methodical Work
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Чернявский А.Г.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права
e-mail: aleksandrcher@mail.ru

Chernyavskiy A.,
Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Чурилов С.Н.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права и управления Московского городского педагогического университета,
заслуженный юрист Российской Федерации
e-mail: ChurilovSN@mgpu.ru

Churilov S.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Institute of Law and Management
of Moscow City Pedagogical University, Honored Lawyer of the Russian Federation

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общие требования

К оформлению материалов, представляемых для публикации в журнале «Вестник Академии права и управления», который является междисциплинарным и охватывает следующие области знания: юридические науки, экономические науки, педагогические науки.

К публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, научные отчеты, аналитические статьи, соответствующие **тематике** журнала.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике, научному уровню журнала. Авторский материал, предлагаемый к публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Название статьи должно соответствовать содержанию.

2. Объем авторского оригинала (включая список литературы, таблицы и надписи к рисункам) не должен превышать 0,8 авторского листа (32 тысячи знаков, включая пробелы).

Предоставленный материал должен быть подготовлен в текстовом редакторе – **Microsoft Word**.

Рисунки предоставляются в формате ***.JPEG** или ***.bmp.** Подрисуночная подпись состоит из номера и названия (**Рисунок 1. …**) Графики, диаграммы и прочее рекомендуется выполнять в программах **MS Excel** или **MS Graph.**

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера. В тексте должны быть ссылки на представленные рисунки и таблицы. Сноски даются в тексте в [квадратных скобках], например: [3: с. 57], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи **в алфавитном порядке**, ссылки на комментарии приводятся в (**круглых скобках**).

Постраничные сноски не допускаются.

Допускаются смысловые выделения полужирным шрифтом.

3. В электронном виде материал для публикации предоставляется в виде нескольких отдельных файлов, названия которых должны начинаться с ФИО автора (авторов).

Структура основного файла, содержащего текст статьи на русском языке:

– УДК статьи – на первой странице в левом верхнем углу;

– название статьи;

– краткая информация об авторе (авторах) статьи;

– аннотация статьи на русском языке (информативное изложение содержания статьи, не более 800 знаков);

– ключевые слова на русском языке (до 15 слов или словосочетаний, характеризующих содержание статьи; приводятся в именительном падеже и печатаются строчными буквами, через запятые):

– текст статьи (текст – в формате А 4; гарнитура – Times New Roman; размер (кегль) шрифта – 14; межстрочный интервал – одинарный; все поля – 2 см, отступ (абзац) – 1 см, без переносов;

– список литературы приводится в алфавитном порядке – сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Информация, обязательная к представлению на английском языке:

– название статьи;

– ФИО, краткая информация об авторе (авторах) статьи (научная степень, звание, должность, место работы, e-mail);

– аннотация статьи;

– ключевые слова.

Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (Библиографическая ссылка) (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, а также общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках.

Количество источников в пристатейном библиографическом списке не более 35.

Как в русскоязычном, так и в англоязычных источниках, включенных в пристатейный список литературы, указываются все авторы каждой публикации (не более 3; если авторов больше – др.).

4. Отдельными файлами высылаются:

– копии всей содержащейся в материале графики – рисунков, схем (в формате JPEG или TIFF (разрешение не менее 300 dpi), а также формул и таблиц;

– анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Гонорары авторам не выплачиваются.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторскому коллективу выдается один экземпляр журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.

Просьба к авторам высылать материалы в полном комплекте,
в ином случае они будут возвращаться без рецензирования.
Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (54)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: АНО ВО «Московский институт государственного управления и права», 2019 – 166 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 25.03.2019
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 19,3

Адрес редакции:
115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064-29